

ISSN 2311-9470

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Основан в 2013 году

Выпуск 7

Минск
2019

Сборник подготовлен Центром международных исследований факультета международных отношений БГУ. В него вошли научные статьи известных ученых-международников и молодых исследователей.

Статьи посвящены актуальным проблемам современных международных отношений и глобального развития. Книга будет полезна преподавателям, аспирантам, студентам, научным работникам – специалистам в области международных отношений.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

кандидат политических наук *Е. А. Достанко*

(составитель и научный редактор), БГУ, Беларусь;

доктор философских наук *А. М. Байчоров* (главный редактор),
БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *П. И. Бригадин*, БГУ, Беларусь;

доктор политических наук *В. Н. Ватыль*, Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы, Беларусь;

доктор социальных наук *Я. Дворак*, Клайпедский университет, Литва;

доктор философских наук *Л. Е. Криштапович*, БГУКИ, Беларусь;

доктор исторических наук *К. П. Курьлев*, РУДН, Россия;

доктор политических наук *Ю. И. Малевич*, БГУ, Беларусь;

доктор политических наук *Н. А. Антановаич*, БГУ, Беларусь;

доктор политических наук *С. В. Решетников*, БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *М. Э. Чесновский*, БГУ, Беларусь;

доктор исторических наук *В. Г. Шадурский*, БГУ, Беларусь;

доктор философии *С. Хурсой*, Эге Университет, Турция;

доктор экономических наук *С. А. Якубовский*,

ОНУ им. И. И. Мечникова, Украина

Actual problems of international relations and global development – annual collection of scientific papers (ISSN 2311 – 9470 (print), book series), established in 2013 by the Center for International Studies of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk. This is a publication on international relations with a special focus on the history of international relations, political problems of international relations, global and regional development.

Being included in the international academic discourse, it is international in editorial board and topic coverage. The papers from recognized experts and promising scholars from Belarus, Russia, Ukraine, European and Central Asian countries are introduced in editions. Prospective contributors from other countries are also invited to present their approaches to the solutions of the current issues of international agenda. The edition welcomes publication of reviews, articles in English.

E d i t o r i a l B o a r d

Dastanka Alena, PhD, scientific editor, Belarusian State University, Belarus;

Baichorov Aleksandr, Doctor, Editor-in-Chief,

Belarusian State University, Belarus;

Brigadzin Petr, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Vatyl Viktor, Doctor, Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus;

Dvorak Jaroslav, Doctor, Klaipėda University, Lithuania;

Krishtapovich Lev, Doctor, Belarusian State University
of Culture and Arts, Belarus;

Kurylev Konstantin, Doctor, RUDN University, Russia;

Malevich Yuliana, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Nina Antanovich, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Reshetnikov Sergey, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Chasnouski Mecheslau, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Shadursky Victor, Doctor, Belarusian State University, Belarus;

Hursoy Siret, Doctor, Ege University, Turkey;

Yakubovsky Serhiy, Doctor, Odessa National I. I. Mechnikov University,
Ukraine

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
<i>Володькин А. А.</i> Развитие отношений Литвы, Латвии и Эстонии с США в 1990–2000-е гг.	7
<i>Курьлев К. П., Морозова Е. Р.</i> Русский язык как средство межкультурного диалога в Республике Казахстан	24
<i>Лазоркина О. И.</i> Трансграничное сотрудничество Беларуси и Европейского союза в сфере культуры	35
<i>Свилас С. Ф.</i> Деятельность Белорусской ССР в Европейской экономической комиссии (1954–1964 гг.)	46
<i>Тихомиров А. В.</i> Китай как приоритет внешней политики Республики Беларусь (1992–2019 гг.)	71
<i>Худайбердиева Н. Х.</i> Региональные вызовы политике нейтралитета Туркменистана	90
<i>Шарано А. В.</i> Итоги парламентских выборов 2019 г. в Австрии в контексте общеевропейских тенденций	106
<i>Huang Kunpeng.</i> Implementation of the national health policy in PRC (1981–2017)	118

CONTENT

<i>Preface</i>	6
<i>Valodzkin A. A.</i> The development of the Lithuanian, Latvian and Estonian relations with the United States of America in 1990s – 2000s	7
<i>Kurylev K. P., Morozova E. R.</i> Russian language as a means of intercultural dialogue in the Republic of Kazakhstan	24
<i>Lazorkina O. I.</i> Transboundary cooperation of Belarus and the European Union in the sphere of culture	35
<i>Svilas S. F.</i> Activities of the Byelorussian SSR in the European Economic Commission (1954–1964)	46
<i>Tsikhamirau A. V.</i> China as a foreign policy priority of the Republic of Belarus (1992–2019)	71
<i>Khudayberdieva N. Kh.</i> Regional challenges in Turkmenistan neutrality policy	90
<i>Sharapa A. V.</i> Results of the 2019 parliamentary elections in Austria in the context of pan-european trends	106
<i>Huang Kunpeng.</i> Implementation of the national health policy in PRC (1981–2017)	118

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития – ежегодный сборник научных статей – создан в 2013 г. Центром международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск). Он представляет собой издание по международным отношениям с особым акцентом на историю международных отношений, политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Сборник включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим и политическим наукам и является международным по авторскому коллективу и составу редколлегии. В нем публикуются признанные и перспективные исследователи из Беларуси, России, Украины, стран СНГ и Европы.

Приглашаем ученых и из других стран представить на страницах издания свои подходы к решению международных проблем современности.

Приветствуются публикации рецензий, статьи на английском языке.

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ЛИТВЫ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

С США В 1990–2000-е гг.

А. А. Володькин

Институт истории НАН Беларуси

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается развитие отношений трех государств Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии с Соединенными Штатами Америки в первые два десятилетия после восстановления их государственной независимости (1990–2000-е гг.).

Опираясь на широкий круг литературы и источников, включая научные публикации по различным аспектам балтийско-американских отношений, выступления официальных лиц государств Балтии, материалы СМИ, а также записи собственных бесед с бывшими латвийскими и литовскими дипломатами и политиками, автор анализирует причины столь высокого места США в системе внешнеполитических приоритетов Литвы, Латвии и Эстонии, выделяет основные цели и направления внешней политики государств Балтии в отношении этой страны, а также рассматривает хронологию основных событий в ходе развития балтийско-американских отношений в исследуемый период и выделяет на этой основе следующие этапы в их развитии: 1) поиск американской поддержки для укрепления независимости стран Балтии и их признания на международной арене; 2) борьба Литвы, Латвии и Эстонии за их принятие в НАТО и 3) эволюция отношений государств Балтии с Соединенными Штатами в период после своего вступления в НАТО и ЕС.

Ключевые слова: государства Балтии; Литва; Латвия; Эстония; внешняя политика; Соединенные Штаты Америки; НАТО.

DOI: <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2019-7-7-23>.

Введение. Пожалуй, не будет преувеличением утверждать, что на протяжении всего периода после восстановления независимости Литвы, Латвии и Эстонии в структуре их двусторонних отношений с другими государствами ни одной стране мира не отводилось такого важного места, как Соединенным Штатам Америки.

Выступления официальных лиц государств Балтии изобилуют восторженно-идеалистическими оценками роли США в международных делах, выражениями безоговорочной поддержки их политики на международной арене и заявлениями о полном совпадении базовых ценностей и интересов жителей Литвы, Латвии и Эстонии с амери-

канскими. При этом обычно подчеркивается особая роль Вашингтона в обеспечении европейской безопасности, и прежде всего – в обеспечении безопасности и сохранении государственного суверенитета самих стран Балтии.

Почему же отношениям со столь далеким государством, расположенным на другом континенте, за тысячи километров от Балтийского региона, и никогда ранее не имевшим с этим регионом ни прочных культурно-исторических связей, ни особых экономических интересов, придается такое большое значение? Тем более что слишком тесные отношения с Соединенными Штатами создают для государств Балтии определенные проблемы в отношениях с гораздо более близкими странами Восточной, а порой и Западной Европы. И речь в данном случае не только про раздражение России, которая воспринимает любое усиление американского влияния в Балтийском регионе как вызов собственным интересам.

Стремление стран Балтии после вступления в НАТО обеспечить собственную безопасность за счет наращивания американского военного присутствия на их территории провоцировало обеспокоенность и у других соседей, в частности у Беларуси, и, как следствие, рост политической напряженности в регионе. А безоговорочная поддержка американской политики на международной арене вызывала раздражение даже у партнеров по ЕС и НАТО.

В этой связи литовским политикам надолго запомнился случай, когда в ответ на призыв литовской делегации к европейским союзникам по НАТО воспользоваться своим правом и проявить солидарность с США по вопросу военной операции в Ираке французский президент Ж. Ширак не слишком дипломатично посоветовал им воспользоваться своим правом замолчать. Очевидно, что для столь четко выраженной в долгосрочном и последовательном внешнеполитическом курсе позиции должны существовать весомые причины и аргументы.

Таким образом, актуальность исследования темы балтийско-американских отношений обусловлена двумя факторами. Во-первых, чрезвычайно высоким местом отношений с США в структуре внешнеполитических приоритетов Литвы, Латвии и Эстонии; во-вторых – повышенным вниманием к этим отношениям со стороны соседей государств Балтии, включая Беларусь, в связи с их потенциалом влия-

ния на изменение баланса сил в Центральной и Восточной Европе и, как следствие, на безопасность данного региона.

Что касается научной новизны, следует отметить, что тематика отношений между государствами Балтии и США в целом является достаточно частым предметом дискуссий как в российском, так и в западном экспертном сообществе. Однако в большинстве аналитических публикаций на эту тему внимание авторов сосредоточено на текущих аспектах балтийско-американского сотрудничества в сфере безопасности, которое рассматривалось, главным образом, в контексте отношений Россия – Запад и процессов восточного расширения НАТО. При этом основным предметом анализа в них обычно становились политические решения и заявления руководства США в отношении стран Балтии, а не наоборот. Отличие же данной статьи заключается в том, что развитие отношений Литвы, Латвии и Эстонии с США анализируется с позиций общей логики развития внешней политики государств Балтии после восстановления их независимости и определения в ней места американского вектора.

Методология исследования. *Объектом исследования* в данной работе выступают отношения между тремя государствами Балтии и США в 1990–2000-е гг. *Предметом исследования* – роль американского вектора во внешней политике этих трех стран в указанный период. В качестве цели работы было определено выявление ключевых характеристик развития американского вектора во внешней политике Литвы, Латвии и Эстонии. Для достижения этой цели были сформулированы следующие задачи:

- проанализировать причины, по которым отношения с США заняли столь важное место в структуре внешнеполитических приоритетов государств Балтии;

- выявить основные цели и направления развития взаимодействия Литвы, Латвии и Эстонии с США в указанный период;

- проанализировать хронологию развития отношений этих трех стран с США и выделить их основные этапы.

Для решения поставленных задач применен широкий спектр научных методов и подходов, прежде всего, характерных для исторической науки и теории внешнеполитического анализа. Среди использованных методов исторического исследования хотелось бы отметить метод ретроспективного анализа, который позволяет на основании

найденных источников и материалов реконструировать развитие определенного исторического процесса. Для работы с печатными источниками использовался также широко распространенный в социальных науках метод контент-анализа.

Однако скудность фактологической информации по некоторым важным аспектам темы в найденных печатных источниках и отказ в доступе к архивным фондам министерств иностранных дел Латвии и Литвы (в связи с принятым в этих учреждениях ограничением в 30 лет на доступ посторонних лиц к официальным документам) обусловили необходимость использования довольно нетипичного для отечественной исторической науки метода устной истории. Его суть сводилась к интервьюированию автором в ходе рабочих командировок в Ригу и Вильнюс ряда бывших латвийских и литовских дипломатов и политиков, сыгравших важную роль в процессах формирования и реализации внешнеполитического курса соответствующих государств в исследуемый период, в целях сбора информации мемуарного характера об особенностях принятия и практической реализации некоторых решений по важнейшим направлениям латвийской и литовской внешней политики.

Что касается подходов теории внешнеполитического анализа, использование которых было обусловлено самим предметом исследования, в первую очередь, среди них следует отметить неореалистскую «теорию альянсов» С. Уолта (*S. Walt*), которая объясняет поведение малых государств на международной арене стоящим перед ними выбором между примыканием к сильному лидеру в целях минимизации для себя издержек в случае международного конфликта либо, наоборот, созданием против такого лидера противовеса совместно с другими государствами.

Также весьма полезной для целей данной статьи оказалась теория «секьюритизации», разработанная в рамках Копенгагенской школы исследований международной безопасности ее основоположниками Б. Бузаном (*B. Buzan*) и О. Уивером (*O. Waever*). Этот подход, сформировавшийся в русле конструктивистских традиций в теории международных отношений, объясняет механизм конструирования образов угроз в политическом дискурсе в целях мобилизации и перераспределения ресурсов на решение той или иной политической задачи. Теория «секьюритизации» как нельзя лучше объясняет ту на-

стойчивость, с которой Литва, Латвия и Эстония стремились добиться гарантий своей безопасности со стороны США и особого статуса своих отношений с Вашингтоном иногда даже в ущерб развитию отношений с другими партнерами на международной арене.

Обзор историографии по теме. Поскольку отношения стран Балтии с США рассматриваются в статье с позиций формирования американского вектора во внешней политике Литвы, Латвии и Эстонии, основной упор при ее написании сделан именно на публикации исследователей и видных политических деятелей из этих стран. Используемую историографию условно можно разделить на две категории.

Во-первых, это мемуары и выступления политиков и дипломатов, непосредственно участвовавших в развитии отношений между странами Балтии и США в исследуемый период.

К этой категории в первую очередь следует отнести монументальный сборник мемуаров первого президента постсоветской Литвы А. Бразаускаса (*A. Brazauskas*) «Пять лет президента», в котором он приводит свои воспоминания и оценки основных событий внутренней и внешней политики Литвы в период своего правления [1].

Также сюда относятся сборник выступлений бывшего посла Литвы в США (впоследствии – министра иностранных дел) В. Ушацкаса (*V. Ušackas*) [2] и публикация бывшего американского посла в Эстонии и Литве К. Смита (*K. Smith*), которая хоть и посвящена балтийско-российским противоречиям, в значительной степени затрагивает участие США в их урегулировании [3].

Ко второй группе относятся публикации литовских и латвийских исследователей, посвященные развитию двусторонних отношений их стран с Соединенными Штатами.

В первую очередь здесь следует упомянуть коллективную монографию ведущих латвийских политологов и историков «Латвия и США: от захваченной нации к стратегическому партнеру» [4] и, прежде всего, опубликованные в ней разделы по основным аспектам развития латвийско-американских отношений в рассматриваемый период, написанные Ж. Озолиней (*Ž. Ozoliņa*) [5], А. Лейиньшем (*A. Lejiņš*) [6] и И. Морицей (*I. Morica*) [7]. Также стоит упомянуть еще одну коллективную работу латвийских исследователей на эту тему – монографию «Латвия и Соединенные Штаты: новая глава партнерства», в

которой сравниваются отношения двух стран в период президентства Дж. Буша-старшего и Б. Обамы [8].

Кроме того, к этой группе следует отнести целый ряд публикаций из англоязычного литовского журнала «*Lithuanian Foreign Policy Review*», посвященных развитию двусторонних и многосторонних отношений Литвы и США [9–15].

Результаты исследования. Прежде всего, нужно определить причины и предпосылки, по которым отношения с США стали играть столь важную роль во внешней политике Литвы, Латвии и Эстонии. Как отмечают латвийские исследователи Д. Ауэрс и Н. Муижниекс, вплоть до Второй мировой войны связи США со странами этого региона не отличались устойчивостью и даже открытие в 1930-х гг. американского посольства в Риге было продиктовано не столько интересом к развитию отношений с Латвией, сколько желанием получить еще один пункт сбора сведений об СССР [4, с. 5].

Однако утрата странами Балтии независимости в результате их включения в состав Советского Союза принципиально изменила роль США в их истории.

Дело в том, что еще в 1932 г. в связи с японской оккупацией Маньчжурии Вашингтон принял так называемую доктрину Стимсона (*Stimson Doctrine*), в соответствии с которой правительство США обязалось не признавать никакие изменения границ, осуществленные насильственным способом. Исходя из этой доктрины, 23 июля 1940 г. была принята Декларация С. Уэллса (*Welles Declaration*) о непризнании Соединенными Штатами утраты независимости Литвы, Латвии и Эстонии и их включения в состав СССР.

Этой принципиальной позиции американское руководство придерживалось вплоть до фактического восстановления независимости государств Балтии в 1991 г. – ни тесное сотрудничество с СССР в рамках антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны, ни период разрядки в холодной войне в 1970-е гг. не изменили их твердую позицию по этому вопросу.

Даже при подписании Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, предусматривавшего признание всеми сторонами нерушимости границ, установленных на Европейском континенте после Второй мировой войны, США сделали оговорку, что это ни в коем случае не означает их признания включе-

ния стран Балтии в состав СССР. Более того, на протяжении всего периода холодной войны в Вашингтоне продолжали легально действовать дипломатические представительства независимых Литвы, Латвии и Эстонии, которые признавались государственным департаментом США и функционировали за счет средств, размещенных до военными правительствами этих государств в американских банках.

Конечно, эти учреждения реально больше не представляли никакое правительство и фактически стали общественными организациями по защите прав и интересов литовских, латвийских и эстонских эмигрантов, не пожелавших остаться на родине после ее включения в состав СССР.

Однако их значение в качестве символов исторической преемственности с прежней государственностью межвоенного периода было чрезвычайно велико как для консолидации политической эмиграции из этих стран, так и для легитимации взятого народными фронтами Литвы, Латвии и Эстонии на рубеже 1980–1990-х гг. курса на восстановление независимости.

Таким образом, столь принципиальная и последовательная позиция США, особенно на фоне ряда других стран Запада, которые постепенно уступали советским требованиям и в той или иной форме признавали факт инкорпорации, делала Вашингтон главным союзником всех политических сил, выступавших за восстановление независимости Литвы, Латвии и Эстонии и их международное признание.

Еще одной причиной, которая также сыграла не последнюю роль в налаживании американско-балтийских связей, стало формирование в США достаточно крупных и консолидированных диаспор государств Балтии.

Только литовская диаспора в этой стране, по оценкам первого президента постсоветской Литвы А. Бразаускаса, составляла около 800 тысяч человек [1, с. 453]. Если добавить к этому числу диаспоры двух других государств Балтии, получится цифра, вполне сопоставимая, например, с численностью населения современной Эстонии или Латвии.

Однако гораздо более важной, чем численность, была степень консолидации и политической активности балтийских диаспор в Америке. Как отметил в ходе одного из проведенных автором интервью бывший посол Латвии при НАТО, а ранее активный деятель латвий-

ской диаспоры Я. Эйхманис (*J. Eichmanis*), «в годы холодной войны благодаря своей сплоченности и активности балтийские диаспоры смогли сформировать в США одно из мощнейших национальных лобби – пожалуй, второе по влиятельности после еврейского».

И хотя это, безусловно, субъективная оценка респондента, ряд других свидетельств также подтверждает важную роль балтийских диаспор в США в установлении и развитии контактов между пришедшими к власти в Литве, Латвии и Эстонии в результате выборов 1990 г. правительствами народных фронтов и американским правительством.

Наконец, не следует забывать и о кардинальном изменении роли США в международной политике. По итогам Второй мировой войны они превратились из регионального гегемона Западного полушария в мировую сверхдержаву, возглавившую один из двух полюсов новой системы международных отношений, и стали главным соперником СССР в годы холодной войны. Поэтому лидеры движений за восстановление национальной независимости Литвы, Латвии и Эстонии прекрасно понимали, что исход их противостояния с руководством СССР во многом будет зависеть от позиции Вашингтона по данному вопросу.

Дальнейшая ориентация на США после восстановления независимости и распада СССР, а вместе с ним и биполярной системы международных отношений, в целом укладывается в классическую схему «примыкания» согласно «теории альянсов» С. Уолта. Соединенные Штаты рассматривались политическими элитами этих государств как страна, победившая в холодной войне, и бесспорный лидер западного сообщества, в которое они стремились интегрироваться. Поэтому в условиях крайней ограниченности собственных ресурсов достижение стратегического партнерства с Вашингтоном представлялось им наилучшим способом лоббирования интересов своих стран на международной арене с минимальными издержками.

Следующей важной задачей является определение главных целей внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в отношении США и основных направлений их достижения. Анализ ряда публикаций о развитии отношений отдельных стран Балтии с США позволяет выделить следующие три приоритета балтийско-американского сотрудничества: укрепление безопасности этих стран, развитие в них демо-

кратических институтов и повышение благосостояния за счет развития экономических связей с США [1; 4; 10]. При этом совершенно очевидно полное преобладание вопросов безопасности над двумя остальными приоритетами.

Бесспорно, главной стратегической целью американского вектора внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии было (и остается) получение гарантий собственной безопасности от США как единственной оставшейся сверхдержавы и лидера всего Западного мира. Ключевую роль при обосновании этой цели играет тезис о неизменной угрозе их суверенитету и сохранению в качестве независимых государств со стороны России и, как следствие, геополитической уязвимости стран Балтии, их неспособности защитить свою безопасность собственными силами без внешней помощи.

При этом подчеркивается, что единственным эффективным инструментом обеспечения безопасности не только государств Балтии, но и всей Европы, является укрепление трансатлантических связей в рамках НАТО и американского военного присутствия в регионе. А потому Вильнюс, Ригу и Таллин не устроят никакие другие альтернативы в сфере международных гарантий их безопасности, кроме тех, что содержатся в статье 5 Североатлантического договора о создании НАТО.

Примечательно и то, что среди системных политических партий Литвы, Латвии и Эстонии уже к середине 1990-х гг. сложился редкий консенсус по вопросу о необходимости вступления в НАТО, поскольку членство в этом альянсе рассматривалось в качестве главного инструмента обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, произошла «секьюритизация» американского направления внешней политики этих стран. Скорейшее получение гарантий защиты от США в соответствии с обязательствами 5-й статьи Устава НАТО провозглашалось чуть ли не единственным залогом сохранения независимости и государственности Литвы, Латвии и Эстонии. При этом все понимали, что, хотя процесс расширения альянса на Восток инициировали немцы, решение вопроса о принятии в него стран Балтии зависело в первую очередь от позиции Вашингтона. Поэтому не удивительно, что в 1990-х – начале 2000-х гг. основные силы балтийской дипломатии были брошены именно на американское направление.

Что касается второго направления – сотрудничества с США по развитию демократических институтов в государствах Балтии, его значение и результаты были не столь очевидны. В переходный период во всех трех странах в той или иной степени были проблемы с коррупцией и построением системы эффективного общественного контроля за деятельностью государственного аппарата путем развития структур гражданского общества и преодоления социальной инертности народных масс.

В этой связи опыт США, как страны, где подобная система имеет уже долгую традицию успешного функционирования, был весьма полезен, как и возможности, которые могли предоставить для развития гражданского общества американские правительственные фонды, такие как *USAID*, *BAPF* и *SFL*.

Однако, как отмечает И. Морица, оценки американской помощи в этой сфере, например в латвийском обществе и политической элите, были весьма противоречивыми [7, с. 106]. Поэтому можно сделать вывод, что заявления официальных лиц государств Балтии о важности сотрудничества с США в сфере построения демократии были адресованы, прежде всего, американскому электорату, чтобы лишний раз напомнить о принадлежности латышей, литовцев и эстонцев к тому же «сообществу демократических ценностей», что и американцы, и использовать это в качестве дополнительного аргумента в пользу скорейшего принятия их стран в НАТО.

Вопросы экономики в процессе развития балтийско-американских отношений также находились явно на второстепенных ролях. В силу географической удаленности и узости рынков Литвы, Латвии и Эстонии они не представляли особого интереса для американского бизнеса. А доля прямых американских инвестиций даже в Литве, где они достигли наибольшего среди трех стран удельного веса, в конце 1990-х гг. не превышала 17,5 % [10]. Кроме того, далеко не все американские инвестиционные проекты здесь были успешны. Так, хорошо известен коррупционный скандал, связанный с участием американской компании «*Williams International*» в приватизации литовского нефтеперерабатывающего завода в г. Мажейкяй.

Гораздо более важным направлением развития отношений с США стало взаимодействие в международных организациях. Как отмечает бывший советник президента Латвии профессор Ж. Озолия,

без поддержки американских дипломатов голос Латвии в ООН вряд ли был бы услышан. Так, по ее мнению, принятие 25 ноября 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «О полном выводе иностранных войск с территории государств Балтии» стало возможным лишь благодаря участию Вашингтона в подготовке и лоббировании этого документа.

Кроме того, тесное сотрудничество латвийских и американских представителей в ООН помогло дважды внести на рассмотрение Генеральной Ассамблеи вопрос о невыполнении Россией условий этой резолюции и убраться к 1996 г. из повестки органов ООН российские претензии о несоблюдении прав человека в Латвии. После этого, благодаря беспрецедентной помощи американского госсекретаря М. Олбрайт, которая убедила ряд государств Африки и Азии поддержать кандидатуру Латвии, та была избрана в Совет ООН по экономическому и социальному сотрудничеству (ЭКОСОС), а в следующем году – в Комитет по правам человека в Женеве [5, с. 76–77].

Теперь рассмотрим хронологию основных событий и этапов в развитии балтийско-американских отношений. 2 сентября 1991 г. президент США Дж. Буш-старший заявил о признании восстановления независимости Литвы, Латвии и Эстонии, а 5 сентября – о возобновлении с ними дипломатических отношений в полном объеме. Т.е. Вашингтон признал восстановление независимости стран Балтии почти через неделю после того, как это сделал ЕС, но за день до принятия соответствующего решения Верховного Совета СССР.

Однако в начале 1990-х гг. политические контакты развивались достаточно осторожно. Так, первая встреча на высшем уровне состоялась лишь осенью 1993 г., когда президенты стран Балтии и США встретились в четырехстороннем формате во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В последующие годы обмен визитами на высшем и высоком уровнях был достаточно интенсивным. Однако его особенностью, как отмечал в своих мемуарах экс-президент Литвы А. Бразаускас, было то, что американские президенты предпочитали встречаться с лидерами государств Балтии не по одиночке, а сразу со всеми – в четырехстороннем формате – в Вашингтоне либо, «как в свое время делало и советское руководство, приезжая в географическую столицу региона – Ригу» [1, с. 453].

Тем самым США демонстрировали странам Балтии, что рассматривают их как единый регион и не хотят в своей политике выделять кого-то из них отдельно. По мнению Бразаускаса, такой подход был вполне оправдан, поскольку с учетом «незрелого политического мышления» руководства стран Балтии встреча американского лидера только с одним из трех президентов спровоцировала бы зависть и нездоровое соперничество.

В июле 1994 г. президент США Б. Клинтон совершил свой первый официальный визит в страны Балтии. Он посетил Ригу, куда для встречи с ним съехались президенты всех трех государств. А в июле 1997 г., сразу после Мадридского саммита НАТО, в Вильнюс прибыла госсекретарь США М. Олбрайт, чтобы успокоить страны Балтии в связи с решением альянса не приглашать их к первому раунду расширения в 1999 г.

В своем выступлении в Вильнюсском университете она заверила, что не одной демократической европейской стране не будет отказано в принятии в НАТО по историческим или географическим причинам, и они будут приняты как только докажут свое желание и способность выполнять членские обязательства, а НАТО решит, «что их членство отвечает интересам альянса» [1, с. 454]. На встречу с ней в литовскую столицу приехали также главы всех трех государств Балтии.

В свою очередь 26–27 апреля 1996 г. состоялся совместный визит в США президентов Литвы (А. Бразаускас), Латвии (Г. Ульманис) и Эстонии (Л. Мери). В январе 1998 г. эти же лидеры трех стран посетили Вашингтон для подписания Хартии о партнерстве между США, Эстонией, Латвией и Литвой, более известной как «Балтийская хартия».

Хотя этот документ не содержал никаких конкретных обязательств о гарантиях безопасности стран Балтии со стороны США или о сроках их принятия в НАТО, он включал декларацию о намерениях создать для этого все условия. Кроме того, хартия оформляла создание двух рабочих групп по отношениям в сфере военной обороны и по экономическому сотрудничеству [10].

Сменивший Б. Клинтона на посту президента США Дж. Буш-младший продолжил практику своего предшественника встречаться с лидерами сразу всех трех государств Балтии. Так, в мае 2005 г. он со-

вершил официальный визит в Ригу для встречи с лидерами Литвы, Латвии и Эстонии – впервые после их вступления в НАТО и ЕС. В следующем году Дж. Буш вновь посетил Ригу – на этот раз для участия в саммите Североатлантического альянса.

Рассматривая динамику балтийско-американских отношений в 1990–2000-х гг., можно выделить в их развитии три основных этапа. Первый охватывает период с осени 1991 г. до конца 1993 г. В этот период лидеры США и стран Балтии воздерживались от взаимных визитов, и контакты между государствами поддерживались, главным образом, в рамках международных организаций, прежде всего, ООН. Главной задачей балтийской внешней политики в отношении США на этом этапе было стремление заручиться американской поддержкой в деле решения спорных вопросов с Россией, а также использовать американскую поддержку для укрепления своего суверенитета и ускорения его международного признания.

Следующий этап охватывает 1994 – весну 2004 г. Он начался с решений Брюссельского саммита НАТО о начале политики «открытых дверей» и принятия программы «Партнерство ради мира», а также первого официального визита президента США в страны Балтии. Основным содержанием этого этапа была мобилизация Литвой, Латвией и Эстонией всех ресурсов для лоббирования в Вашингтоне своего скорейшего принятия в НАТО и достижения своей главной стратегической цели – получения от США гарантий собственной безопасности.

В мае 2004 г. начался следующий этап в балтийско-американских отношениях. Главная долгосрочная цель внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии – членство в НАТО, была уже достигнута. В этих условиях, с одной стороны, динамика политических контактов несколько ослабевает, а с другой – на передний план выходят такие направления сотрудничества, как совместное продвижение демократических ценностей на постсоветском пространстве и участие стран Балтии в объявленной Вашингтоном войне с международным терроризмом в качестве их посильного вклада в укрепление общей системы коллективной безопасности стран Запада.

Выводы. Таким образом, несмотря на удаленность от Балтийского региона, США по ряду объективных причин становятся для государств Балтии после восстановления их независимости главной

опорой на международной арене. Этому способствовало и изменение места Вашингтона в системе международных отношений, и его принципиальная позиция по непризнанию включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР, и формирование в США эффективного инструмента лоббирования интересов этих стран в лице консолидированной и политически активной диаспоры.

Основной целью американской политики государств Балтии в рассматриваемый период было получение от США гарантий собственной безопасности, а основным направлением реализации этой цели – лоббирование своего принятия в НАТО. Помимо этого, балтийско-американские отношения включали поддержку Соединенными Штатами интересов Литвы, Латвии и Эстонии в международных организациях, таких как ООН, ВТО и др. В качестве второстепенных направлений можно выделить также американскую помощь в построении в странах Балтии демократических институтов и немногочисленные инвестиционные проекты.

Главными вехами в развитии балтийско-американских отношений в рассматриваемый период, на основании которых автором выделяются три этапа в их развитии, стали: начало официальных контактов на высшем уровне (1994 г.) и принятие всех трех государств Балтии в НАТО (2004 г.).

Библиографические ссылки

1. *Бразаускас А.* Пять лет Президента : события, воспоминания, мысли. М. : Унипринт, 2002. 623 с.
2. A Collection of Speeches, Articles and Interviews by the Lithuanian Ambassador to the U.S., Vygaudas Ušackas. Chicago : Lithuanian Research and Studies Center, 2005. 281 p.
3. *Smith K. C.* Baltic-Russian Relations. Implications for European Security. Washington D.C. : Center for Strategic & International Studies, 2002. 61 p.
4. Latvia and the USA : From Captive Nation to Strategic Partner / *D. Auers* (ed.). Riga : University of Latvia Press, 2008. 206 p.
5. *Ozoliņa Ž.* The United States and Latvia : Standing Shoulder to Shoulder in International Organizations // Latvia and the USA : From Captive Nation to Strategic Partner. *D. Auers* (Ed.). Riga : University of Latvia Press, 2008. P. 75–86.
6. *Lejiņš A.* US Policy Toward the Baltic States During Three Presidencies : An Essay // Latvia and the USA : From Captive Nation to Strategic Partner / *D. Auers* (ed.). Riga : University of Latvia Press, 2008. P. 87–96.
7. *Morica I.* The Latvian-American Partnership in Building Civil Society in Latvia // Latvia and the USA : From Captive Nation to Strategic Partner / *D. Auers* (ed.). Riga : University of Latvia Press, 2008. P. 97–108.

8. Latvia and the United States : A new Chapter in the Partnership. *I. Indāns* (Ed.). Riga : Center for East European Policy Studies, 2012. 156 p.
9. *Swihart J. W.* Lithuania and the United States // Lithuanian Foreign Policy Review [Electronic recourse]. 1998. URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-1-Swihart1.pdf> (accessed : 23.09.2019).
10. *Norkus R.* The U.S. Role in Lithuania's Foreign and Security Policy // Lithuanian Foreign Policy Review [Electronic recourse]. 1999. URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-3-Norkus.pdf> (accessed : 23.09.2019).
11. *Ušackas V.* Strengthening the U.S.-Lithuania Partnership : Lithuania Perspective // Lithuanian Foreign Policy Review [Electronic recourse]. 2003. URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-11-12-Ušackas.pdf> (accessed : 23.09.2019).
12. *Tefft J. F.* Lithuania and the United States: An Evolving Partnership // Lithuanian Foreign Policy Review [Electronic recourse]. 2003. URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-11-12-Tefft.pdf> (accessed : 23.09.2019).
13. *Asmus R. D.* A Baltic Challenge // Lithuanian Foreign Policy Review [Electronic recourse]. 2003. URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-11-12-Asmus.pdf> (accessed : 23.09.2019).
14. *Vilpišauskas R.* The Dilemmas of Transatlantic Relations after the EU Enlargement and Implications for Lithuania // Lithuanian Foreign Policy Review [Electronic recourse]. 2003. URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-11-12-Vilpisauskas.pdf> (accessed : 23.09.2019).
15. *Lopata R.* The Lithuanian-American Association: Why do We Need the U.S.? // Lithuanian Foreign Policy Review [Electronic recourse]. 2010. URL : <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/08/LFPR-23-Lopata.pdf> (accessed : 23.09.2019).

Дата поступления статьи: 30.09.2019.

Образец цитирования: *Володькин А. А.* Развитие отношений Литвы, Латвии и Эстонии с США в 1990–2000-е гг. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2019. Вып. 7. С. 7–23.

Автор: Володькин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник центра истории геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, докторант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: andrei_va@tut.by.

**THE DEVELOPMENT OF THE LITHUANIAN, LATVIAN
AND ESTONIAN RELATIONS WITH THE UNITED STATES
OF AMERICA IN 1990s – 2000s**

A. A. Valodzkin

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

Abstract: The article considers development of relations of the three Baltic states of Lithuania, Latvia and Estonia with the United States of America (the USA) in the first two decades since they restored their independence (1990s – 2000s). Resting his conclusions on a wide range of literature and sources, including research papers on different aspects of the Baltic-American relations, texts of speeches of the Baltic states' officials, media materials, as well as records of his research interviews made with several former Latvian and Lithuanian diplomats and politicians, the author analyzes reasons for such a high rank of the USA within the framework of Lithuanian, Latvian and Estonian foreign policy priorities. Also the article reveals main goals of the Baltic states' foreign policies regarding the USA and main directions of their accomplishment. Analyzing the chronology of the main events in the course of the Baltic-American relations, the author also highlights the following stages of their development: 1) seeking the US support for international recognition and strengthening of the Baltic states' independence 2) Lithuanian, Latvian and Estonian struggle for their admission to the NATO and 3) the evolution of the Baltic states' relations with Washington after they gained a full-fledged membership in the EU and NATO.

Key words: Baltic states; Lithuania; Latvia; Estonia; foreign policy; United States of America; NATO.

References

1. Brazauskas, A. (2002). Piat' liet priezidenta: sobytija, vospominanija, mysli [Five years of the President: events, memories, thoughts]. Moscow, Uniprint, 623 p. (In Russ.).
2. (2005). A Collection of Speeches, Articles and Interviews by the Lithuanian Ambassador to the U.S., Vygaudas Usackas. Chicago, Lithuanian Research and Studies Center, 281 p.
3. Smith, K. C. (2002). Baltic-Russian Relations. Implications for European Security. Washington D.C., Center for Strategic & International Studies, 61 p.
4. Auers, D. (ed.) (2008). Latvia and the USA: From Captive Nation to Strategic Partner. Riga, University of Latvia Press, 206 p.
5. Ozolina, Z. (2008). The United States and Latvia: Standing Shoulder to Shoulder in International Organizations. In: *Latvia and the USA: From Captive Nation to Strategic Partner*. Riga, University of Latvia Press, p. 75–86.
6. Lejiņš, A. (2008). US Policy Toward the Baltic States During Three Presidencies: An Essay. In: *Latvia and the USA: From Captive Nation to Strategic Partner*. Riga, University of Latvia Press, p. 87–96.
7. Morica, I. (2008). The Latvian-American Partnership in Building Civil Society in Latvia. In: *Latvia and the USA: From Captive Nation to Strategic Partner*. Riga, University of Latvia Press, p. 97–108.
8. Indans, I. (ed.) (2012). Latvia and the United States: A new Chapter in the Partnership. Riga, Center for East European Policy Studies, 156 p.
9. Swihart, J. W. (1998). Lithuania and the United States. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-1-Swihart1.pdf> (accessed 23.09.2019).
10. Norkus, R. (1999). The U.S. Role in Lithuania's Foreign and Security Policy. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-3-Norkus.pdf> (accessed 23.09.2019).

11. Usackas, V. (2003). Strengthening the U.S.-Lithuania Partnership: Lithuania Perspective. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-11-12-Usackas.pdf> (accessed 23.09.2019).
12. Tefft, J. F. (2003). Lithuania and the United States: An Evolving Partnership. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-11-12-Tefft.pdf> (accessed 23.09.2019).
13. Asmus, R. D. (2003). A Baltic Challenge. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-11-12-Asmus.pdf> (accessed 23.09.2019).
14. Vilpisauskas, R. (2003). The Dilemmas of Transatlantic Relations after the EU Enlargement and Implications for Lithuania. In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/07/LFPR-11-12-Vilpisauskas.pdf> (accessed 23.09.2019).
15. Lopata, R. (2010). The Lithuanian-American Association: Why do We Need the U.S.? In: *Lithuanian Foreign Policy Review*. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/08/LFPR-23-Lopata.pdf> (accessed 23.09.2019).

For citation: Valodzkin, A. A. (2019). The Development of the Lithuanian, Latvian and Estonian Relations with the United States of America in 1990s – 2000s. In: *Actual Problems of International Relations and Global Development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 7, p. 7–23.

About author: Andrei Valodzkin – PhD in history of international relations and foreign policy, associate professor, senior researcher at the Centre of the history of geopolitics, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus), habilitation doctoral fellow of the International relations department of the Belarusian State University (Minsk, Belarus); e-mail: andrei_va@tut.by.

Received: 30.09.2019.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

КУРЫЛЕВ К. П., МОРОЗОВА Е. Р.

Российский университет дружбы народов

Москва, Российская Федерация

В современном мире важность языка межнационального общения неоспорима, поскольку именно язык выступает связующим звеном не только между этническими группами внутри одного государственного пространства, но и между народами и странами в мире. Одним из таких языков-посредников является русский язык. Россия, как историческая родина, наиболее заинтересована в сохранении и дальнейшем распространении позиций русского языка ввиду того, что его употребление способствует усилению позиций и созданию позитивного имиджа страны за рубежом, позволяет выстраивать дружеский диалог с партнерами. В статье показано современное состояние русского языка в Республике Казахстан. Авторы отмечают, с одной стороны, наличие прочной нормативно-правовой основы развития языковой политики в Казахстане, демонстрируют ее постоянное развитие, а с другой стороны, показывают озабоченность русских соотечественников, проживающих в республике и высказывающих свои опасения по поводу ряда новаций руководства Казахстана.

Ключевые слова: русский язык; казахский язык; языковая политика; государственный язык; язык межнационального общения.

DOI: <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2019-7-24-34>.

Введение. После распада СССР за пределами границ исторической родины осталось проживать около 35 млн российских соотечественников, в том числе и на территории Республики Казахстан. Соотечественникам, которым в большинстве своем приходится сталкиваться с серьезными проблемами в государствах своего проживания, очень важно рассчитывать на реальную поддержку со стороны не только федеральных, но и региональных властей. В связи с этим возникает необходимость проведения многоуровневого комплексного анализа сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере поддержки соотечественников за рубежом. Одной из таких проблем, к которым требуется постоянное внимание официальной Москвы, является проблема русского языка.

Обзор литературы по теме. Степень научной разработанности данной проблемы относительно не велика. Есть отдельные труды российских и казахстанских специалистов, однако в них изучаемая нами сфера рассматривается как элемент развития постсоветского пространства в целом или Центральной Азии в частности.

По этой причине на сегодняшний день работ, которые напрямую связаны с исследованием положения русского языка и отношений России и Казахстана в области поддержки соотечественников, проживающих в республике, не много.

Среди авторов, чьи работы посвящены сохранению русского языка как средства межкультурного и политического диалога в Казахстане, стоит выделить А. Л. Арефьева¹, К. П. Боришполец², Ю. Г. Куровскую³, М. А. Лихачева⁴, О. Б. Молодова⁵ и др., а также С. Ф. Вититнева, Г. Г. Лозу, А. И. Панова и О. В. Чибисова и их коллективный труд⁶.

Методы исследования. С методологической точки зрения данное исследование носит междисциплинарный характер и находится на стыке социологии, этнологии и политологии. Учитывая это, авторами использовались приемы и методы как базового общенаучного характера, так и ориентированные на профильное рассмотрение объекта исследования.

Основой послужило сочетание исторического, системного, синергетического и институционального методов. В целом авторы опирались на школу конструктивизма в международных отношениях, поскольку именно с точки зрения данного подхода рассматриваются основные сюжеты, связанные с диаспорами (в частности, культура, язык и религия).

¹ *Арефьев А. Л.* Современное состояние и тенденции распространения русского языка в мире : науч. изд. / под ред. акад. Г. В. Осипова. М. : ИСПИ РАН, 2017. 320 с.

² *Боришполец К. П.* Русский язык в Центрально-Азиатском регионе // *Вестн. МГИМО(У). Сер. «Междунар. отношения».* 2014. № 2(35). Т. 2. С. 63–70.

³ *Куровская Ю. Г.* Языковая политика в странах постсоветского пространства: сравн.-сопостав. анализ // *Вестн. БГУ. Сер. «Филология».* 2015. № 1. С. 16–24.

⁴ *Лихачев М. А.* Современное националистическое движение Казахстана // *Проблемы национальной стратегии.* 2017. № 1(40). С. 128–146.

⁵ *Молодов О. Б.* Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // *Дискурс-Пи.* 2017. № 1(23). С. 93–100.

⁶ *Российская (русская) диаспора в ближнем зарубежье / С. Ф. Вититнев, Г. Г. Лоза, А. И. Панов, О. В. Чибисов.* М. : Эйдос, 2010. 296 с.

Результаты исследования. Согласно действующей Концепции внешней политики России⁷ одним из приоритетных направлений внешнеполитического курса нашей страны выступает развитие ее «мягкой силы», ключевым инструментом которой является русский язык. По последним данным, по распространенности в мире русский язык находится на 8-м месте: применяется в 19 странах, является родным для 154 млн чел. и вторым – для 113 млн чел.⁸, а также выступает одним из официальных или рабочих языков международных организаций.

Особое внимание уделяется традиционной зоне российского влияния – постсоветскому пространству, поскольку именно здесь до сих пор проживает наибольшее количество русскоязычных представителей. Однако если к моменту распада СССР русским языком владело около 312 млн чел. [2, с. 115] по всему миру, то на сегодняшний день их число сократилось почти на 15 % [7, с. 94] (267 млн чел.). Связано это, прежде всего, с проводимой политикой в ряде стран ближнего зарубежья, направленной на внедрение национального языка во все сферы жизнедеятельности и выведение его на лидирующие позиции, что неминуемо приводит к вытеснению (пусть и частично) русского из обихода и падению интереса у молодежи к его изучению.

Казахстан – одна из немногих постсоветских стран, где русский язык занимает особое место в социальной, политической, общественной и культурной сферах жизни. Так уж сложилось исторически, что Казахстан стал в сложные для Советского Союза годы пристанищем для многих сосланных народов и национальностей – корейцев, немцев, чеченцев и ингушей, а языком межнационального общения стал русский язык. Это одна из причин быстрого распространения русского языка.

Другая причина – целина. Освоение целинных и залежных земель на территории Казахстана, приезд русскоговорящих молодых целинников со всех концов Советского Союза также способствовал быстрому распространению русского языка среди основной массы населения северных и центральных районов страны.

⁷ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 30.11.2016 № 640 // Гарант [Электронный ресурс]. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062> (дата обращения : 18.04.2019).

⁸ What are the top 200 most spoken languages? // Ethnologue [Electronic recourse]. URL : <https://www.ethnologue.com/statistics/size> (accessed : 28.10.2019).

Сегодня в Казахстане русский язык по-прежнему востребован и активен в употреблении.

Провозглашение независимости сделало возможной разработку государственно-правовых аспектов регулирования этноязыковой ситуации в республике.

С этой целью был разработан целый ряд правовых документов, которые легли в основу новой языковой политики. К их числу следует отнести Конституцию Республики Казахстан (1995 г.), в ст. 7 которой провозглашено, что русский язык обладает статусом официального языка⁹. Что понимается под данным статусом, тогда же было разъяснено в обращении президента Казахстана. Н. А. Назарбаев указал на то, что казахский и русский языки в государственной сфере применяются в одинаковой степени, вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств.

Также следует отметить законы о языках (22.09.1989 г. и 11.06.1997 г.). Последний закрепил положение об употреблении русского языка наравне с казахским в государственных органах. Это означало, что отныне он может использоваться в делопроизводстве, судопроизводстве и правоохранительных органах.

Важную роль сыграли Концепция языковой политики (4.11.1996 г.) и Концепция развития полиязычного образования (2012 г.). Важнейшим документом, на десятилетие определившим стратегию, приоритеты и основные направления языковой политики, стала Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2001–2010 гг.

Сейчас реализуется Государственная программа развития и функционирования языков в Казахстане на 2011–2020 гг. Ее главной целью обозначено проведение согласованной языковой политики, которая заключается в обеспечении всеобъемлющего функционирования казахского языка при одновременном сохранении языков этнических меньшинств, проживающих на территории республики.

Языковая политика стала неотъемлемой частью национальной политики. Это предопределило ее дальнейшее развитие по трем стратегическим направлениям: расширение сфер употребления и комму-

⁹ Конституция Республики Казахстан: принята на респ. референдуме 30 авг. 1995 г. (с изм. и доп. по состоянию на 10.03.2017 г.) // Офиц. сайт Президента Респ. Казахстан [Электронный ресурс]. URL : http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения : 18.04.2019).

никативных функций государственного (казахского) языка, сохранение функций русского языка и развитие других языков Казахстана.

Русскому языку как наиболее распространенному в социокультурном пространстве мультикультурного общества отводится роль консолидирующего фактора, способного объединить все этносы. Для лингвокультурной ситуации текущего времени естественно развитие казахско-русского билингвизма, проявляющегося в разных сферах коммуникации.

В настоящее время в Казахстане русский язык по-прежнему служит языком межнационального общения, на двух языках ведутся телевизионное вещание и радиотрансляции, выходят печатные издания на русском языке.

Русский язык важен для ученых, так как в России значительно раньше переводятся труды современных западных и восточных исследователей.

Выросло поколение русскоязычных казахских писателей и поэтов. В этом есть много положительных моментов.

Во-первых, творчество русскоязычных казахских авторов находит более широкую аудиторию читателей и критиков, а во-вторых, именно через русский язык осуществляется перевод их произведений на языки народов мира.

Остановимся подробнее на анализе использования русского языка в образовательной сфере Казахстана.

Русский язык в республике является обязательной частью единого государственного образовательного стандарта. Русский язык функционирует в двух различных по целям, масштабам и структуре секторах:

– русский язык в образовательных учреждениях всех типов и уровней как язык обучения: в школах с русским языком обучения, на «русских» отделениях средних специальных и высших учебных заведений, в магистратуре, докторантуре;

– русский язык в образовательных учреждениях всех типов как предмет изучения: второй (неродной) язык для школ с нерусским языком обучения; для казахских отделений средних специальных, высших учебных заведений; как иностранный для казахов-оралманов, живших длительное время в Монголии, Китае и прибывших на историческую родину, а также для граждан зарубежных стран.

Русский язык в Казахстане – это язык обучения и язык преподавания во всех типах школ: казахских, русских, национальных, смешанных; комплектных и малокомплектных, государственных и частных и др. При этом количество часов, отводимое на изучение русского языка в школах с казахским языком обучения, одинаково с количеством часов по казахскому языку в школах с русским языком обучения.

Русский язык изучается во всех средних общеобразовательных учреждениях независимо от языка обучения, типа учебного заведения и ступени образования (начальной – 1–4 классы; основной – 5–9 классы; старшей – 10–11 классы). В школах с русским языком обучения он изучается с первого по одиннадцатый классы; в школах с казахским языком обучения русский преподается со второго по одиннадцатый класс.

Казахстан является лидером по числу сохранившихся русскоязычных школ на пространстве СНГ. На его территории функционируют 1460 школ с русским языком обучения (26,2 % от общего числа (7465)) и 2101 – со смешанными языками обучения (37,7 %) [5, с. 60].

При этом в регионах компактного проживания коренного населения в Южном и Западном Казахстане процент обучающихся на казахском языке составляет 90–95 %. Иначе обстоит дело в Северном и Центральном Казахстане, где процент обучающихся на русском языке составляет 65–70 %. В Казахстане в каждом государственном высшем учебном заведении функционируют отделения на двух языках – казахском и русском [1, с. 90].

Особое место в данном случае занимают медицинские и технические факультеты, поскольку все учебно-методические материалы здесь представлены на русском языке, а соответственно и количество студентов в русскоязычных группах больше. Также стоит отметить тот факт, что вне зависимости от выбранной специальности все студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся в казахоязычных группах, должны на первом курсе изучать русский язык¹⁰.

Время показало, что в Казахстане найден необходимый лингвистический баланс, способствующий укреплению политической ста-

¹⁰ Об утверждении государственных общеобязательных стандартов образования всех уровней образования : приказ Министра образования и науки Респ. Казахстан от 31.10.2018 № 604 // Әділет [Электронный ресурс]. URL : <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017669> (дата обращения : 18.04.2019).

бильности в обществе, созданы условия для развития казахско-русского билингвизма.

Вместе с тем ряд моментов вызывают определенное беспокойство у соотечественников в республике и некоторых экспертов. Например, языковая политика трехязычия, в рамках которой происходят изменения в учебном процессе, в частности активно внедряется английский язык.

В этом порой усматривают попытку заменить русский язык. Хотя всем очевидно, что данные меры направлены на повышение конкурентоспособности и интеграции Казахстана в мировое сообщество¹¹. Кроме того, нередко высказываются опасения относительно падения интереса у современной молодежи к изучению русского языка в вузах. Ощущается недостаток профессиональных кадров. Специальность русиста стала не столь популярна среди молодежи [7, с. 94], особенно в сельской местности [13, с. 225].

Стоит также отметить, что различные образовательные учреждения сталкиваются и с нехваткой учебных материалов и программ на русском языке, разрабатываемых вместе с российской стороной [3]. Обеспечением необходимыми учебниками и литературой, проведением лекций и семинаров, предоставлением языковой стажировки и возможности пройти переподготовку в институтах занимается преимущественно Россотрудничество и филиалы российских вузов, но их деятельности подчас бывает недостаточно.

Дискуссию вызвало решение по латинизации и решение убрать с национальной валюты надписи на русском языке. Что касается первого, то данный процесс напрямую не влияет на положение русскоязычного населения, поскольку русский язык данная реформа не затрагивает [6, с. 7]. Относительно денежных купюр МИД России высказал мнение, что в изменении дизайна тенге Россия не видит абсолютно никакой проблемы.

Следует отметить, что в целях поддержания статуса русского языка и усиления его роли за рубежом Россия ежегодно предоставляет квоты иностранным гражданам на обучение в российских вузах. Согласно Министерству образования и науки РФ в 2017/2018 учебном году в России обучалось 39,7 тыс. представителей Казахстана

¹¹ *Боришполец К. П.* Русский язык в Центрально-Азиатском регионе // Вестн. МГИМО(У). Сер. «Международ. отношения». 2014. № 2. Т. 35. С. 67.

[10, с. 9], которые составляют наиболее крупный контингент иностранных учащихся. Большая часть из них поступает в университеты Сибири и Урала. Данные территории граничат с Актюбинской, Костанайской, Павлодарской и др. областями, где проживает преимущественно русскоязычное население.

Несмотря на происходящие изменения в республике, русскому языку по-прежнему удастся сохранять свое положение. Первый президент Казахстана Н. А. Назарбаев неоднократно утверждал, что при усилении роли государственного языка нельзя допускать вытеснение русского языка из повседневной жизни людей, культуры, масс-медиа и других сфер [9, с. 164].

Нынешний президент страны К.-Ж. К. Токаев также заверил общественность, что приоритет по-прежнему будет отдаваться казахскому и русскому языкам¹².

Выводы. Таким образом, русский язык в Казахстане по-прежнему остается приоритетным, поскольку спрос на его использование остается высоким (свыше 80 % от общего числа населения владеют им в той или иной мере [11, с. 130]).

Казахстан занимает лидирующую позицию среди остальных постсоветских республик по русскоязычному обучению. Русский язык удерживает свои позиции в качестве основного средства межнационального общения в республике [12, с. 154].

У Казахстана в целом получается балансировать между его сохранением и одновременным развитием казахского языка.

В проведении подобной языковой политики, прежде всего, заинтересована сама центральная власть республики, поскольку необходимо поддерживать стабильную обстановку внутри страны, реализовывать одно из ключевых прав человека – пользование родным языком, а также поддерживать политический диалог с партнерами на постсоветском пространстве, который в рамках того же СНГ ведется на русском языке.

¹² Выступление Президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева на совещании с участием акимов областей, городов Нур-Султана, Алматы и Шымкента (Нур-Султан, 27 марта 2019 г.) // Nur.kz [Электронный ресурс]. URL : <https://www.nur.kz/1785465-opublikovan-polnyj-tekst-vystuplenia-tokaeva-na-sovesanii-v-akorde.html> (дата обращения : 18.04.2019).

Библиографические ссылки

1. *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 90.
2. *Арефьев А. Л.* Современное состояние и тенденции распространения русского языка в мире / под ред. акад. Г. В. Осипова. М. : ИСПИ РАН, 2017. С. 115.
3. *Бабанов О.* Центральнoазиатские вызовы для России // Рос. совет по междунар. делам [Электронный ресурс]. 2017. URL : http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnoaziatskie-vyzovy-dlya-rossii/?sphrase_id=2887780 (дата обращения : 18.04.2019).
4. *Боршшполец К. П.* Русский язык в Центральнo-Азиатском регионе // Вестн. МГИМО(У). Сер. «Междунар. отношения». 2014. № 2. Т. 35. С. 67.
5. *Вдовина Н. В., Никитина С. А.* Русский язык в системе образования Республики Казахстан // Этнодиалоги. 2017. № 1(52). С. 60.
6. Интервью статс-секретаря – заместителя министра иностранных дел РФ Г. Б. Карасина: «Россия и постсоветское пространство: партнеры и соперники?» // Рос. совет по междунар. делам [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-postsovetskoe-prostranstvo-partnery-i-soperniki/> (дата обращения : 15.11.2019).
7. *Молодов О. Б.* Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс-Пи. 2017. № 1(23). С. 94.
8. *Морозова Е. Р.* Положение российских соотечественников в Республике Казахстан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 4. С. 1217–1224.
9. *Назарбаев Н. А.* Эра независимости. Астана, 2017. С. 164.
10. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : стат. сб. Вып. 15 / М-во образования и науки РФ. М. : Центр социол. исслед., 2018. С. 9.
11. Языковая ситуация в Казахстане на современном этапе / *И. Ойон, Р. М. Жумашев, Б. А. Досова и др.* // Вестн. КарГУ. Сер. «История. Философия». 2017. № 1(85). С. 30.
12. *Шалгимбекова К. С.* Функционирование русского языка в языковом пространстве Казахстана (на примере Костанайской области) // Вестн. ЧелГУ. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2013. № 1(292). С. 154.
13. *Якушева Ю. В.* Динамика межэтнических отношений в Республике Казахстан (1991–2010 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 225.

Дата поступления статьи: 15.10.19.

Образец цитирования: *Курылев К. П., Морозова Е. Р.* Русский язык как средство межкультурного диалога в Республике Казахстан // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2019. Вып. 7. С. 24–34.

Авторы: Курылев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, главный редактор журнала «Постсоветские исследования», директор Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС); e-mail: kuryljev@narod.ru;
Морозова Екатерина Романовна – магистр в области международных отношений РУДН; e-mail: morokatrin@mail.ru.

RUSSIAN LANGUAGE AS A MEANS OF INTERCULTURAL DIALOGUE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

KURYLEV K. P., MOROZOVA E. R.

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russian Federation

Abstract. In the modern world, the importance of the language of inter-ethnic communication is undeniable, since it is the language that acts as a connecting link not only between ethnic groups within one state space, but also peoples and countries in the world. One of such intermediary languages is the Russian language. Russia, as a historical homeland, is most interested in maintaining and further disseminating the position of the Russian language, because its use helps to strengthen its position and create a positive image of the country abroad and allows building a friendly dialogue with partners. The article shows the current state of the Russian language in the Republic of Kazakhstan. The author notes, on the one hand, the existence of a solid regulatory framework for the development of language policy in Kazakhstan, demonstrates its constant development, and on the other hand, it shows the existing fears of Russian compatriots living in the Republic and expressing their concerns about a few innovations of the leadership of Kazakhstan.

Key words: Russian language; Kazakh language; language policy; state language; language of interethnic communication.

References

1. Aref'ev, A. L. (2012). Russkij yazyk na rubezhe XX–XXI vekov [Russian language at the turn of XX–XXI centuries]. Moscow, Center for social forecasting and marketing, p. 90. (In Russ.).
2. Aref'ev, A. L. (2017). Sovremennoe sostoyanie i tendencii rasprostraneniya russkogo yazyka v mire [Current state and trends of Russian language spread in the world]. Moscow, ISPI RAN, p. 115. (In Russ.).
3. Babanov, O. (2017). Central'noaziatskie vyzovy dlya Rossii [Central Asian challenges for Russia]. In: *Russian International Affairs Council (RIAC)*. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnoaziatskie-vyzovy-dlya-rossii/?sphrase_id=2887780 (accessed 18.04.2019). (In Russ.).
4. Borishpolec, K. P. (2014). Russkij yazyk v Central'no-Aziatskom regione [Russian language in the Central Asian region]. In: *Vestnik MGIMO(U). Series « International relations»*, No. 2, Vol. 35, p. 67. (In Russ.).
5. Vdovina, N. V., Nikitina, S. A. (2017). Russkij yazyk v sisteme obrazovaniya Respubliki Kazahstan [Russian language in the system of education of the Republic of Kazakhstan]. In: *Etnodialogies*, No. 1(52), p. 60. (In Russ.).
6. Interv'yu stats-sekretarya – zamestitelya ministra inostrannyh del RF G.B. Karasina: «Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: partnery i soperniki?» [Interview with state Secretary-Deputy Minister of foreign Affairs of the Russian Federation G. B. Karasin: "Russia and the post-Soviet space: part-

- ners and rivals?»], (2019). In: *The Russian International Affairs Council (RIAC)*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-postsovetskoe-prostranstvo-partnery-i-soperniki/> (accessed 15.11.2019). (In Russ.).
7. Molodov, O. B. (2017). Russkij yazyk kak instrument ispol'zovaniya «myagkoj sily» v stranah Central'noj Azii [Russian language as an instrument of using «soft power» in the countries of Central Asia]. In: *Discourse – Pi*, No. 1(23), p. 94. (In Russ.).
8. Morozova, E. R. (2019). Polozhenie rossijskih sootchestvennikov v Respublike Kazahstan na sovremennom etape [The situation of Russian compatriots in the Republic of Kazakhstan at the present stage]. In: *Post-Soviet Studies*. No. 4. Vol. 2, p. 1217–1224. (In Russ.).
9. Nazarbaev, N. A. (2017). Era nezavisimosti [Era of independence]. Astana, Kazakparat, p. 164. (In Russ.).
10. Aref'ev, A. L. (Ed.). (2018). Obuchenie inostrannyh grazhdan v vysshih uchebnyh zavedeniyah Rossijskoj Federacii: statisticheskij sbornik [Education of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation: statistical collection]. Vol. 15. Moscow, Center of sociology research, p. 9. (In Russ.).
11. Ojon, I., Zhumashev, R. M., Dosova, B. A., et al. (2017). Yazykovaya situaciya v Kazahstane na sovremennom etape [Language situation in Kazakhstan at the present stage]. In: *Vestnik KarGU. Series «History. Philosophy»*, No. 1(85), p. 30. (In Russ.).
12. Shalgimbekova, K. S. (2013). Funkcionirovanie russkogo yazyka v yazykovom prostranstve Kazahstana (na primere Kostanajskoj oblasti) [Functioning of the Russian language in the linguistic space of Kazakhstan (by the example of Kostanay region)]. In: *Vestnik CHelGU. Series «Philology. Art is leading»*, No. 1(292), p. 154. (In Russ.).
13. Yakusheva, Yu. V. (2015). Dinamika mezhetnicheskikh otnoshenij v Respublike Kazahstan (1991–2010 gg.): dis. kand. ist. nauk. [Dynamics of interethnic relations in the Republic of Kazakhstan (1991–2010)]. Moscow, p. 225. (In Russ.).

For citation: Kurylev, K. P., Morozova, E. R. (2019). Russian language as a means of intercultural dialogue in the Republic of Kazakhstan. In: *Actual Problems of International Relations and Global Development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 7, p. 24–34.

About authors: Kurylev Konstantin Petrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, PFUR, Editor-in-Chief of the Post-Soviet Studies Journal, Director of the Center for Research in Post-Soviet Countries (CRPSC); e-mail: kuryljov@narod.ru;
Morozova Ekaterina Romanovna – Magister of International Relations, RUDN-University; e-mail: morokatrin@mail.ru.

Received: 15.10.19.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

О. И. ЛАЗОРКИНА

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье анализируется современное состояние трансграничного сотрудничества Беларуси и Европейского союза в культурной сфере. Автор выделил этапы становления данного формата взаимодействия в соответствии с законодательной базой Европейского союза. Кроме того, рассматривается ряд вопросов, связанных с практикой формирования евروهгионов в Республике Беларусь.

В статье подчеркивается, что приграничные территории имеют широкий спектр возможностей для развития взаимодействия на разных уровнях. Использование культурного потенциала в интересах двустороннего и многостороннего сотрудничества является приоритетным для Беларуси и Европейского союза. Особенно важным в контексте трансграничного сотрудничества видится вовлечение в данный процесс общественных организаций и частных лиц. Приграничные территории Беларуси получают возможности использовать финансовые ресурсы европейских фондов и организаций для обеспечения их устойчивого развития в культурной сфере.

Вместе с тем автором выделяются основные проблемы подобного сотрудничества. В частности, показано, что существующая в Республике Беларусь нормативно-правовая база не позволяет полноценно включиться в программы культурных обменов с Европейским союзом.

Совершенствование сотрудничества в культурной сфере видится, прежде всего, как условие сохранения особенностей белорусской национальной культуры.

Ключевые слова: Европейский союз; Беларусь, культура; культурные связи; трансграничное сотрудничество; приграничное сотрудничество; евروهгион.

DOI: <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2019-7-35-45>.

Введение. Сфера культурного взаимодействия приобретает все большую актуальность в отношениях между государствами. Вопросы культурного сотрудничества рассматриваются на международном и региональном уровнях. Вместе с тем региональный формат культурных связей – это современный тренд. Одной из главных целей культурного сотрудничества всегда было углубление взаимопонимания

между представителями разных культур и традиций, укрепление межкультурного диалога, разрушение барьеров и в итоге выработка доверия и консолидация в решении актуальных проблем современности.

Цель данной статьи – проанализировать современное состояние трансграничного сотрудничества Республики Беларусь и Европейского союза, изучить подходы сторон, выявить проблемы и обозначить перспективы данного формата взаимодействия.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XX в. до настоящего времени.

Актуальность проведенного исследования заключается в том, что трансграничный (приграничный) формат сотрудничества приобретает все большую значимость в отношениях с рядом государств – партнеров Республики Беларусь.

В отношениях с Европейским союзом пройдена апробация взаимодействия в данном формате. Анализ и выявление проблем позволит учитывать их в разработке программ сотрудничества с другими государствами.

Методы исследования. В процессе исследования трансграничного сотрудничества использованы методы, которые позволили рассмотреть основные аспекты культурного взаимодействия сторон. В основу был положен принцип историзма, методы компаративного, институционального и функционального анализа, метод описательного анализа.

Объектом исследования является сотрудничество Республики Беларусь и Европейского союза в сфере культуры.

Предмет исследования – культурные связи в рамках трансграничного (приграничного) формата взаимодействия Европейского союза и Республики Беларусь.

Обзор литературы по теме. Важными источниками для анализа проблематики культурного сотрудничества послужили работы, посвященные формированию еврорегионов как таковых, их роли и места в региональном сотрудничестве. Среди них можно назвать научные статьи А. В. Кузнецова, С. Романова и др. [1; 2].

Авторы выделяют принципы функционирования еврорегионов, их цель и задачи, направления взаимодействия государств в рамках данного формата. В белорусской историографии данная тема нашла свое отражение в статьях М. Е. Белицкого, Л. Н. Давыденко, А. Мак-

симчук, которые освещают историю создания еврорегионов в Республике Беларусь, направления и формы трансграничного сотрудничества [3; 8].

В работах исследователей из стран Европейского союза культурное направление рассматривается как одно из приоритетных. Существует достаточно обширная историография по проблематике культурного измерения трансрегионального сотрудничества.

Следует упомянуть совместное исследование литовских и польских ученых, посвященное проблемам культурной интеграции стран Центральной Европы – Литвы и Польши. Тематика взаимосвязи культуры и национальной идентичности нашла свое отражение в работе Д. Лайтина [4].

Необходимо отметить, что культурный аспект в приграничном сотрудничестве Республики Беларусь не стал предметом комплексного исследования в белорусской историографии. Как одно из направлений взаимодействия он упоминается в ряде научных статей, но преобладают материалы в СМИ, которые освещают прошедшие культурные мероприятия и встречи.

Результаты исследования. Культура с самого начала образования Европейского союза занимала особую нишу. Несмотря на то, что Европейский союз создавался на экономической основе, культурная политика разрабатывалась параллельно.

Исторические традиции местного самоуправления в значительной степени способствовали становлению новой формы взаимодействия европейских государств.

Отличительной чертой начального этапа интеграции стало использование так называемого типа «снизу», который в значительной степени расширял возможности сотрудничества в различных сферах с активным участием местных властей.

Начало было положено с созданием в 1958 г. первого еврорегиона между Нидерландами и ФРГ [1, с. 49]. Одной из задач «Euroregion» стало преодоление предубеждений, сложившихся у голландцев и немцев в отношении друг друга.

Вторая мировая война породила в Европе не только материальный, но и духовный кризис.

Региональный формат сотрудничества был призван разрешить эти проблемы путем сближения людей, активизации участия гражд-

данского общества в выработке новых ценностей и норм взаимоотношений между странами.

Сегодня мы можем говорить о наличии в Европейском союзе сложившейся системы трансграничного сотрудничества в области культуры.

В 1978 г. был принят документ, в котором нашли свое отражение принципы культурного взаимодействия в новом формате, – «Декларация о принципах в отношении деятельности в сфере культуры на местном и региональном уровнях»¹. В ней провозглашалось, что продвижение культурных достижений населения является одной из основных задач местных властей. Отмечалось, что для выполнения этой цели регионы должны обладать независимостью в области культурных связей и быть обеспечены необходимыми финансовыми ресурсами для поощрения разнообразия форм культурного самовыражения.

Культурное развитие означало создание условий, позволяющих каждому человеку выражать себя, совершенствовать свою личность – индивидуально или в группе.

Уже в этот период отмечалось, что в условиях растущего влияния телевидения люди просто не видят пути выразить себя, не осознают важности сохранения и умножения культурного наследия. Именно местная власть обладает всеми необходимыми механизмами и, что более всего важно, пониманием культурной специфики региона для восстановления баланса между духовной культурой и техническими достижениями.

В этом процессе особое внимание уделялось развитию образования на всех уровнях и предоставлению широких возможностей для личностного роста молодежи [2].

Деятельность региональных и местных властей должна быть направлена на сохранение культурного многообразия посредством поддержания национальных меньшинств, которые зачастую представляют исчезающие культурные традиции [3].

Еще одной специфичной чертой в культурной деятельности региональных властей стала поддержка любителей, а не профессионалов. Именно они смогут создать новые коммуникационные сети и

¹ Conference of local and regional authorities of Europe // Council of Europe [Electronic recourse]. URL : <https://rm.coe.int/1680719df0> (accessed : 08.08.2019).

привлекут по-настоящему заинтересованных лиц. Создание ассоциаций для деятелей культуры будет в конечном итоге способствовать объединению региона и выполнению ключевой цели в деле сохранения культурно-исторического своеобразия.

В 1983 г. при содействии Постоянной конференции местных и региональных властей Европы и Совета по культурному сотрудничеству была разработана декларация «Город и культура: новые пути решения проблем в сфере культуры», основной целью которой стала выработка рекомендаций для региональных и местных властей в отношении деятельности в культурной области².

В декларации был не только учтен опыт предыдущих лет и проанализированы проблемы, но существенно расширен спектр точек приложения усилий. Ключевыми принципами были провозглашены право местных властей формулировать и реализовывать собственную культурную политику, поощрение всех форм выражения граждан региона; центральной власти рекомендовалось придерживаться последовательной политики децентрализации в культурной сфере.

В декларации затрагивалась важная проблема взаимодействия с мигрантами, особенно актуальная на современном этапе. Национальные меньшинства рассматривались как равноправные партнеры с предоставлением им широких возможностей для сохранения собственных культурных традиций.

В центре внимания сохранились вопросы относительно молодежи, а именно создание контактных групп, проведение консультаций и создание условий для самовыражения. Важным направлением было определено туристическое. Культурный и образовательный туризм рассматривались не только как новые формы, но и как инструмент объединения европейских народов.

Дальнейшее развитие положения Бременской декларации получили во флорентийской декларации «Культура и регионы: культурная деятельность в региональном контексте», принятой в 2001 г.³. В первую очередь необходимо отметить, что в документе утверждалось ус-

² Бременская декларация «Город и культура: новые пути решения проблем в сфере культуры» // Консорциум кодекс [Электронный ресурс]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/902026750> (дата обращения : 06.08.2019).

³ Итоговая флорентийская декларация: «Культура и регионы : культурная деятельность в региональном контексте» // Консорциум кодекс [Электронный ресурс]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/902018741> (дата обращения : 06.05.2019).

тановление культурной демократии. Вместе с тем признавалось сохранение ряда проблем объективного характера. Флорентийская декларация – это программа действия для региональных и местных властей. Акценты в ключевых принципах были смещены на приверженность соблюдению прав человека и сохранению культурного многообразия. Необходимо отметить такую важную инициативу, как формирование «Европейской обсерватории политики и практики в области культуры». На базе специального учреждения должна была осуществляться подготовка чиновников, ответственных за вопросы культуры.

В 2013 г. Европейским парламентом была утверждена программа «Креативная Европа», которая стала крупнейшим проектом в области культуры⁴. Программа распространяется не только на Европейский союз, но и на соседние государства; Республика Беларусь входит в их число. Проекты, которые реализуются в рамках программы, охватывают практически все сферы культурного взаимодействия⁵.

Важная составляющая в исследовании проблемы регионального формата культурного сотрудничества – понимание терминологии, которая используется участниками. В Европейском союзе сложилась устойчивая терминология, которая основывается на целях и задачах регионального сотрудничества как такового. В части культурной сферы регион рассматривается как площадка для солидарности, экспериментирования, инноваций, обмена и ответной реакции. Культурная миссия регионов заключается в достижении культурной демократии, сохранении культурной самобытности, поощрении форм культурного самовыражения и развитии межкультурного диалога для построения мирных отношений между сообществами [4, с. 62; 5].

Наиболее существенные результаты были достигнуты в сфере трансграничного сотрудничества. Это ключевой термин, который используется в европейском законодательстве. Под трансграничным сотрудничеством понимается специфическая сфера экономической, политической, экологической, культурно-образовательной и других ви-

⁴ Креативная Европа // Культура и креативность [Электронный ресурс]. URL : <https://www.culturepartnership.eu/publishing/creative-europe/about-creative-europe> (дата обращения : 09.06.2019).

⁵ Аналитическая записка о текущем положении дел по участию организаций сферы культуры Армении, Беларуси, Молдовы и Украины в программе ЕС Креативная Европа // EP Civil Society Forum [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kultura.org.ua/wp-content/uploads/Analytical-Note.pdf> (дата обращения : 29.08.2019).

дов международной деятельности на региональном уровне. Спецификой трансграничного сотрудничества является наличие границы между странами-партнерами, общие приоритеты в развитии региона и вовлеченность не только административных органов, но и широких кругов населения. В белорусском законодательстве используются термины «приграничное сотрудничество» и «приграничные территории», «еврорегион» [6]. Кроме широкого спектра вопросов, связанных с взаимодействием между партнерами в решении приграничных вопросов, существенную долю занимают и другие сферы, в том числе культурная. Основные задачи еврорегионов – дальнейшее развитие взаимовыгодных экономических отношений, сотрудничество в социальной и культурной сферах, по вопросам экологии, предупреждения чрезвычайных ситуаций.

В настоящее время Республика Беларусь является членом таких еврорегионов, как «Буг», «Неман», «Озерный край», «Беловежская пуца» и «Днепр» [7]. Процесс создания еврорегионов с участием Европейского союза и Республики Беларусь начался в 1995 г. За столь продолжительный период сотрудничества достаточно четко определились его направления в культурной сфере.

Как показывает анализ проведенных сторонами мероприятий, их спектр объемов и включает ведущие сферы, наиболее востребованные с обеих сторон. Среди ключевых направлений можно выделить: сохранение исторического и культурного наследия, музыка и изобразительное искусство, молодежная политика, образование, спорт, гастрономический туризм [8, с. 95; 9, с. 37].

Сложился формат проведения культурных мероприятий. Их разнообразие обусловлено интенсификацией процессов трансграничного сотрудничества, что в свою очередь делает культурные связи более многообразными. Достаточно традиционной формой культурных связей с европейскими государствами остаются Дни культуры. Этот формат характерен как для международного культурного сотрудничества республики в целом, так и для региональной его составляющей.

Различного рода фестивали и выставки занимают отдельную нишу в культурном взаимодействии. Существенную роль играет научный блок, представленный в виде конференций, исторических конкурсов, краеведческих экспедиций и переводов литературных произ-

ведений на иностранные языки. Все большей популярностью пользуются спортивные мероприятия. Они тесно связаны с молодежным движением, реализующемся в формате международных молодежных школ.

Общее историческое прошлое породило такое важное направление сотрудничества, как Движение породненных городов. Этот формат появился после завершения Второй Мировой войны и до сих пор сохраняет свою значимость. Движение породненных городов это особое направление в рамках регионального сотрудничества. Его значимость в культурной сфере в целом сложно переоценить. Собственно его целью и является взаимное ознакомление с жизнью, историей и культурой. Оно развивается на основе двусторонних соглашений между отдельными государствами, которые могут и не иметь общей границы.

Выводы. На современном этапе механизм еврорегионов играет заметную роль в расширении и укреплении культурного взаимодействия между Республикой Беларусь и Европейским союзом.

Несмотря на достаточно длительный период функционирования такой формы трансграничного сотрудничества, как еврорегион, в практике отношений Европейского союза и Республики Беларусь сохраняется дисбаланс в законодательной сфере.

Для Беларуси основная сложность заключается также в том, что Европейский союз предлагает уже готовые проекты, с вполне определенным спектром мероприятий и предполагаемой степенью участия региональных и местных властей, представителей гражданского общества. В большинстве случаев белорусская сторона не располагает необходимыми правовыми механизмами и специалистами, которые могли бы реализовать данные проекты.

Поэтому наиболее продуктивным остается формат двустороннего сотрудничества, не предусматривающий такой широкий круг требований к участникам, которые могут быть задействованы в реализации программ и проектов.

Вместе с тем необходимо отметить, что отмеченные выше проблемы не являются кардинальными. Адаптация законодательной базы к законодательству Европейского союза – это процесс, а не одномоментная акция. Заинтересованность сторон и прогресс в этой сфере заметны. Не следует забывать о том, что белорусская сторона, равно

как и любая другая, должна защищать собственную систему ценностей. Трансляция культурных ценностей осуществляется как раз посредством культурных обменов. И процесс сдерживания вполне логичен и оправдан.

Важный элемент, который свидетельствует о наличии вполне определенных перспектив, – это мнение широких кругов общественности относительно необходимости углубления культурного сотрудничества на региональном уровне. История Беларуси настолько тесно связана с историей и культурой соседних государств, таких как Польша и Литва, что проблемы относительно понимания общих культурных ценностей не существует.

Трансграничное сотрудничество Беларуси и Европейского союза, несмотря на ряд проблем, служит инновационным инструментом, который может гарантировать сохранение культурного наследия обеих сторон в его неповторимости и разнообразии особенностей, открыть новые пути взаимодействия и способствовать укреплению культурного многообразия.

Библиографические ссылки

1. Кузнецов А. В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // *Соврем.Европа*. 2008. № 3. С. 48–59.
2. Романов С. Еврорегиональное сотрудничество государств Центральной и Восточной Европы // *Обозреватель* [Электронный ресурс]. 2000. URL : http://observer.materik.ru/observer/N08_00/08_07.HTM (дата обращения : 12.08.2019).
3. Greblikaite J., Daugeliene R., Kurowska-Pysz J. Cultural integration and cross-cultural management challenges in the Central European Countries : Lithuania and Poland // *European Integration Studies*. № 10. 2016. P. 29–43.
4. Laitin D. Culture and National identity: «The East» and European integration» // *West European Politics*. 2000. Vol. 25, № 2. P. 55–80.
5. Carmen N., Zakaria A., Lucia M.D. Cultural similarities in service of the cross-border cooperation between Ukraine and Romania // *ResearchGate* [Electronic recourse]. URL : https://www.researchgate.net/publication/321038296_Cultural_similarities_in_service_of_the_cross-border_cooperation_between_Ukraine_and_Romania (accessed : 27.08.2019).
6. Белицкий М.Е. Трансграничное сотрудничество регионов: методологические основы развития и роль в интеграционных процессах // *Беларусь и мировые экономические процессы* [Электронный ресурс]. URL : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/5169> (дата обращения : 10.05.2019).
7. Масюков М. Еврорегионы как перспективная форма сотрудничества Европейского союза и Республики Беларусь // *Library.BY* [Электронный ресурс]. URL : https://library.by/portalus/modules/beleconomics/readme.php?subaction=showfull&id=1465460541&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения : 11.09.2019).
8. Давыденко Л. Н., Максимчук А. Трансграничный потенциал еврорегионов в развитии международного туризма // *Весці БДПУ*. 2017. № 3. С. 93–101.

9. Белоусов А., Прокопюк А., Шишко А. Коммуникативная политика в комплексе маркетинга приграничных учреждений высшего образования // Сектор малых и средних предприятий стран Восточной Европы : избр. проблемы. 2016. Т. 3. С. 33–47.

Образец цитирования: Лазоркина О. И. Трансграничное сотрудничество Беларуси и Европейского союза в сфере культуры // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2019. Вып. 7. С. 35–45.

Автор: Лазоркина Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатической и консульской службы Белорусского государственного университета; e-mail: lazorkina@tut.by.

Дата поступления статьи: 26.11.2019.

TRANSBOUNDARY COOPERATION OF BELARUS AND THE EUROPEAN UNION IN THE SPHERE OF CULTURE

O. I. Lazorkina

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article reveals the current state of cross-border cooperation between Belarus and European Union. The author outlined the stages in the development of this format of interaction in accordance with the European Union legislation. In addition, a number of issues related to the practice of forming Euro-regions in the Republic of Belarus are considered. The article emphasizes that frontier areas have great potential for cooperation at various levels. Utilizing the cultural potential for bilateral and multilateral cooperation is a priority for Belarus and the European Union. Particularly important in the context of cross-border cooperation is the involvement of public organizations and individuals in this process. The border territories of Belarus get the opportunity to use the financial resources of European funds and organizations to ensure their sustainable development in the cultural sphere.

At the same time, the author notes the main challenges of such cooperation. In particular, it is shown that the current legal framework of the Republic of Belarus does not allow to fully participate in cultural exchange programs with the European Union. Improving cultural cooperation is considered primarily as a condition for preserving the particularities of the Belarusian national culture.

Key words: European Union; Belarus; culture; cultural relations; cross-border cooperation; transboundary cooperation; Euro-region.

References

1. Kuznecov, A. V. (2008). Evroregiony: polveka «maloj» integracii [Euroregions: half a century of "small" integration]. In: *Contemporary Europe*, 3, p. 48–59. (In Russ.).
2. Romanov, S. (2000). Evrorigionalnoje sotrudnichestvo gosudarstv Centralnoj i Vostochnoj Evropy [Euro-regional cooperation of Central and Eastern European States]. In: *Observer*, 8 (127). URL: http://observer.materik.ru/observer/N08_00/08_07.HTM (accessed 12.08.2019). (In Russ.).
3. Greblikaite, J., Daugeliene, R., Kurowska-Pysz, J. (2016). Cultural integration and cross-cultural management challenges in the Central European Countries: Lithuania and Poland. In: *European Integration Studies*, 10, p. 29–43.
4. Laitin, D. (2000). Culture and National identity: «The East» and European integration». In: *West European Politics*, 25 (2), p. 55–80.
5. Carmen, N., Zakaria A., Lucia, M. D. (2016). Cultural similarities in service of the cross-border cooperation between Ukraine and Romania. In: *Research Gate*. URL: https://www.researchgate.net/publication/321038296_Cultural_similarities_in_service_of_the_cross-border_cooperation_between_Ukraine_and_Romania (accessed 27.08.2019).
6. Belickij, M. E. (2008). Transgranichnoe sotrudnichestvo regionov: metodologicheskie osnovy razvitiya i rol v integracionnyh processah [Cross-border cooperation of regions: methodological foundations of development and role in integration processes]. In: *Belarus and world economic processes: collection of scientific articles*, 5. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/5169> (accessed 10.05.2019). (In Russ.).
7. Masukov, M. (2004). *Evroregiony kak perspektivnaja forma sotrudnichestva Evropejskogo souza i Respubliki Belarus* [Euroregions as a promising form of cooperation between the European Union and the Republic of Belarus]. In: *Library.by*. URL: https://library.by/portalus/modules/beleconomics/readme.php?subaction=showfull&id=1465460541&archive=&start_from=&ucat=& (accessed 11.09.2019). (In Russ.).
8. Davydenko, L. N., Maksimchuk, A. (2017). Transgranichnyj potencial evroregionov v razvitii mezhdunarodnogo turizma [Cross-border potential of Euroregions in the development of international tourism]. In: *Vesci BDPU*, 3. p. 93–101. (In Russ.).
9. Belousov, A., Prokopyuk, A., Shishko, A. (2016). Kommunikativnaya politika v komplekse marketinga prigranichnyh uchrezhdenii vysshego obrazovaniya [Communication policy in the marketing complex of border institutions of higher education]. In: *Sector of small and medium enterprises of Eastern Europe: selected problems*, 3. p. 33–47. (In Russ.).

For citation: Lazorkina, O. I. (2019). Transboundary cooperation of the Republic of Belarus and the European Union in the sphere of culture. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 7, p. 35–45.

About author: Lazorkina Olga Igorevna – PhD in History of International Relations and Foreign Policy, associate professor, Department of Diplomatic and Consular services, Faculty of International Relations, Belarusian State University; e-mail: lazorkina@tut.by.

Received: 26.11.2019.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ ССР В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1954–1964 гг.)

С. Ф. Свилас

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

На основе документов Архива МИД Республики Беларусь впервые в историографии осуществлено комплексное исследование деятельности Белорусской ССР в Европейской экономической комиссии в годы хрущевской «оттепели», когда внешнеполитическая активность республики значительно усилилась. Будучи субъектом международных отношений, она продолжала оставаться при этом субъектом советской федерации.

Рассмотрено участие республики в сессиях ЕЭК и ее комитетов (по сельскому хозяйству, лесоматериалам, жилищному строительству, электроэнергии, газу, статистике), а также его результаты.

Особое внимание уделено усилиям Минска по формированию института постоянного представителя БССР при Европейском отделении ООН, роли государственных структур, прежде всего внешнеполитического ведомства, и их отдельных представителей в развитии международного экономического сотрудничества. Раскрыт механизм принятия решений по вопросам отношений с ЕЭК на республиканском уровне и влияние на него общесоюзного руководства.

Показаны место и роль ЕЭК в системе внешнеполитической деятельности БССР, определено значение этой структуры в деятельности республиканского МИД и международной активности других министерств и ведомств. На примере многосторонней дипломатии ЕЭК и участия в ней Белорусской ССР отражены особенности реализации принципа мирного сосуществования двух социально-политических систем в экономической сфере.

Определены проблемы, сложности и результаты участия республики в ЕЭК в указанный период. Подчеркнуто, что членство БССР в комиссии имело прежде всего прагматический характер, который преобладал над пропагандистским, однако в условиях холодной войны и советской экономической системы потенциал международного сотрудничества в экономической сфере реализовывался далеко не в полной мере.

Ключевые слова: СССР; Белорусская ССР; Европейская экономическая комиссия; хрущевская «оттепель»; международное экономическое сотрудничество; экономическая дипломатия; советская федерация; субъект советской федерации; субъект международных отношений; развивающиеся страны.

DOI: <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2019-7-46-70>.

Введение. Экономическая дипломатия является одним из приоритетов деятельности Республики Беларусь на международной арене и осуществляется с целью обеспечения экономической безопасности, а также достижения равного распределения экспортных поставок между тремя рынками – Евразийского экономического союза, Европейского союза и регионов «дальней дуги» (стран Азии, Африки и Латинской Америки).

Европейская экономическая комиссия была создана Экономическим и социальным советом ООН в 1947 г. для содействия общеевропейской экономической интеграции, при этом Белорусская ССР является членом комиссии со времени ее создания. В 2019 г. ЕЭК объединяет 56 государств, часть из которых входит в состав Европейского союза, а также не входящие в него государства Западной и Восточной Европы, участников СНГ, США, Канаду, Турцию, Израиль. Комиссия содействует экономическому сотрудничеству в Европе, укреплению экономической интеграции и торгово-экономических связей внутри региона, а также между регионом и остальным миром.

С момента вступления Белорусской ССР в ЕЭК накоплен полезный опыт, сформировались традиции сотрудничества республиканских государственных органов с этим авторитетным учреждением ООН. Многолетнее членство в комиссии способствует формированию позитивного имиджа Республики Беларусь на международной арене, служит одним из наиболее значимых каналов изучения и внедрения мировых инноваций в экономической сфере, стимулом к повышению эффективности экономической дипломатии и внешней политики страны.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей и комплексной оценке влияния взаимодействия Белорусской ССР и ЕЭК в 1954–1964 гг. на внешнеполитическую деятельность и экономическое развитие республики.

Хронологические рамки исследования охватывают 1954–1964 гг. – годы хрущевской «оттепели», новый этап в развитии советской дипломатии, характеризовавшийся большей открытостью, реализмом и конструктивностью. Этот период был самым динамичным в истории внешнеполитической пропаганды СССР, в том числе посредством международного экономического сотрудничества, использовавшегося для решения не только пропагандистских, но и прагма-

тических задач, что очевидно на примере членства Белорусской ССР в ЕЭК.

Актуальность проведенного исследования определяется значимостью ЕЭК в экономической дипломатии БССР и Республики Беларусь, а также отсутствием в белорусской историографии работ о предыстории их сотрудничества.

Публикация может быть использована для создания обобщающих научных трудов по истории внешней политики и дипломатии Беларуси, истории международных, в том числе экономических, отношений, в учебном процессе высших учебных заведений.

Методы исследования. При проведении исследования автор опирался на принципы объективности, историзма, системности и ценности в истории. Использовались общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция, дедукция), специальные исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, биографический), а также институциональный методы.

Объектом исследования является внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР.

Предметом исследования выступают отношения БССР с ЕЭК (их организационные основы, направления и методы реализации, формы и содержание) в 1954–1964 гг.

Обзор историографии по теме. Европейская экономическая комиссия – одна из пяти региональных экономических комиссий ООН. Став ее первоначальным членом, Белорусская ССР по мере своих возможностей и в условиях советской федерации содействовала укреплению международного экономического сотрудничества и пользовалась его плодами.

К 20-летию МИД БССР (1964) вышла монография его сотрудников, которая давала союзному читателю определенное представление о деятельности республики в ООН, в том числе в ЕЭК [1].

Министр иностранных дел БССР К. В. Киселев участвовал также в создании подготовленного в Москве труда о политике и дипломатии Советского Союза в ООН (1968). Представленная им с позиций апологетики советской внешней политики глава охватывает весь послевоенный период и основана на указанной монографии [2]. В учебном пособии, содержащем общую характеристику внешнеполитиче-

ской деятельности БССР (2013), В. Е. Снапковский отмечает, что неопределенный политико-правовой статус БССР и УССР в составе СССР давал основания западным ученым в сфере международного права называть эти две союзные республики – учредители ООН «государствами особого рода», «полу- или квазигосударствами» [3].

Г. Г. Сергеева, один из авторов академического двухтомника «Нарысы гісторыі Беларусі» (1995), отметила начало работы сотрудника МИД БССР в составе Постоянного представительства СССР при Европейском отделении ООН в Женеве [4]; об этом пишет также В. Г. Шадурский в шестом томе «Гісторыі Беларусі» (2011) [5]. Указанные издания не содержат конкретного материала о деятельности республики в ЕЭК в период хрущевской «оттепели», но дают представление о контексте – развитии всех сфер общественной жизни, в том числе экономической. В своей докторской монографии Н. С. Воробей (1981) также не останавливался на этом сюжете [6]. Научное изучение более чем 70-летнего опыта сотрудничества с ЕЭК получило благоприятные перспективы в связи с рассекречиванием Архивом МИД Республики Беларусь документов периода хрущевской «оттепели».

Результаты исследования. Почти сразу после смерти И. В. Сталина началась трансформация внешней политики Советского Союза. На смену доктрине о неизбежности горячей войны пришла политика мирного сосуществования, нашедшая отражение и в деятельности Советского Союза в ЕЭК. В марте 1954 г. в Женеве состоялась 9-я сессия ЕЭК, куда была направлена и делегация Белорусской ССР в составе А. Е. Гуриновича (заместитель заведующего политическим отделом МИД, глава делегации), Г. Г. Чернущенко (первый секретарь политотдела, советник делегации), А. Н. Шельдова (третий секретарь политотдела, референт-переводчик). Будучи активным помощником союзной делегации в выполнении директив ЦК КПСС и правительства, делегация республики выступила с критикой печатного органа ЕЭК – «Обзора экономического положения Европы» в связи с тенденциозностью данных, относящихся к СССР, и в пропагандистском ключе ознакомила участников с состоянием и перспективами экономики республики. При этом белорусские делегаты подчеркивали наличие предпосылок для развития экономического сотрудничества, заинтересованность в установлении контактов с представи-

телями западноевропейских стран и необходимость борьбы против дискриминационной политики США в области международной торговли. В предложениях, адресованных руководству республики, отмечалось, что в связи с решением ЦК КПСС от 4 марта 1954 г. об участии СССР в работе всех комитетов ЕЭК целесообразно установить, чтобы УССР и БССР также были представлены в отдельных комитетах¹.

А. Е. Гуринович возглавил делегацию республики и на 10-й сессии ЕЭК. Он принял участие в обсуждении «Обзора экономического положения Европы за 1954 год», приведя ряд данных, характеризующих экономические успехи Советской Белоруссии, и подверг критике американскую политику сбыта сельскохозяйственных излишков в западноевропейские страны по демпинговым ценам. Помимо этого, дипломат безрезультатно поддерживал предложение делегации СССР о приглашении на сессию представителей ГДР и ФРГ, а также выступил по докладу Комитета по жилищному строительству. Комиссия не приняла проекта резолюции СССР, направленного на устранение препятствий в торговле между Востоком и Западом. По другим вопросам делегация БССР особой активности не проявляла².

В ходе 11-й сессии ЕЭК в 1956 г. делегация под руководством министра финансов Ф. Л. Кохонова сделала заявление о том, что Белорусская ССР будет принимать участие в работе трех комитетов – по сельскому хозяйству, жилищному строительству и лесоматериалам. На заседаниях комитетов республику представляли министр сельского хозяйства В. П. Заяш, председатель Комитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров БССР В. А. Король, министр лесной промышленности Ф. А. Самуйленко, а в качестве переводчиков выступили дипломаты В. В. Греков и В. С. Колбасин. Активность в дискуссиях белорусские делегаты не демонстрировали, присматриваясь к работе. В отчетах особо подчеркивалось, что в период пребывания за границей нарушений, роняющих достоинство гражданина СССР, не было. Признавалось, что в Белоруссии не полностью решены такие проблемы, как удобрение полей, известкование кислых почв, улучшение лугов и пастбищ и мелиорация земель. Вы-

¹ Отчет о работе МИД БССР за 1954 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 304. Л. 2–3, 14.

² Отчет о работе МИД БССР за 1955 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 327. Л. 55.

ражалось пожелание, чтобы Комитет по жилищному вопросу уделял больше внимания организации обмена опытом и совместным техническим проектам, а республике было что показать: только в 1956 г. ее посетили делегации американских, итальянских, финских строителей. Ф. А. Самуйленко в докладной записке на имя К. В. Киселева отмечал, что апробированных ЦК КПБ и Совмином БССР или опубликованных в печати цифровых материалов делегация не имела, а в МИД СССР предупредили о недопустимости использования другой статистики. По этой причине пришлось «два раза выступить с коротенькими заявлениями общего характера»³.

Министр финансов Ф. Л. Кохонов, выступая с трибуны 12-й сессии ЕЭК (1957), подчеркнул ценность сотрудничества в вопросах лесовозобновления, рационального использования лесных ресурсов и лесоматериалов, внедрения в практику достижений химической науки. Глава белорусской делегации выразил заинтересованность в обмене информацией по добыче и потреблению торфа. Был признан интересным зарубежный опыт механизации и стандартизации в строительстве, а также использования в этой отрасли новых материалов, с которым делегация ознакомилась во время целевой поездки в Бельгию. Создание Общего рынка интерпретировалось как серьезная угроза для народов и экономики Западной Европы. Было высказано мнение, что эта экономическая база НАТО способствует углублению раскола Европы и возникновению в центре континента опасного очага беспокойства. Отметим, что в составе делегации были сотрудники МИД Б. В. Кудрявцев и В. С. Колбасин – в будущем видные дипломаты⁴.

На сессии Комитета ЕЭК по лесоматериалам, которая сопровождалась посещением швейцарских предприятий, Ф. А. Самуйленко выступал по вопросам экспорта круглого леса и пиломатериалов хвойных пород, а также сотрудничества в области лесозаготовок и деревообработки. Белорусские эксперты рассчитывали, что развитие производства плит по западной технологии даст возможность республике сэкономить сотни тысяч кубометров древесины и расширить материальную базу строительства, сделать его более быстрым, эко-

³ Отчет о работе МИД БССР за 1956 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 349. Л. 2, 168, 172, 177.

⁴ Отчеты МИД БССР, делегаций БССР на международных конференциях за 1957 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 351. Л. 2–20.

номичным и качественным, а также обеспечить мебельную промышленность дешевым и вместе с тем качественным сырьем. Перед началом форума председатель Комитета по жилищному вопросу В. А. Король и сотрудник Главного управления по делам архитектуры при Совете Министров БССР И. О. Левко совершили ознакомительную поездку во Францию.

Участниками двух сессий Комитета по сельскому хозяйству стали заместитель министра сельского хозяйства И. С. Молочко, директор Института мелиорации Академии сельскохозяйственных наук БССР С. Г. Скоропанов и эксперт-консультант МИД БССР Б. В. Кудрявцев. Они декларировали, что за 1956 г. валовой сбор льна и картофеля в республике увеличился на 24 %, молока – на 26 % сахарной свеклы – на 42 %, избегая при этом обсуждения проблем и трудностей⁵.

Коллегия МИД БССР отмечала, что белорусские делегации в ЕЭК работали много и напряженно, в материалах особой нужды не испытывали, но кое-что пришлось заимствовать у союзной делегации. Были выдвинуты предложения об обсуждении в рамках ООН вопроса активизации деятельности ЕЭК, которую американцы стремятся свернуть, а также о предоставлении БССР права заключать внешнеторговые сделки. Коллегия приняла решение о создании в министерстве групп по отдельным организациям, в которых состояла республика (ООН, ЕЭК, специализированные учреждения ООН)⁶.

В 1958 г. правительство Белорусской ССР заявило об участии в работе еще одного комитета (по электроэнергии), о чем Ф. Л. Кохонов информировал участников 13-й сессии ЕЭК, проходившей в атмосфере поиска конструктивных решений. Целый ряд важных резолюций был принят единогласно: о дальнейшем развитии контактов (один из соавторов – БССР), технической помощи, европейских проблемах энергетики, активизации работы Комитета ЕЭК по внешней торговле, рабочей программе ЕЭК на 1958–1959 гг. Без возражений была принята и резолюция о потребительских товарах, инициированная СССР, в которой международное сотрудничество в этой области рассматривались как одно из средств повышения уровня жизни. Де-

⁵ Отчет о работе МИД БССР за 1957 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 367. Л. 134, 141, 161, 162.

⁶ Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1957 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 353. Л. 35, 59–61, 68.

легация исходила из принципа, что решение экономических проблем следует искать не на путях разрыва экономических связей Западной Европы с социалистическими странами, а на основе развития устойчивых экономических отношений независимо от социально-экономических систем.

Во время сессий Комитета по жилищному вопросу, проходивших в Женеве и Риме, состоялись ознакомительные поездки: в Чехословакию, организаторы которой продемонстрировали крупнопанельное строительство в Братиславе и Готвальдове, а также в Италию. Белорусская ССР предоставила обзор жилищного строительства в республике, в том числе сельского, и данные о его финансировании.

В Комитете по лесоматериалам Ф. А. Самуйленко предложил, чтобы эксперты больше внимания уделяли рациональной разработке лиственных лесов, а также составили рекомендации относительно лучшего использования деловой лиственной древесины при переработке. На сессии Комитета по вопросам сельского хозяйства С. Г. Скоропанов, выступивший с докладом о развитии сельского хозяйства БССР за 40 лет, привел данные о росте посевных площадей, урожайности полей, развитии животноводства, льноводства, повышении механизации сельского хозяйства. Делегации БССР подробно характеризовали «непрерывно растущую» экономику Беларуси и на конкретных примерах – «кризисное» состояние экономики и «бедственное» положение трудящихся капиталистических стран, усугубляемое гонкой вооружений и ростом военных бюджетов, предлагая выход – широкое экономическое сотрудничество на принципах мирного сосуществования⁷.

Анализируя итоги участия в ЕЭК и ее органах в 1958 г., руководство МИД БССР отмечало слабую связь с АН БССР и Белорусским государственным университетом, а также недостаточную разработку вопросов экономики западных стран, в частности США, Англии и Франции. В связи с малочисленностью референтского состава МИД (10 оперативных работников, в то время как в МИД Украинской ССР их насчитывалось 26) специализация референтов по основным направлениям министерства проведена не была. К. В. Киселев, высоко оценив работу С. Г. Скоропанова в Комитете по сельскому хозяйству,

⁷ Отчет о работе МИД БССР за 1958 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 390. Л. 93–94, 101–104, 118–119, 122–123.

высказался за назначение его постоянным делегатом от республики в этой структуре; министр поставил также вопрос об участии БССР в рабочих группах комитетов ЕЭК. В дискуссии о представительских расходах на форумы комиссии (они составили в 1958 г. 5,5 тыс. руб.), инициированной членами коллегии А. Е. Астапенко и А. Н. Шельдовым, более убедительным оказался последний: часть продуктов приходилось брать у союзной делегации, «с этим пора кончать»⁸.

С 1959 г. Белорусская ССР участвовала в работе уже четырех комитетов ЕЭК: по сельскому хозяйству, лесоматериалам, жилищному вопросу, а также электроэнергии. Секретариат ЕЭК в ответ на свой запрос относительно создания общеевропейской региональной торговой организации получил положительный ответ Минска: это будет способствовать более широкому товарообмену между европейскими странами в интересах их дальнейшего экономического прогресса и укрепления мира. Первым представителем республики, принявшим участие в работе Комитета по электроэнергии, стал Н. К. Заморин, директор «Белэнергопроекта», который поддержал поиски подходов к решению проблемы ее рационального потребления⁹.

В начале работы 14-й сессии ЕЭК (1959 г.) обсуждался уже не новый для комиссии вопрос о членстве ГДР. Глава делегации республики Ф. Л. Кохонов выразил твердую убежденность, что ГДР может сыграть заметную роль в расширении экономического и научно-технического сотрудничества, однако не нашел поддержки большинства. Делегация предложила Комитету по сельскому хозяйству предусмотреть в плане работы широкий обмен опытом и научными достижениями в области борьбы с туберкулезом скота. Эта инициатива была внесена в годовой доклад ЕЭК Экономическому и социальному совету ООН. Совместно с делегациями Бельгии, Польши и США была инициирована резолюция о проблемах борьбы с загрязнением вод в Европе, принятая единогласно. В целях более убедительной пропаганды экономических достижений БССР состоялся дипломатический прием, на котором присутствовало около 200 иностранных делегатов и гостей.

⁸ Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1958 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 375. Л. 33, 62, 75, 106.

⁹ Отчет о работе МИД БССР за 1959 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 405. Л. 3, 11, 15–17, 53.

Коллегия МИД в 1959 г. отметила препятствия, которые чинились властями принимающей стороны (в частности, Италии) делегациям социалистических стран во время их ознакомительных поездок по линии ЕЭК: «нам ничего не хотят показывать». По распоряжению союзного внешнеполитического ведомства состав делегации на 14-ю сессию ЕЭК был сокращен до трех человек, в то время как делегация УССР состояла из пяти. К. В. Киселеву поручалось поставить перед МИД СССР вопрос о предварительных совещаниях трех советских делегаций, где можно было бы распределить ведущие вопросы, а также договориться о выступлениях по другим пунктам повестки дня, аргументации и тактике.

Министр высказал намерение обсудить в Центральном комитете Коммунистической партии Белоруссии (ЦК КПБ) потенциал печати, радио и телевидения для информирования населения о деятельности республики в ЕЭК. Коллегия приняла решение о привлечении к разработке инициативных предложений для рабочих органов ЕЭК экспертов из Института экономики АН БССР, министерств строительства, сельского хозяйства, Управления энергетики Совнархоза БССР, Госплана БССР.

Первый секретарь А. Н. Шельдов был откомандирован в Постоянное представительство СССР при Европейском отделении ООН на должность второго секретаря¹⁰.

15-я сессия ЕЭК (1960 г.) прошла, по оценке белорусской делегации, под флагом советских предложений: об изучении возможности совместного проектирования и строительства промышленных объектов, исследованиях экономических аспектов разоружения, созыве совещания министров внешней торговли европейских стран, дальнейшем расширении сотрудничества по обмену научным и техническим опытом.

Глава делегации Белорусской ССР Ф. Л. Кохонов полностью поддерживал предложения Москвы, а в выступлении по «Обзору экономического положения Европы» подверг критике составителей за недоброкачественную подготовку материалов, особенно в отношении социалистических стран. В издании отмечалось, что республика не пережила «промышленного взлета», а это, по оценке министра фи-

¹⁰ Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1959 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 389. Л. 9, 104, 107, 126.

нансов, «явно противоречило хорошо известным фактам»¹¹. Делегация СССР внесла предложение об изменении порядка составления обзоров путем привлечения правительственных экспертов стран – участниц ЕЭК и направления тематики издания странам-участницам на отзыв. Белорусские ученые и чиновники высшего и среднего звена (В. А. Король, А. А. Куцак, В. А. Левко, Н. А. Сазонов, С. Г. Скоропанов) стали участниками ознакомительных поездок ЕЭК в Скандинавию (строительство жилья), Австрию (опыт лесозаготовок), Францию и Румынию (рациональное использование электроэнергии)¹².

Многократный участник форумов ЕЭК Б. В. Кудрявцев на одном из заседаний коллегии высказал мнение, что «самым большим вопросом в республике в связи с участием ее в ЕЭК является недостаточная отдача этого участия в нашем народном хозяйстве. Если мы успешно справляемся с политическим аспектом – показ нашего опыта на международной арене, то обратное поставлено у нас неудовлетворительно». В целях реализации Постановления Совета Министров БССР (СМ БССР) «Об упорядочении рассмотрения в республике вопросов научно-технических связей с зарубежными странами» (1960 г.) коллегия приняла решение о создании объединенной комиссии из представителей организаций, заинтересованных в сотрудничестве с ЕЭК, а также рекомендовала ее руководству обобщить республиканский опыт для комитетов ЕЭК. МИД БССР внес предложение в ЦК КПБ и СМ БССР об участии республики в Комитете по внутреннему транспорту и группе по газу¹³.

В 1961 г. представители БССР приняли участие в работе 35 международных сессий, конференций, симпозиумов и совещаний в рамках ООН, в том числе 17 сессий по линии ЕЭК. В годовом отчете, направленном в ЦК КПБ, СМ БССР и МИД СССР, отмечалось, что МИД в сотрудничестве с Госкомитетом СМ БССР по координации научно-исследовательских работ намерен взять под постоянный контроль сбор информации по линии ЕЭК и внедрения всего ценного в народное хозяйство.

¹¹ Отчет о работе МИД БССР за 1960 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 428. Л. 15–16.

¹² *Свилас С. Ф.* ЮНЕСКО в системе внешнеполитической деятельности Белорусской ССР (1954–1964 гг.): дис. ... д-р ист. наук. Минск, 1018. С. 318–320.

¹³ Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1960 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 413. Л. 12, 16–17, 49, 92–93.

Количественный состав делегации на очередную, уже 16-ю, сессию ЕЭК оставался прежним – 4 человека, в него был включен в качестве советника А. Н. Шельдов, занимавший должность второго секретаря Представительства СССР при Европейском отделении ООН. Руководитель делегации Ф. Л. Кохонов заявил, что ЕЭК сделала еще далеко не все, что она в действительности может сделать для выполнения поставленных перед ней задач, в частности, в вопросах автоматизации, химии, нефти, машиностроения. Работа форума совпала с первым в истории человечества полетом человека в космос, и Ф. Л. Кохонов призвал ЕЭК заняться решением вопросов расширения и развития связей между странами с различными социально-экономическими системами.

Осветив достижения в жилищном строительстве, делегация высказалась за более глубокое изучение вопросов планирования и застройки городов, усиление обмена информацией на многосторонней и двусторонней основе. Участие в сессии убедило в необходимости более глубокого изучения документов ЕЭК и заблаговременной подготовки проектов выступлений¹⁴.

Сессия рабочей группы по сельской электрификации, в которой принял участие академик Н. А. Сазонов, сопровождалась ознакомительной поездкой по ФРГ, во время которой советские специалисты пользовались «доброжелательным отношением со стороны организаторов, а также случайных людей». По предложению представителя Австрии сессия в девятый раз избрала своим председателем Н. А. Сазонова, что подтверждает его международный авторитет. Деловая обстановка сессии была омрачена инцидентом, когда американская делегация не пригласила глав делегаций Украины и Белоруссии на обед, при этом советник делегации США заявил, что его страна не рассматривает УССР и БССР в качестве независимых и самостоятельных участников. В результате делегация СССР отказалась от американского предложения.

После командировки в Женеву на сессию специализированной рабочей группы начальник Главного управления по газификации промышленности СМ БССР В. А. Толмачев предложил создать в Советском Союзе единый центр по руководству газовой отраслью, что

¹⁴ Отчет о работе МИД БССР за 1961 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 453. Л. 5, 23, 40–45, 106–108.

способствовало бы решению ряда технических проблем газовой промышленности СССР в целом и Белоруссии в частности. Он отметил, что работа делегации Белорусской ССР проходила в тесном контакте с делегациями стран соцлагеря и под непосредственным руководством делегации СССР.

С. Г. Скоропанов, отчитываясь перед коллегией за поездку в Женеву, предложил устраивать там ежегодные приемы и пригласить в республику группу иностранных экспертов. Он принял от К. В. Киселева поручение выступить в печати со статьей о тяжелом положении фермеров в капиталистических странах. Участника конференции по вопросам борьбы с загрязнением вод в Европе Ф. Д. Прокудина обязали подготовить докладную записку на имя первого секретаря ЦК КПБ К. Т. Мазурова и председателя СМ БССР Т. Я. Киселева с конкретными предложениями о подходах к решению этой проблемы в республике, а Государственный комитет по охране природы – регулярно направлять в ЕЭК (через МИД) информацию о проводимых акциях. Ф. А. Самуйленко, делясь своими впечатлениями о поездках во Францию и Англию, дал критическую оценку состояния целлюлозной промышленности на родине¹⁵.

Белорусскую делегацию на 17-й сессии ЕЭК (1962) возглавил заместитель министра иностранных дел А. Е. Гуринович, а советник делегации А. Н. Шельдов получил к этому времени повышение, став первым секретарем Постоянного представительства СССР при Европейском отделении ООН (ЕО ООН).

Делегация выступила 14 раз, А. Е. Гуринович и А. Н. Шельдов участвовали в работе комитета по резолюциям, причем республика стала соавтором двух таких документов. Резолюция «Об обеспечении аналитическими аннотациями научных документов в области прикладной экономической теории» (первоначальный вариант был предложен делегацией Польши) призвала расширять обмен научно-технической информацией, а резолюция «Об организации сессий ЕЭК» (инициатива группы западных стран) поручила исполнительному секретарю упорядочить работу в этом направлении.

По-прежнему в выступлениях делегатов БССР пропагандировались экономические успехи республики как пример того, чего может

¹⁵ Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1961 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 436. Л. 33–37, 59–67, 77.

добиться народ, «вдохновленный величественным планом построения коммунизма».

На сессию Комитета по сельскому хозяйству был направлен академик И. С. Лупинович, отметивший сдержанное отношение дипломатов стран – участниц Европейского экономического сообщества к обмену научно-технической информацией с Восточной Европой. Он заявил, что политика стран ЕЭС направлена на искусственное создание самообеспечения сельскохозяйственными продуктами внутри сообщества в ущерб нормальному развитию торговли между Востоком и Западом. Академик выступил за расширение обмена технической информацией и опытом в области механизации и рационализации сельскохозяйственного производства, в частности, посредством кинематографа. В совещании экспертов по рационализации сельского хозяйства участвовал И. Р. Размыслович, заведующий кафедрой Института механизации сельского хозяйства.

После командировки на симпозиум по вопросам рационализации потребления электроэнергии, проходивший в Варшаве, делегат Я. Х. Ботвинник сделал вывод об отставании республики в этой области, пассивности институтов экономики и энергетики АН БССР, дефиците кадров инспекторов. Делегат предложил изучать и использовать польский опыт. Сессия Комитета по электроэнергии с участием академика Н. А. Сазонова сопровождалась ознакомительной поездкой в Финляндию и Швецию.

Участник сессии Комитета по жилищному вопросу В. А. Король совершил ознакомительную поездку в Англию и Ирландию, а на семинар по вопросам политики в области градостроения и планирования городов был командирован главный архитектор Минска А. И. Наконечный.

В соответствии с указаниями МИД СССР и Государственного комитета СМ СССР по делам строительства (Госстроя) делегат «осуществлял полноценный показ» достижений республики. После совещания экспертов Комитета по жилищному вопросу директор института «Минскпроект» И. И. Левко признал, что трудовые затраты на стройплощадках Советского Союза выше, чем в ряде западноевропейских стран и Чехословакии, особенно велика разница в кирпичном строительстве. Он рекомендовал изучать также зарубежный опыт по снижению расходов на содержание и ремонт зданий.

Исключительно идеологическую направленность имело участие директора Института экономики АН БССР Г. Г. Ковалевского в совещании старших советников по экономическим вопросам. Он предпринял попытку убедить западных экономистов в преимуществах плановой экономики социализма, но об отклике на свое выступление умолчал. После возвращения с сессии Группы экспертов по изучению проблем создания единой сети европейских внутренних водных путей международного значения сотрудник главного управления речного флота при СМ БССР В. Д. Артамасов обратил внимание на необходимость согласования деятельности НИИ и проектных организаций СССР с учреждениями республики (создание Днепро-Виленского бассейна происходило, в основном, по БССР)¹⁶.

Делегации СССР, БССР и УССР, проанализировав итоги сессии Комитета по газу, внесли конкретные предложения, направленные на достижение намеченного уровня добычи и использования природного и сжиженного газа в СССР. На сессии Комитета по лесоматериалам БССР была представлена директором Минского леспромхоза Е. Ф. Нечергиным, который высказал мнение, что в условиях республики, недостаточно богатой спелыми лесами, нужно уделить больше внимания быстрорастущим породам древесины с целью обеспечения деревообрабатывающей и бумажной промышленности сырьем. БССР интересовал зарубежный опыт в области лесозаготовки, деревообработки, бумажной и целлюлозной промышленности. В целом участие БССР в 17-й сессии ЕЭК и 11 ее технических органов было оценено руководством МИД республики как весьма продуктивное¹⁷.

На 18-й сессии ЕЭК ООН (1963 г.) главой делегации вновь был утвержден заместитель министра иностранных дел А. Е. Гуринович. Делегат А. Н. Шельдов составил аналитическую справку «Экономический рост в европейских странах. 1949–1959 гг.» – добротное подспорье для белорусских участников. Члены делегации выступили 14 раз, республика стала соавтором четырех резолюций, направленных на расширение европейского экономического и научно-технического сотрудничества. Делегация ориентировала комиссию на оказание помощи и содействия экономическому развитию слаборазвитых

¹⁶ Отчет о работе МИД БССР за 1962 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 480. Л. 7, 110–121, 132, 137–148, 152.

¹⁷ Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1962 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 459. Л. 20, 39–41.

стран и настаивала на дискуссии о неудовлетворительном использовании взносов Белорусской ССР в расширенную программу технической помощи, Специальный фонд и Фонд помощи детям. В Минске был проведен лишь один семинар по линии Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) для специалистов из слаборазвитых стран по вопросам производства молочных продуктов (1962).

По оценке делегации, усилия ЕЭК в области подготовки технических кадров для ускоренной индустриализации развивающихся стран были явно недостаточны, учебные заведения республики в этих целях не использовались. В «Обзоре экономического положения Европы» по-прежнему отсутствовали данные об итогах хозяйственного развития БССР.

В течение года сотрудники министерства разработали и представили на рассмотрение МИД СССР инициативные предложения к очередной сессии ЕЭК, а также по программе Комитета по лесоматериалам и структуре Комитета по газу.

Исполнительному секретарю ЕЭК были направлены предложения об улучшении деятельности комиссии, материалы по БССР для «Обзора жилищной политики европейских стран за 1961–1962 гг.»; в Женеву регулярно посылались статистические данные и другие материалы по вопросам научно-технического сотрудничества в рамках ЕЭК¹⁸.

Коллегия МИД (1963) руководствовалась документами ноябрьского Пленума ЦК КПСС (1962) об усилении использования зарубежного опыта в экономике и полностью одобрила работу делегации республики на 18-й сессии ЕЭК. При этом была дана неудовлетворительная оценка союзной делегации, которая «должна помогать республикам, а не тормозить их работу», о чем Минск поставил в известность союзный МИД.

Государственный комитет по строительству (Госстрой) получил задание дважды в год информировать республиканское внешнеполитическое ведомство об использовании зарубежного опыта и выдвигать инициативные предложения. Была особо подчеркнута ценность зарубежного опыта в области продуктивности лесов, лесозаготовок,

¹⁸ Отчет о работе МИД БССР за 1963 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 505. Л. 7–8, 51–60.

деревообработки, целлюлозно-бумажной промышленности, производства древесно-стружечных и древесно-волоконистых плит¹⁹.

19-я сессия ЕЭК ООН (1964) прошла в условиях некоторого ослабления международной напряженности, вызванного подписанием годом ранее Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Белорусскую делегацию возглавил заместитель председателя Госкомитета СМ БССР по координации научно-исследовательских работ Л. И. Федоров.

Он приветствовал наблюдателя от ГДР, которого в аппарате ЕЭК рассматривали лишь как посланца «восточной зоны», что вызвало протест семи социалистических стран. На форум прибыли также наблюдатели от Алжира, Индии, Кубы, ОАР, Израиля, Японии, Венесуэлы, представители многих международных организаций и учреждений.

Делегаты США стремились уменьшить значение сессии: одновременно в Женеве проходила учредительная сессия Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Позиция Вашингтона нашла поддержку у ряда делегаций, предлагавших сократить продолжительность форума, лимитировать выступления и не принимать резолюций, поскольку секретариат перегружен работой по реализации уже принятых документов.

Делегация БССР выступила 11 раз. По ее оценке, ЕЭК не занималась изучением и обобщением передового опыта, структура комиссии и особенно ее вспомогательных органов отвечала цели уже достигнутой – восстановление разрушенной Второй мировой войной экономики Европы.

В качестве перспективы рассматривалось изучение силами ЕЭК достижений химической науки и их внедрение в производство, при этом отмечалось, что в связи с реализацией программы химизации республика установила экономические и научно-технические контакты с фирмами и организациями Англии, Италии, Франции, ФРГ и ряда других стран.

Доклад исполнительного секретаря ЕЭК В. Велебита (Югославия) вызвал оживленную дискуссию. В выступлениях представи-

¹⁹ Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1963 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 486. Л. 48–49, 54, 189–190.

телей Турции, ФРГ, Италии и США выдвигались требования ограничить компетенцию ЕЭК. Л. И. Федоров отметил, что республика всегда придавала большое значение деятельности этого органа, рассматривая его как европейский центр экономического и научно-технического сотрудничества стран с различными социально-экономическими системами, оказывающий серьезное влияние на международные экономические отношения.

Он указал, что решающим средством стимулирования торговли являются не отдельные технические, а радикальные меры, прежде всего устранение барьеров, ликвидация дискриминации и других преград в мировой торговле.

Глава делегации потребовал принятия мер, направленных на кардинальное улучшение работы по подготовке «Обзора экономического положения Европы», где БССР и УССР даже не упоминались. По оценке Л. И. Федорова, республика, ведущей отраслью которой стало машиностроение, являлась высокоразвитой в индустриальном отношении.

БССР выступила в качестве соавтора 5 из 15 принятых резолюций, первоначальные проекты которых были разработаны в МИД БССР и одобрены МИД СССР: долгосрочная программа ознакомительных поездок, деятельность комиссии в связи с Конференцией ООН по вопросам торговли и развития, проведение в жизнь Декларации о переводе на мирные цели средств и ресурсов, высвобождаемых в результате разоружения, долгосрочная программа работы совещаний старших советников по экономическим вопросам, проблемы энергетики в Европе.

Эти документы, по оценке советской дипломатии, ориентировали ЕЭК на развитие, углубление и расширение деятельности в области экономического, научно-технического и торгового сотрудничества.

Делегаты социалистических стран на сессиях Комитета ЕЭК по сельскому хозяйству (от Белорусской ССР в Женеву выезжал академик И. С. Лупинович) продолжали настаивать на усилении работы комитета в направлении химизации этой отрасли экономики. В решениях форума нашли отражение внесенные белорусским делегатом предложения о включении вопроса механизации внесения удобрений в программу рабочей группы комитета.

По инициативе представителей СССР, УССР и БССР секретариату поручалось подготовить детальный проект долгосрочной рабочей программы комитета, включив в него вопросы обмена технической информацией, повышения плодородия почв и продуктивности животноводства, хранения фруктов и овощей. Академик отметил неблагоприятные погодные условия весны–лета 1964 г. в БССР, которые сказались на урожайности.

По предложению И. С. Лупиновича комитет принял решение о включении в программу рабочей группы вопросов механизации сельского хозяйства, транспортировки продукции и применения минеральных удобрений.

По поручению президиума сессии белорусский академик составил письмо с предложением странам – членам ЕЭК организовать международное сортоиспытание, обмен сортовыми семенами и посадочным материалом.

Заместитель начальника Главного управления энергетики и электрификации при СМ БССР В. И. Овчинников представлял БССР на сессии Комитета по электроэнергии. По вопросу проведения исследования относительно объединения энергосистем европейских стран состоялась острая дискуссия с его участием. Капиталистические страны, за исключением Австрии, возражали против постановки этого вопроса, ссылаясь на отсутствие доверия между Западом и Востоком.

На сессии Комитета по жилищному вопросу, строительству и градостроительству ЕЭК, проходившей в Вашингтоне, республику вновь представлял В. А. Король. Представительство БССР при ООН в Нью-Йорке оказало ему помощь, направив первого секретаря представительства И. Т. Стельмашонка.

Критикуя предложение делегации Нидерландов о росте жилищного строительства путем увеличения численности занятых, советские участники видели решение проблемы посредством индустриализации, развития государственного сектора и усиления государственного контроля над частным сектором, а также укрупнения и специализации строительных организаций. По предложению советских делегаций было принято решение передать на рассмотрение соответствующим органам ООН вопроса о целесообразности проведения межрегионального семинара по вопросам строительства.

В. А. Король обратил внимание на растущую роль электронных вычислительных машин в отрасли и предложил наладить обмен опытом по этому вопросу. При рассмотрении долгосрочной программы ознакомительных поездок он предложил республику в качестве принимающей стороны и стал участником ознакомительной поездки по северо-западной части США.

Поездка показала, что в организации строительства там имелись «положительные моменты», которые могли найти применение в республике (например, строительство школьных бассейнов), при этом американцы «ухватились» за предложение строить дома из кабин-комнат²⁰.

Коллегия МИД, обсудив вопрос об участии республики в 19-й сессии ЕЭК и в целях улучшения подготовки к дальнейшим форумам, приняла решение активнее привлекать к сотрудничеству Госкомитет по координации научно-исследовательских работ при СМ БССР. Она обратилась в ЦК КПБ с предложением поручить Институту экономики АН БССР дать анализ «Обзоров экономического положения Европы», а также поручила ОМЭО МИД БССР подготовку к очередной сессии ЕЭК.

В 1964 г. на заседаниях коллегии отмечалось, что, поскольку СССР, УССР и БССР не участвуют в ФАО, особое значение имеет опыт, полученный в Комитете по сельскому хозяйству (специализация и снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции, экономическая эффективность капиталовложений, целесообразность производства некоторых продуктов), который, однако, использовался слабо.

Результатом внедрения опыта жилищного строительства в Швеции, Англии, Чехословакии стали микрорайоны в Минске, Гомеле, Могилеве, Витебске, возрастание доли трехкомнатных квартир при незначительном увеличении их общей площади. Руководителей самой молодой тогда в республике газовой отрасли заинтересовал зарубежный опыт подземного хранения газа и использования этого топлива в химической промышленности.

На июльском заседании коллегии с отчетом о работе в качестве второго секретаря Постоянного представительства СССР при ЕО

²⁰ Отчет о работе МИД БССР за 1964 г. // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 529. Л. 8, 12–13, 157–182, 190–192, 196–202, 311.

ООН выступил Э. И. Борщевский, сменивший А. Н. Шельдова. Успев принять участие в нескольких форумах ЕЭК, он выделил проблемы: нехватка кинофильмов и печатной продукции о республике, слабая оперативность Минска в направлении информации, отсутствие автомобиля.

Участники заседания обратили внимание, что Украинская ССР получила в представительстве должность советника, и приняли решение ходатайствовать перед МИД СССР о переводе Э. И. Борщевского на должность первого секретаря. Сотрудник МИД Л. А. Долгучиц предложил также поставить вопрос перед партийным руководством и правительством республики о создании Постоянного представительства БССР при Европейском отделении ООН в Женеве.

На заседаниях коллегии по-прежнему обсуждались вопросы укрепления межведомственного взаимодействия, внесения инициативных предложений не только политического, но прежде всего практического характера, преемственности в формировании делегаций, улучшения их подготовки и качественного анализа проделанной работы, увеличения количества и повышения эффективности ознакомительных поездок. В ЦК КПБ и СМ БССР было внесено предложение о закреплении органов ЕЭК за соответствующими министерствами и ведомствами. Руководство республики утвердило также предложение МИД БССР о передаче ряда функций по обеспечению участия представителей республики в технических органах ЕЭК Госкомитету СМ БССР по координации научно-исследовательских работ.

Только за 1964 г. специалисты республики приняли участие в 21 совещании по линии ЕЭК. Наиболее эффективно осуществлялось сотрудничество в рамках Комитета по электроэнергии и Комитета по газу. Недостаточно оперативно рассматривались вопросы взаимодействия с Женевой Госстроем БССР, Министерством сельского хозяйства и Управлением лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности СНХ БССР.

Руководство МИД республики выражало обеспокоенность отсутствием белорусских представителей в аппарате ЕЭК²¹. Вместе с тем в 1968 г. состоялась ознакомительная поездка в республику участников сессии Комитета ЕЭК по жилищному вопросу, что свиде-

²¹ Протоколы заседания Коллегии МИД БССР за 1964 год // Архив МИД Респ. Беларусь. Ф. 907. Оп. 3. Д. 513. Л. 32–33, 72–78, 99–101, 124–131.

тельство о международном признании опыта в этой отрасли экономики²².

Выводы. Деятельность Белорусской ССР в ЕЭК значительно активизировалась в условиях либерализации советского политического режима и реализации реанимированного Н. С. Хрущевым ленинского принципа мирного сосуществования. Координатором усилий республики в международном экономическом сотрудничестве выступало министерство иностранных дел, которое привлекало к взаимодействию с комиссией заинтересованные республиканские органы, однако требуемое межведомственное взаимодействие достигнуто не было.

К середине 1960-х гг. Белорусская ССР накопила определенный опыт работы в ЕЭК и ее структурах, занимавшихся вопросами сельского хозяйства, лесоматериалов, жилищного строительства, электроэнергии, газовой промышленности, европейской статистики.

С 1959 г. в составе Представительства СССР при ЕО ООН стал работать белорусский дипломат (сначала А. Н. Шельдов, затем Э. И. Борщевский), в 1963 г. был создан отдел международных экономических организаций, первым руководителем которого стал А. Н. Шельдов. В оперативных и исследовательских отделах Секретариата ЕЭК белорусские эксперты отсутствовали, республика не принимала сотрудников аппарата и делегации стран – членов комиссии, однако уже предложила свою площадку для обмена опытом.

Членство в ЕЭК осуществлялось в условиях партийно-государственной монополии на международные связи и слегка приподнятого «железного занавеса». МИД БССР руководствовался указаниями ЦК КПБ (первый секретарь К. Т. Мазуров, секретарь П. М. Машеров), а решения по вопросам сотрудничества республики с комиссией принимались после согласования с союзным Центром – ЦК КПСС и МИД СССР.

Белорусская ССР в рассматриваемый период участвовала, по подсчетам автора, в 115 международных конференциях, совещаниях и поездках по линии ЕЭК, но делегации были малочисленны (от 1 до 4 человек); в среднем ежегодно выезжало не более 15 специалистов, не считая дипломатов.

²² Тихонов О. А. Участие Белорусской ССР в деятельности экономических органов ООН (1945–1983 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск: Ин-т истории АН БССР, 1984. С. 9.

Деятельность в ЕЭК способствовала формированию в республике «человека международного», выходящего в своем сознании за пределы БССР и Советского Союза.

Белорусская ССР являлась одновременно субъектом международных отношений и субъектом советской федерации, ее активность в международных организациях регулировалась союзным Центром. Республика играла значительную роль в осуществлении директив Москвы, поощрявшей выдвижение Минском инициатив по экономическому сотрудничеству, и в основном поддерживала их.

Вместе с тем имели место жалобы сотрудников МИД БССР на низкие заработную плату и представительские расходы, статус белорусского дипломата в Постоянном представительстве СССР при ЕО ООН, сокращение состава делегаций, отсутствие консультаций или промедление с ними.

Для риторики делегатов республики и информации, направляемой в Женеву, были характерны «съездовский синдром», излишняя насыщенность цифрами, вертикальный и горизонтальный компаративизм, замена аргументации пропагандистскими шаблонами.

К середине 1960-х гг. ЕЭК превратилась в один из приоритетов во внешнеполитической деятельности БССР. По подсчетам автора, в 1954–1964 гг. БССР направила делегатов на 335 международных сессий, конференций, симпозиумов, совещаний, стажировок, поездок, из них 115 – по линии ЕЭК, 75 – ЮНЕСКО, 23 – МАГАТЭ, 16 – МОТ. Реализуя членство в ЕЭК, республика заявила о себе как об активном субъекте международных отношений. Членство в комиссии служило не только инструментом пропаганды достижений республики, но и источником дипломатического опыта, предпосылкой создания кадровой базы для решения задач внутреннего экономического развития и дальнейшей активизации внешнеполитической деятельности.

Библиографические ссылки

1. Белорусская ССР на международной арене / Министерство иностранных дел Белорусской ССР; под ред. К. В. Киселева. М. : Междунар. отношения, 1964. 335 с.
2. *Киселев К. В.* Белорусская ССР в ООН // Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1945–1965 гг.) / под ред. В. Л. Исраэляна. М. : Наука, 1968. С. 429–460.
3. *Снапковский В. Е.* История внешней политики Беларуси : пособие. Минск : БГУ, 2013. 495 с.
4. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Ін-т гісторыі АНБ. Мінск: Беларусь, 1995. Ч. 2 . 560 с.

5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Минск : Соврем. шк. Экоперспектива, 2007–2011. Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]. 2011. 728 с.
6. Воробей Н. С. Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами. Минск : Наука и техника, 1981. 246 с.

Дата поступления статьи: 4.09.2019.

Образец цитирования: *Свилас С. Ф.* Деятельность Белорусской ССР в Европейской экономической комиссии (1954–1964 гг.) // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития* : сб. науч. ст. Минск, 2018. Вып. 7. С. 46–70.

Автор: Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: svilas@tut.by.

ACTIVITIES OF THE BYELORUSSIAN SSR IN THE EUROPEAN ECONOMIC COMMISSION (1954–1964)

S. F. Sivilas

Belarusian State University, Minsk, Republik of Belarus

Abstract. For the first time in historiography, based on the documents of the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, a comprehensive study of the activities of the Byelorussian SSR in the Economic Commission for Europe during the Khrushchev Thaw, when the foreign policy activity of the republic significantly increased, was conducted. Being a subject of international relations, the Byelorussian SSR at the same time continued to remain a subject of the Soviet Federation. The participation of the republic in the sessions of the ECE and its Committees (on agriculture, timber, housing, electricity, gas, statistics), as well as the evaluation of the results by the Board of the Ministry of Foreign Affairs of the republic, are considered.

Particular attention is paid to the efforts of Minsk to form the institution of the Permanent Representative of the BSSR to the UN European Office, the role of government agencies, primarily the Ministry of Foreign Affairs, and their individual representatives in the development of international economic cooperation. The decision-making mechanism on relations with the ECE at the republican level and the influence of the All-Union Center on it are disclosed.

The place and role of the ECE in the system of the foreign policy of the BSSR are shown, the significance of the Commission in the activities of the republican Foreign Ministry and the international activity of other ministries and departments is determined. On the example of ECE multilateral diplomacy and the participation of the

Byelorussian SSR, the particularities of the implementation of the principle of peaceful coexistence of two socio-political systems in the economic sphere are described.

The problems, difficulties, and results of the republic's participation in the ECE during the specified period are considered. It was emphasized that the membership of the BSSR in the Commission was primarily pragmatic, which prevailed over the propaganda aspect, but in the conditions of the Cold War and the Soviet economic system, the potential of international cooperation in this area was far from being fully realized.

Key words: USSR; Byelorussian SSR; European Economic Commission; Khrushchev Thaw; international economic cooperation; economic diplomacy; Soviet Federation; subject of the Soviet Federation; subject of international relations; developing countries.

References

1. Kiselev, K. V. (Ed.). (1964). Belorusskaya SSR na mezhdunarodnoy arene. [Belarusian SSR in the international arena]. In: *Ministry of Foreign Affairs of the Belarusian SSR*. Moscow, Intern. relations, 335 p. (In Russ.).
2. Kiselev, K. V. (1968). Belorusskaya SSR v OON [Belorussian SSR at the UN]. In: *Soviet Union and United Nations Organization (1945–1965)*. Moscow, Nauka, p. 429–460. (In Russ.).
3. Snapkovskiy, V. E. (2013). Istoriya vneshney politiki Belarusi: posobiye [History of Belarus Foreign Policy: A Handbook]. Minsk, BSU, 495 p. (P. 361). (In Russ.).
4. Kasciuk, M. P. (Etc.). (1995) Narysy historyi Bielarusi : u 2 č. [Essays stories of Belarus: 2 parts]. Minsk: Belarus, Part 2, 560 p. (P. 409–419). (In Belaruss.).
5. Kasciuk, M. P. (Ed.). (2007–2011). Historyja Bielarusi: u 6 t. [History of Belarus: 6 v.]. Minsk: Minsk, Ekoperspektiva, 728 p. (P. 225–227, 235, 309–311, 323, 699). (In Russ.).
6. Vorobei, N. S. (1981). Uchastie Belorusskoj SSR v otnoshenijach Sovetskogo Sojuza s kapitalisticheskimi stranami [Participation of the Byelorussian SSR in the relations of the Soviet Union with capitalist countries]. Minsk, Science and technology, 246 p. (In Russ.).

Received: 4.09.2019.

For citation: Svilas, S. (2019). Activities of the Byelorussian SSR in the European Economic Commission (1954–1964). In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 7, p. 46–70.

About author: Svilas Svetlana – Doctor of Historical Sciences, Professor of the International Relations Department, Belarusian State University; e-mail: svilas@tut.by.

КИТАЙ КАК ПРИОРИТЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1992–2019 гг.)

А. В. ТИХОМИРОВ

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье раскрываются особенности политики Республики Беларусь в отношении Китайской Народной Республики в 1992–2019 гг. Статья обладает научной новизной, поскольку китайский вектор рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений внешнеполитической стратегии независимого белорусского государства. Углубление знаний в области формирования и развития отношений с КНР содействует лучшему пониманию особенностей осуществления внешней политики Республики Беларусь в целом и применительно к региону Восточной Азии.

При написании статьи использовались документы, связанные с деятельностью органов государственной власти и управления Республики Беларусь, тексты заявлений и выступлений белорусских политиков, воспоминания белорусских дипломатов. При проведении исследования автор опирался на принцип историзма, использовал общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция) и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный структурный подход, системный подход), применил аналитические методики (метод описательного анализа). Действия белорусского государства в отношении Китая оцениваются с позиций неореализма в международных отношениях.

Отмечается, что интерес белорусского руководства к развитию дружественных отношений с КНР проявился практически сразу же с момента выхода Республики Беларусь на международную арену в качестве суверенного и независимого государства и был обусловлен как геополитическими, так и экономическими предпосылками. К концу первого десятилетия XXI в. белорусско-китайские отношения повысились до уровня стратегического партнерства, во втором десятилетии – до уровня доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. Белорусское руководство положительно оценило инициативу «Пояса и пути» и поддерживало ее сопряжение с ЕАЭС. При этом оно стремилось выстраивать отношения с КНР на основе безусловного приоритета национальных интересов белорусского государства, сделав акцент на создании китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень».

Ключевые слова: Республика Беларусь; Китайская Народная Республика; внешняя политика; внешнеполитический приоритет; инициатива «Пояса и пути»; торговля; индустриальный парк «Великий камень».

Введение. Современный Китай является одной из значимых величин в мировой политике и экономике, причем эта значимость неуклонно возрастает. Ярким свидетельством служит выдвинутая руководством КНР осенью 2013 г. инициатива создания Экономического пояса Шелкового пути, известная также под названием «Инициатива “Пояса и пути”».

Инициатива получила поддержку многих государств мира. Последовательная установка на формирование многополюсного мира при сохранении свободы действий в международных делах, лежащая в основе внешней политики КНР, начала восприниматься странами Запада, прежде всего США, как вызов. С их стороны все чаще проявляется стремление сдержать Китай посредством комбинации политических, экономических и военных средств.

Республика Беларусь при осуществлении многовекторной внешней политики не может игнорировать процессы, связанные с политикой Китая и его позиционированием на международной арене.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей политики Беларуси в отношении Китая в 1990-х – 2010-х гг.

Задачи исследования: выявить интересы Беларуси в Китае, раскрыть особенности политики белорусского государства в отношении Китая в 1990-х – 2010-х гг., оценить степень значимости Китая как партнера Беларуси в рассматриваемый временной период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и КНР в 1992 г. до 2019 г., когда в рамках II форума «Пояса и пути» руководство Беларуси подтвердило курс на сохранение стратегического партнерства с Китаем.

В силу недостаточной проработанности соответствующей проблемы в научном плане данное исследование выстроено преимущественно на информации, почерпнутой из *первоисточников*: документов из фонда Кабинета министров Республики Беларусь Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), официальных заявлений и выступлений Президента Республики Беларусь, документов политических партий, статистики внешней торговли Беларуси, мемуарной литературы (воспоминаний бывших государственных руководителей и дипломатов Республики Беларусь).

Актуальность исследования заключается в выявлении значимости КНР во внешней политике Республики Беларусь и раскрытии особенностей политики белорусского государства на китайском направлении. Научный анализ, нацеленный на углубление знаний о реализации многовекторной внешней политики Республики Беларусь в конце XX – начале XXI в., представляет интерес для отечественной и зарубежной науки. Публикация способствует более предметной оценке особенностей внешней политики Республики Беларусь, позволит глубже раскрыть интересы и формы активности белорусского государства в Восточной Азии.

Методы исследования. При проведении исследования автор опирался на принцип историзма, использовал общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция) и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный структурный подход, системный подход), применил аналитические методики (метод описательного анализа). Также он применил метод ивент-анализа, оценивая результаты белорусско-китайского сотрудничества в неореалистической парадигме (раскрывая роль государственных структур в контексте внешней политики Беларуси).

Объектом исследования является внешнеполитическая стратегия Республики Беларусь в отношении Китая.

Предмет исследования – политика белорусского государства в отношении КНР в 1992–2019 гг.

Обзор литературы по теме. В Республике Беларусь и за ее пределами проблематика белорусско-китайских отношений 1990-х – 2010-х гг. активно не изучалась. Единственным исследованием, в котором непосредственно рассматривались особенности взаимодействия между Республикой Беларусь и КНР в конце XX – начале XXI в., стала монография В. Мацеля [1].

Следует отметить, что В. Мацель принимал непосредственное участие в процессе налаживания белорусско-китайских связей в качестве сотрудника МИД Республики Беларусь и советника белорусской дипмиссии в КНР. Это способствовало более детальному раскрытию им различных аспектов белорусско-китайских отношений в 1992–2003 гг. С высокой степенью достоверности В. Мацель отразил динамику белорусско-китайских отношений на рубеже XX и XXI в., увязав активизацию белорусско-китайских связей с политикой Прези-

дента Республики Беларусь А. Лукашенко. Ценность научного исследования В. Мацеля повышает использование обширного документального материала, в том числе из текущего архива МИД Республики Беларусь. К недостаткам исследования можно отнести чрезмерный оптимизм автора в оценках результатов и перспектив двустороннего сотрудничества между Республикой Беларусь и КНР и его стремление «развести» политические и экономические аспекты сотрудничества.

Проблематику белорусско-китайских отношений была затронута известным белорусским политологом Ю. Шевцовым в исследовании, посвященном геополитическому положению Беларуси в условиях конфликта на Украине в 2014 г. [2]. Ю. Шевцов считал, что сотрудничество с Китаем выгодно для Беларуси (начало сотрудничества он увязывал с контактами двух стран в военно-технической сфере [2, с. 161]).

Он предполагал, что значимость Беларуси для Китая повысится в силу ее географической близости к ЕС и реализации проекта Китайско-белорусского индустриального парка и в среднесрочной перспективе белорусско-китайское взаимодействие приобретет характер стратегического партнерства [2, с. 141, 155, 163]. При этом он высказал мнение, что на белорусскую политику относительно Китая меньше влияют соображения геополитического характера или идеология, чем в других странах Восточной Европы [2, с. 161].

Большой интерес белорусские исследователи проявили к инициативе КНР «Пояс и путь», выдвинутой в 2013 г. В монографии М. Мясниковича, посвященной участию Беларуси в интеграционных проектах на постсоветском пространстве, отмечалось, что «участие Беларуси в проектах Экономического пояса Шелкового пути не должно ограничиваться транзитом через территорию нашей страны китайских грузов и обратно. Требуется создание инфраструктурных и промышленных экспортно ориентированных белорусско-китайских кластеров, в том числе с возможным участием компаний из третьих стран» [3, с. 185].

В. Бельский и Л. Тригубович утверждали, что для Беларуси участие в проекте «Пояс и путь» служит «способом ускорения технологической модернизации экономики, создания высокотехнологичных производств, активизации и значительного расширения экспорта, по-

вышения эффективности использования транспортно-логистического потенциала территории страны, используемой в качестве ключевого звена Пути» [4, с. 97].

М. Данилович обращала внимание на слабую координацию политики государств – членов ЕАЭС в отношении китайского проекта и сделала вывод, что белорусско-китайское сотрудничество будет и далее развиваться в двустороннем формате с учетом национальных интересов Республики Беларусь [5, с. 239].

В китайском научном сообществе проблематика белорусско-китайских отношений большого интереса не вызывала. В тех случаях, когда исследователи все же оценивали результативность сотрудничества, они обращались исключительно к проблемам взаимодействия в торгово-экономической и инвестиционной сферах. При этом китайские авторы исходили из того, что сотрудничество приносит Беларуси значительную пользу. Такой подход, в частности, характерен для научной статьи профессора Академии общественных наук КНР Чжао Хуэйжун [6].

Исследователи России, других государств – участников СНГ, Западной Европы и Северной Америки проблематику, связанную с политикой Беларуси в отношении Китая, не рассматривали. Исключение составила польская аналитика.

В частности, в монографии Р. Чахора, посвященной внешней политике Республики Беларусь в 1992–2011 гг., в числе прочего рассматривалось развитие белорусско-китайских отношений. Автор указывал, что Китай по своим параметрам идеально подходил на роль партнера Беларуси, а сотрудничество с ним придавало внешней политике белорусского государства реальную многовекторность [7, s. 196]. Также он обращал внимание на повышение значимости Китая во внешней политике Республики Беларусь в условиях ухудшения отношений со странами Запада [7, s. 200].

Однако в большинстве своем белорусские, китайские и иные исследователи концентрировали внимание на практических аспектах сотрудничества, обращаясь, прежде всего, к сфере экономики, и не рассматривали Китай в контексте внешней политики белорусского государства.

Результаты исследования. Интерес белорусского руководства к налаживанию отношений с Китайской Народной Республикой про-

являлся уже на этапе выхода Республики Беларусь на мировую арену в качестве независимого государства. В январе 1992 г. состоялся визит в КНР белорусской правительственной делегации во главе с Председателем Совета министров Республики Беларусь В. Кебичем. При этом Беларусь стала первым государством – участником СНГ, глава правительства которого был приглашен в Пекин до установления дипломатических отношений¹.

В мемуарах В. Кебич отмечал: «Военная и экономическая мощь Китая, а вместе с ними и его политический вес на международной арене росли буквально по часам. Установить с ним прочные отношения означало заручиться поддержкой на международной арене, получить своего рода пропуск в клуб избранных... Его поддержка могла стать одним из решающих факторов возрождения белорусской экономики»².

Это высказывание достаточно точно передает суть белорусских интересов в отношении Китая.

Визит положил начало формированию договорно-правовой базы белорусско-китайского сотрудничества. Первыми правовыми актами, подписанными между Республикой Беларусь и КНР, стали соглашения об установлении дипломатических отношений и о торгово-экономическом сотрудничестве (оба соглашения были подписаны 20 января 1992 г.).

Белорусская делегация смогла ознакомиться с общими принципами политики Китая и опытом китайских реформ. В. Кебич встретился с генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином. Также он посетил первую в КНР специальную экономическую зону в г. Шэньчжэнь и побывал в г. Гуанчжоу, административном центре провинции Гуандун, и в г. Уси провинции Цзянсу.

В целом визит проходил в дружественной атмосфере, хотя по отдельным политическим вопросам возникли разногласия.

В частности, китайские официальные лица без энтузиазма восприняли стремление министра иностранных дел Республики Беларусь П. Кравченко зафиксировать в тексте Соглашения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой об установлении дипломатических отношений положение о поддержке Китаем права

¹ Кебич В. Ф. Искушение властью : из жизни премьер-министра. Минск : Парадокс, 2008. С. 339.

² Там же. С. 339–340.

Республики Беларусь на этнически белорусские территории, не входящие в ее состав. Китайцы пытались убедить П. Кравченко, что занятая им позиция не соответствует национальным интересам белорусского государства, но в конечном счете приняли требования белорусов³.

В соглашении об установлении дипломатических отношений говорилось, что Беларусь и Китай намерены развивать отношения дружбы и сотрудничества «на основе принципов взаимного уважения и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, а также мирного сосуществования» [1, с. 68]. Республика Беларусь признала КНР «единственным законным правительством, представляющим весь Китай» [1, с. 68].

Летом 1992 г. были установлены связи между Верховным Советом Республики Беларусь и Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП).

С 28 августа по 1 сентября 1992 г. КНР впервые посетила белорусская парламентская делегация с целью изучения опыта китайских реформ.

В январе 1993 г. состоялся официальный визит в КНР Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевича. Главу белорусского парламента, так же как главу белорусского правительства, тронули теплый прием и оказанные ему почести⁴. Он встретился с премьером Госсовета КНР Ли Пэном и генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином, побывал в особой экономической зоне Сямэнь в провинции Фуцзянь.

Результатом визита стала концептуальная доработка законопроекта о свободных экономических зонах в Беларуси [1, с. 41].

В ходе визита была достигнута договоренность о проведении регулярных белорусско-китайских межмидовских консультаций и окончательно решился вопрос об открытии Посольства Республики Беларусь в КНР.

Вскоре после визита состоялось назначение Временного поверенного в делах Республики Беларусь в КНР (на эту должность был назначен В. Буря).

³ *Кравченко П. К.* Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир : выступления, ст., интервью, беседы, дипломат. док. и переписка. Минск : БИП-С плюс, 2009. С. 58–59.

⁴ *Шушкевич С. С.* Моя жизнь. Крушение и воскрешение СССР. М. : РОССПЭН, 2012. С. 316.

Однако в первой половине 1990-х гг. взаимодействие Беларуси с Китаем оставалось сдержанным. В начале 1994 г. в штате Посольства Республики Беларусь в КНР работало всего лишь четыре дипломата⁵. Глава дипмиссии был вынужден проводить значительную часть времени в здании общежития Посольства Российской Федерации в КНР (на проживание в китайском отеле не было средств) и лично управлял автомобилем. В посольстве отсутствовали телефон и факс⁶.

Позитивные изменения в белорусско-китайских отношениях произошли в 1995 г. Важной вехой в этом плане стал официальный визит в КНР Президента Республики Беларусь А. Лукашенко в январе 1995 г. 17 января 1995 г., в Пекине была подписана Совместная декларация о дальнейшем развитии и углублении сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь (название документа предопределяло содержание сотрудничества). Весьма важным, с точки зрения руководства Беларуси, являлось намерение китайской стороны уважать избранный путь развития белорусского государства⁷.

27 февраля 1995 г. В. Кузнецов был назначен первым Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь в КНР. Глава белорусского государства поставил задачу добиться всесторонней интенсификации отношений с дружественным Китаем, сделав акцент на развитии торгово-экономических отношений, увеличении взаимного товарооборота и экспорта белорусских товаров⁸.

В последующие годы президент Беларуси неизменно включал отношения с Китаем в число важных внешнеполитических приоритетов белорусского государства. Акцент делался на экономических аспектах сотрудничества, но иногда (особенно во второй половине 1990-х гг.) начинали фигурировать геополитические соображения. К примеру, в марте 1997 г. президент заявил о возможности создания оси «Минск – Москва – Пекин» в качестве ответа на расширение НАТО на Восток⁹.

⁵ Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов : к 25-летию установления диплом. отношений / сост. А. Тозик ; под общ. ред. А. А. Тозика. Минск : Звезда, 2017. С. 22.

⁶ Там же. С. 16, 20.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Волкова М., Караманов Ю. Александр Лукашенко попытался в очередной раз перехватить у Бориса Ельцина интеграционную инициативу // Независим. газ. 1997. 13 марта. С. 1.

29 июля 2000 г. президент Беларуси при встрече с заместителем председателя КНР Ху Цзиньтао заявил: «Я могу констатировать тот факт, что между нашими странами не существует абсолютно никаких расхождений по поводу курса внешней политики, многополярности, противодействия гонке вооружений, единого Китая, а также перспектив сотрудничества» [1, с. 75].

Во второй половине 1990-х гг. стали расширяться белорусско-китайские торговые связи, причем в торговле с Китаем сохранялось положительное сальдо. В 1996 г. белорусский МИД оптимистично расценивал возможности расширения поставок в КНР самосвалов, автомобилей, различных видов станков, продукции радиоэлектронной и оптико-механических отраслей промышленности, контрольно-измерительных приборов¹⁰.

27 июля 2000 г. Республика Беларусь и КНР подписали Совместное Китайско-Белорусское заявление об укреплении всестороннего сотрудничества в XXI веке. Обе стороны высказали намерение «поднять двусторонние отношения на более высокий уровень в новом веке», выступили в поддержку многополюсного развития мира и невмешательства во внутренние дела суверенных государств, выразили готовность прилагать усилия к установлению нового справедливого и рационального международного политического и экономического порядка [1, с. 172; 174].

В конце XX – начале XXI в. белорусско-китайский политический диалог сохранял предельную степень активности и проходил на самом высоком уровне. Президент Республики Беларусь посещал КНР с визитами в 1997, 2001, 2005, 2008, 2010, 2013, 2015, 2016, 2017, 2018 и 2019 гг.

В 2000–2010-х гг. Беларусь и Китай устранили диспаритет в организации визитов на высшем государственном уровне. В июле 2001 г. состоялся первый в истории белорусско-китайских отношений официальный визит в Республику Беларусь Председателя КНР Цзян Цзэминя.

В 2007 г. в Беларуси побывал председатель Госсовета (глава правительства) КНР Вэнь Цзябао, в 2008 г. – заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Хань Цидэ, в 2009 г. – вице-премьер

¹⁰ О ходе реализации плана мероприятий по итогам визита Премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Республику Беларусь // НА РБ. Ф. 7. Оп. 12. Д. 2407. Л. 14.

Госсовета КНР Хуэй Ляньюй, в 2010 г. – заместитель председателя КНР Си Цзиньпин, в 2011 г. – председатель Постоянного комитета ВСНП У Банго, в 2017 г. – председатель Постоянного комитета ВСНП Чжан Дэцзян. В 2015 г. состоялся государственный визит в Беларусь Председателя КНР Си Цзиньпина.

Беларусь и Китай активно сотрудничали по линии внешнеполитических ведомств, проводили межмидовские консультации по актуальным вопросам международной жизни и двусторонних отношений. Активным и плодотворным было сотрудничество двух стран в ООН.

В 2005 г. было подписано межправительственное Соглашение о принципах сотрудничества между местными исполнительными и распорядительными органами Республики Беларусь и местными правительствами Китайской Народной Республики. Представляется правомерным мнение бывшего Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в КНР А. Тозика о том, что указанное соглашение стало «сигналом, стимулом и нормативной базой для развития сотрудничества на региональном уровне»¹¹.

В мае 2015 г. Беларусь и КНР подписали договор о дружбе и сотрудничестве, который вступил в силу в сентябре 2016 г.

В декабре 2005 г. было отмечено, что белорусско-китайские отношения «вступили в качественно новый этап, этап всестороннего развития и стратегического сотрудничества»¹². В 2015 г. для характеристики белорусско-китайских отношений использовался термин «всестороннее стратегическое партнерство», в 2016 г. – «доверительное всестороннее стратегическое партнерство и взаимовыгодное сотрудничество»¹³.

31 августа 2015 г. глава белорусского государства утвердил Директиву № 5, посвященную отношениям с Китаем. В ней подчеркивалось, что развитие всестороннего партнерства с этой страной отвечает долгосрочным интересам Беларуси, укреплению ее международных позиций, способствует обеспечению развития всего спектра белорусско-китайского сотрудничества¹⁴.

¹¹ Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях... С. 131.

¹² Там же. С. 124.

¹³ О политических отношениях Беларуси и Китая // Посольство Респ.и Беларусь в Кит. Нар. Респ. [Электронный ресурс]. URL : <http://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/political/> (дата обращения : 01.08.2019).

¹⁴ О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой : Директива Президента Респ. Беларусь № 5 // Нац. правовой Интернет-портал

Директивой устанавливалось, что сотрудничество Беларуси с КНР осуществляется на основе принципов равноправия и взаимной выгоды; применения преимущественно рыночных подходов с учетом интересов Республики Беларусь; приоритетности, долгосрочности реализуемых проектов, последовательности их реализации; прямого и тесного взаимодействия республиканских и местных органов государственного управления с китайской стороной; ответственности субъектов хозяйствования за эффективность реализации проектов взаимовыгодного сотрудничества с КНР¹⁵.

К основным направлениям белорусско-китайского сотрудничества были отнесены: глубокая и взаимная интеграция отраслей и предприятий; информационно-коммуникационные технологии; формирование совместных исследовательских и научно-практических центров, совместное развитие отраслевой науки; прямое и системное межрегиональное сотрудничество; создание в Республике Беларусь регионального центра китаеведения и взаимодействия с КНР¹⁶.

Издание директивы свидетельствовало о высокой степени заинтересованности руководства Беларуси в развитии отношений с Китаем, но вместе с тем оно указывало на высокую степень политизации белорусско-китайских отношений.

Между тем результаты, достигнутые в экономической сфере, выглядели неоднозначно. В XXI в. Беларусь и Китай смогли существенно увеличить объем товарооборота. В 2000 г. он составил 197,8 млн долл., в 2005 г. – 715 млн, в 2010 г. – 2 159,9 млн, в 2015 г. – 3 182,3 млн, в 2018 г. – 3 638,1 млн¹⁷. Однако основу белорусского экспорта в Китай составляли калийные удобрения, в то время как поставки сложнотехнической продукции сократились в сравнении со второй половиной 1990-х гг.

На основе информации белорусских послов в КНР можно сделать вывод о том, что изменение структуры белорусского экспорта стало следствием успешной интеграции КНР в систему мировой экономики на принципах ВТО; успехов Китая в создании собственной

Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. URL : <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P01500005> (дата обращения : 01.08.2019).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Внешняя торговля Республики Беларусь : стат. сб. Минск, 2017. – С. 50, 56; Республика Беларусь в цифрах : стат. справ. Минск, 2019. С. 62.

производственной базы; недостаточной гибкости и инертности белорусских предприятий (особенно связанных с производством машин и станков)¹⁸.

В 2006 г. в торговле Беларуси с КНР впервые образовалось отрицательное сальдо, причем в последующие годы торговый дисбаланс увеличился. Если в 2010 г. размер отрицательного сальдо в белорусско-китайской торговле превышал 1 млрд долл., то в 2018 г. он составил 2,7 млрд долл.¹⁹

В 2000-х гг. Китай начал осуществлять инвестиции в белорусскую экономику. При китайском содействии проводилась модернизация минских ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5, белорусских цементных заводов, построен отель «Пекин» в Минске. Однако специфика белорусско-китайского кредитно-инвестиционного сотрудничества заключалась в предоставлении китайской стороной связанных кредитов под закупки китайского оборудования, материалов, лицензий и т. п. По мнению А. Тозика, сложившаяся практика инвестиционного сотрудничества привела к росту импорта китайских товаров и услуг для проектов, реализуемых в Беларуси²⁰. С этим мнением можно согласиться.

Наиболее масштабным проектом, реализуемым при содействии Китая, стал китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень», под строительство которого было отведено 112,5 кв. км в Смолевичском районе Минской области (в 25 км от Минска)²¹. Соглашение о строительстве парка было подписано в 2011 г., но строительные работы начались в 2015 г.

Главной целью совместного инвестиционного проекта было заявлено развитие высокотехнологичных и конкурентоспособных инновационных производств с высоким экспортным потенциалом передовых технологий. Белорусское правительство создало для резидентов индустриального парка благоприятный инвестиционный климат, гарантированный как национальным законодательством, так и специальными международными соглашениями и обязательствами, предоставило беспрецедентные льготы и преференции, образовало отдель-

¹⁸ Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях... С. 89–90, 156.

¹⁹ Беларусь в цифрах. 2019. С. 62.

²⁰ Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях... С. 156.

²¹ О парке : общ. информ. // Кит.-бел. индустр. парк Великий Камень [Электронный ресурс]. URL : <https://industrialpark.by/o-parke/obshhaya-informaciya.html> (дата обращения : 22.07.2019).

ный независимый орган государственного управления для комплексного административного обслуживания по принципу «одного окна»²². Отдачу от реализации этого проекта предполагается получить после 2020 г.

В 2010-х гг. активизацию сотрудничества Беларуси с Китаем стала критически оценивать белорусская политическая оппозиция. Так, руководство партии Белорусский народный фронт (БНФ) в феврале 2012 г. негативно оценило факт присутствия китайского капитала в белорусской экономике, обратив внимание на то, что оно приводит к росту внешней задолженности Беларуси, усиливает ее зависимость от Китая, подрывает позиции белорусского бизнеса на внутреннем рынке, ухудшает экологическую ситуацию в стране.

В заявлении руководства БНФ говорилось: «Являясь убежденными сторонниками европейского и евроатлантического выбора Беларуси, мы будем всеми законными способами препятствовать не только исчезновению нашей Родины в составе Евразийского союза, но и ее превращению в “китайский остров в центре Европы”»²³.

Однако точка зрения белорусского руководства на результативность взаимодействия с Китаем не изменилась. В 2016 и 2017 гг. А. Лукашенко объяснял наличие проблем в реализации совместных проектов с Китаем нерасторопностью белорусского правительства и белорусских предприятий²⁴.

В 2018 г. он охарактеризовал сотрудничество с Китаем как благо для Беларуси, в 2019 г. назвал Китай важнейшим стратегическим партнером Беларуси²⁵.

²² Там же.

²³ Ператварэньне Беларусі ў «кітайскую выспу ў Эўропе» супярэчыць нашым нацыянальным інтарэсам // Партыя БНФ [Электронный ресурс]. 2012. URL : <http://narodny.org/?p=1808> (дата обращения : 09.07.2019).

²⁴ Лукашенко А. Г. Обращение с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2016. URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-13517 (дата обращения: 09.11.2018); Лукашенко А. Г. Послание к белорусскому народу и Национальному собранию // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2017. URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ezhegodnoe-poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-16059 (дата обращения : 17.02.2019).

²⁵ Лукашенко А. Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Офиц. интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2018. – URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594 (дата обращения : 10.05.2018); Лукашенко А. Г. Послание белорусскому народу и

Позитивную оценку со стороны официального Минска получила инициатива «Пояса и пути». В апреле 2015 г. на встрече с министром иностранных дел КНР Ван И президент Беларуси заявил, что белорусская сторона готова предоставить свои возможности для реализации данного проекта²⁶. В мае 2017 г. он принял участие в I форуме международного сотрудничества «Пояс и путь», отметив, что «при реализации данных концепций не происходит навязывания интересов, торговой экспансии в государства»²⁷.

Белорусское руководство выступало за сопряжение «Пояса и пути» с другими интеграционными проектами. В сентябре 2016 г. А. Лукашенко обратил внимание на то, что возможное сопряжение «Пояса и пути» с ЕАЭС и другими интеграционными объединениями на евразийском пространстве созвучно идее «интеграции интеграций», предложенной белорусским руководством осенью 2011 г.²⁸

В апреле 2019 г., выступая на II форуме международного сотрудничества «Пояс и путь», президент Беларуси призвал страны – участницы инициативы к максимальному расширению экономического сотрудничества и снятию существующих барьеров. В качестве первоочередных мер предлагалось сформировать цифровые транспортные коридоры между Китаем и Европой, упразднить разрешительную систему международных автомобильных перевозок, укрепить взаимосвязь инфраструктур (реконструировать приграничные станции, автомобильные и железные дороги, мосты, создать мульти-модальные транспортные узлы)²⁹. Таким образом, белорусское руко-

Национальному собранию // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2019. URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-belorusskomu-narodui-natsionalnomu-sobraniju-2090 (дата обращения : 29.05.2019).

²⁶ Лукашенко А. Г. Встреча с Министром иностранных дел КНР Ван И // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2015. URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-ministrom-inostrannyx-del-knr-van-i-11179 (дата обращения : 21.01.2018).

²⁷ Лукашенко А. Г. Участие в круглом столе глав государств на форуме «Один пояс и один путь» // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2017. URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-kruglom-stole-glav-gosudarstv-na-forume-e-odin-rojas-i-odin-put-16194 (дата обращения : 16.05.2017).

²⁸ Лукашенко А. Г. Выступление перед студентами Пекинского университета // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2016. URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poseschenie-pekinskogo-universiteta-14540 (дата обращения : 15.10.2017).

²⁹ Лукашенко А. Г. Участие во II Форуме международного сотрудничества «Пояс и путь» // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2019. URL :

водство подтвердило стремление сохранять с Китаем отношения стратегического партнерства.

Обсуждение полученных результатов. В статье на основе принципа историзма и теории политического неореализма проанализированы формы и результаты политики Республики Беларусь в отношении Китайской Народной Республики в 1992–2019 гг.

Проведенное исследование позволяет уточнить отдельные аспекты белорусско-китайского взаимодействия и внешнеполитической стратегии Беларуси. Автор соглашается с мнением Р. Чахора, что развитие взаимодействия с Китаем предопределялось политическими соображениями, выступая в качестве важного элемента многовекторной внешней политики Республики Беларусь. Верным представляется и мнение В. Мацеля относительно того, что существенный импульс укреплению связей с Китаем придала политика Президента Республики Беларусь А. Лукашенко. Вместе с тем необходимо обратить внимание на неоднозначность результатов, достигнутых в процессе развития отношений Беларуси с Китаем, прежде всего в сфере экономики.

Выводы.

1. Интерес белорусского руководства к развитию дружественных отношений с КНР проявился практически сразу же после выхода Республики Беларусь на международную арену в качестве суверенного и независимого государства. Однако в первой половине 1990-х гг. белорусско-китайское взаимодействие оставалось сдержанным.

2. В середине 1990-х гг. действия белорусского руководства в отношении Китая стали более активными. Интерес к расширению сотрудничества с Китаем был обусловлен как геополитическими, так и экономическими предпосылками. К концу первого десятилетия XXI в. белорусско-китайские отношения повысились до уровня стратегического партнерства, во втором десятилетии – до уровня доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. В 2015 г. Республика Беларусь и КНР подписали договор о дружбе и партнерстве. Китай вошел в число важнейших внешнеторговых партнеров Беларуси, расширил объем инвестиций в белорусскую экономику. Интенсивность политического диалога меж-

ду Беларусью и Китаем уступала лишь интенсивности диалога между Беларусью и Россией, причем диалог проходил на самом высоком уровне в дружественной, доверительной атмосфере. Данное обстоятельство давало белорусскому руководству основание положительно оценивать результативность китайского вектора внешней политики Республики Беларусь, хотя в белорусском обществе присутствовали и иные оценки достигнутых результатов.

3. Белорусское руководство положительно оценило инициативу «Пояса и пути», выдвинутую руководством КНР в 2013 г. Соответствующая инициатива рассматривалась в Минске преимущественно в контексте привлечения новых технологий и инвестиций и налаживания с помощью китайских партнеров выпуска товаров, востребованных на мировом рынке. Официальный Минск положительно оценивал процесс сопряжения «Пояса и пути» с ЕАЭС, но при этом выстраивал отношения с КНР на основе безусловного приоритета национальных интересов белорусского государства, сделав акцент на создании китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень».

Библиографические ссылки

1. *Мацель В. М.* Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений. Барановичи : Баранов. укрупн. тип., 2004. 190 с.
2. *Шевцов Ю. В.* Война на Украине : трансформация Европы. М. : РГГУ, 2018. 299 с.
3. *Мясникович М. В.* Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции. Минск : Беларус. навука, 2017. 278 с.
4. *Бельский В. И., Тригубович Л. Г.* Развитие технологического и инновационного сотрудничества Беларуси и Китая в рамках мегапроекта «Экономический пояс Шелкового пути» // Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза : материалы Второго белорус.-кит. гуманитар. науч. форума. (15–17 июня 2017 г., г. Минск) / Ин-т экономики НАН Беларуси. Минск : Право и экономика, 2017. 201 с. С. 95–103.
5. *Данилович М. В.* Экономический пояс Шелкового пути : особенности реализации проекта на пространстве ЕАЭС // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. / сост. Е. А. Достанко; Центр междунар. исследований ФМО БГУ. Минск, 2016. Вып. 4. С. 235–239.
6. *Чжао Хуэйжун.* Чжубай цзинмао гуаньси дэ фачжань юй цяньцзин = Китайско-белорусские торгово-экономические отношения : развитие и перспективы / Хуэйжун Чжао // Оуя цзинци = Евразийская экономика. 2016. № 3. С. 85–98 (на кит. яз.).
7. *Czachor R.* Polityka zagraniczna Republiki Białoruś w latach 1991–2011. Studium politologiczne. Polkowice : Wyd. Dolnośląskiej Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Techniki w Polkowicach, 2011. 351 s.

Дата поступления статьи: 30.08.2019.

Образец цитирования: *Тихомиров А. В.* Китай как приоритет внешней политики Республики Беларусь (1992–2019 гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2019. Вып. 7. С. 71–89.

Автор: Тихомиров Александр Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: tihomirow@list.ru.

CHINA AS A FOREIGN POLICY PRIORITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS (1992–2019)

A. V. TSIKHAMIRAU

Belarusian state University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article dwells on the peculiarities of the policy of the Republic of Belarus towards the People’s Republic of China during the period between 1992 and 2019. The article has a scientific novelty, since the Chinese vector is considered to be one of the foremost priorities of independent Belarusian state’s foreign policy strategy.

Improving the knowledge in the field of forming and developing relations with the PRC contributes to a better understanding of the specific characteristics of the implementation of the foreign policy of the Republic of Belarus as a whole and in relation to the East Asian.

While writing the article, the author has used the documents related to the activities of state authorities and administration of the Republic of Belarus, texts of statements and speeches of Belarusian politicians as well as the memories of Belarusian diplomats. In the research the author has drawn on the principle of historicism, used general academic (analysis, synthesis, comparison, synthesis, deduction) and specific historical methods (historical genetic method, comparative historical structural approach, systematic approach), applied analytical techniques (method of descriptive analysis). The actions of the Belarusian state in relation to China are being reviewed from neorealism in international relations.

It is noted that the Belarusian leadership took almost an immediate interest in the development of friendly relations with the PRC from the moment of emergence of the Republic of Belarus into the international arena as a sovereign and independent state. The interest in expanding the cooperation with China was profound due to both geopolitical and economic prerequisites. At the beginning of the 21st century Belarus and China expressed their intention to strengthen their full cooperation. By the end of the first decade of the 21st century Belarus-China relations had risen to the level of a strategic partnership, in the second decade - to the level of a comprehensive strategic partnership, and then to the level of a trusting all-round strategic partnership and mutually beneficial cooperation.

The Belarusian leadership appreciated the Belt and Road Initiative and positively assessed the linking process of the Belt and Road Initiative with the EAEU. The official Minsk, however, establishing the relations with the People's Republic of China on the basis of the unconditional priority of national interests of the Belarusian state with a focus on the construction of the China-Belarus Industrial Park «Great Stone».

Key words: Republic of Belarus; People's Republic of China; foreign policy; foreign policy priority; Belt and road initiative; trade; industrial Park «Great stone».

References

1. Matsel, V. (2004). Stanovljenije i razvitije družestvennyh belorussko-kitajskih otnoshenij [*Formation and development of friendly Belarusian-Chinese relations*]. Baranovichi, Baranovichi integrated printing. 190 p. (In Russ.).
2. Shevtsov, J. (2018). Vojna na Ukraine: Transformatsija Evropy [*War in Ukraine: Transformation of Europe*]. M., RGGU, 299 p. (In Russ.).
3. Miasnikovich, M. (2017). Aktualnaja povestka razvitija belorusskoj ekonomiki v uslovijah intrgratsii [*The current agenda for the development of the Belarusian economy in terms of integration*]. Minsk : Belarus. nauka, 278 p. (In Russ.).
4. Bielskij, V., Trigubovich, L. (2017). Razvitije tekhnologicheskogo i innovatsionnogo sotrudnichestva Belarusi i Kitaja v ramkah megaprojekta "Ekonomicheskij pojas Sholkovogo puti" [Economic zone of the Silk road, especially the implementation of the project in the Eurasian economic Union] In: *Problems of pairing the Silk road Economic Belt and the Eurasian Economic Union* : Materials of the Second Belarusian-Chinese humanitarian scientific forum (June 15–17, 2017) / Inst. of economics. Minsk : Pravo i ekonomika, p. 95–103. (In Russ.).
5. Danilovich, M. (2016). Ekonomicheskij pojas Shelkovogo puti : osobennosti realizatsii projekta na prostranstve EAES [*The Economic Belt of the Silk Road: Features of the project on the space of*

the EAEU]. In: *Actual problems of international relations and global development : collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 4, p. 235–239. (In Russ.).

6. Zhao Huajun (2016). Jubei cinma guanxi de fajar yu cancan = *China – Belarus trade and economic relations : development and prospects* In: Oa Jinji = *Eurasian economy*, N3, p. 85–98. (In Chin.).

7. Czachor, R. (2011). Polityka zagraniczna Republiki Białoruś w latach 1991–2011. Studium politologiczne [*The Foreign Policy of the Republic of Belarus in 1991–2011. Political science studies*]. Polkowice: Wyd. Dolnośląskiej Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Techniki w Polkowicach, 351 p. (In Pol.).

For citation: Tsikhamirau, A. (2019). China as a Foreign Policy priority of the Republic of Belarus (1992–2019). In: *Actual problems of international relations and global development : collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 7, p. 71–89.

About author: Tsikhamirau Aliaksandr – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Belarusian State University; e-mail: tihomirow@list.ru.

Received: 30.08.2019.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИКЕ НЕЙТРАЛИТЕТА ТУРКМЕНИСТАНА

Н. Х. ХУДАЙБЕРДИЕВА

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье проведен анализ влияния региональных вызовов на реализацию нейтральной стратегии внешней политики Туркменистана. Рассмотрен основной комплекс проблем, характерных для региона Центральной Азии: борьба великих держав за сферы влияния в регионе, рост сепаратизма, экстремизма, исламизма и терроризма, включая кризис в Афганистане, сложное положение Ирана, а также ситуация, связанная с решением каспийской проблемы. Указанные тенденции служат доказательством того, что Туркменистан столкнулся с региональными вызовами, которые стали одной из причин принятия страной нейтрального статуса.

Автор статьи на основе современной российской и турецкой историографии систематизировал и изложил комплекс вызовов политике нейтралитета Туркменистана.

Система региональных международных отношений повлияла на реализацию внешнеполитической стратегии страны в XXI в. Комплекс проблем, характерных для Центральной Азии, требовал от туркменского руководства принятия определенных решений. Особенно остро это ощущалось накануне афганской кампании Международных сил содействия безопасности. Желание руководства страны максимально реализовывать свой экономический потенциал столкнулось с увеличением проблем, преодолеть которые можно было только путем принятия определенных коллективных решений.

Такая же ситуация была характерна при преодолении разногласий, связанных с Каспием, решение которых могло быть достигнуто только в рамках переговорного процесса всех сторон.

Ключевые слова: Туркменистан; дипломатия; внешняя политика; нейтралитет; безопасность; Центральная Азия.

DOI: <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2019-7-90-105>.

Введение. Распад Советского Союза привел к тому, что его бывшие республики столкнулись один на один с современными вызовами – как внутренними, так и внешними. Туркменистан благодаря своему геостратегическому положению, а также наличию энергетических ресурсов, оказался объектом борьбы, развернувшейся между

Российской Федерацией, Турцией, Ираном, КНР, странами ЕС и США.

Опасаясь утраты суверенитета, а также возможного усиления контроля над ресурсами страны со стороны других государств и транснациональных корпораций, руководство Туркменистана во главе с С. Ниязовым приняло решение о построении особого внешнеполитического курса, основанного на нейтральном статусе страны. Реализация данного внешнеполитического курса Туркменистана сталкивалась с появлением многочисленных региональных вызовов.

Новое руководство Туркменистана во главе с Г. Бердымухамедовым пересмотрело свое отношение к внешней политике страны в новых геополитических условиях. Стало очевидно, что решение вопросов по разделу Каспийского моря, спорным месторождениям, распространению террористических групп, исламизма в регионе становится объектом коллективного урегулирования. В решении этих вопросов свое место должен был найти и Туркменистан.

Методы исследования. При рассмотрении вопросов реализации внешнеполитической стратегии Туркменистана в контексте происшедших в 1990–2000-е гг. изменений в регионе Центральной Азии были использованы общенаучные и специальные методы исследования международных отношений.

Благодаря методу анализа в работе удалось выявить факторы, которые оказывали глубокое воздействие на реализацию нейтрального статуса Туркменистана, а также исследовать состояние внешней политики страны в 1990–2000-е гг.

Метод дедукции позволил составить логическое описание внешней политики Туркменистана в 1990–2000-е гг. Благодаря методу индукции удалось обобщить имеющуюся информацию, выявить черты внешней политики Туркменистана, сделать вывод о влиянии региональных вызовов на внешнюю политику страны.

Исторические методы исследования позволили воссоздать процесс реализации внешней политики Туркменистана в хронологической последовательности (1990–2000-х гг.).

При написании статьи были использованы и такие методы исследования международных отношений, как контент-анализ и ивент-анализ. Метод контент-анализа позволил сделать вывод о внешней политике Туркменистана на основе систематизации объемного мате-

риала (публикаций СМИ, официальных выступлений МИД). Использование ивент-анализа при проведении исследования позволило определить элементы изучаемого процесса, в частности сложности, которые существуют во внешней политике страны, притязания других международных игроков на укрепление своих позиций в Туркменистане и регионе Центральной Азии.

Совокупность используемых методов исследования позволила автору в полной мере воссоздать ситуацию во внешней политике Туркменистана.

Обзор литературы по теме. Вопросы внешней политики Туркменистана в контексте ее нейтрального статуса не получили широкого распространения в современной историографии. Многолетняя изоляционистская политика страны не давала возможности в полной мере исследовать данную проблематику. Однако после прихода к власти в стране Г. Бердымухамедова Туркменистан стал пересматривать свое положение в мире и регионе. Актуальность исследования данного направления в историографии возросла после событий «арабской весны» и распространения в странах региона Средней Азии радикального исламизма и терроризма. Усиление позиций радикального ислама в Средней Азии несет прямую угрозу безопасности государствам Центральноазиатского региона. Отдельные моменты внешней политики страны изучались турецкими и российскими исследователями.

Анализируя внешнеполитические амбиции республики в 1990–2000-е гг., стоит отметить, что вопрос детально не исследован в современной историографии. Причиной пробелов в изучении истории внешней политики Туркменистана является, в первую очередь, ее закрытость и, как следствие, отсутствие аналитической и статистической информации. Также изоляционная внешняя политика страны долгое время не была актуальным объектом для исследования в связи со слабыми контактами Туркменистана с зарубежными партнерами.

Вместе с тем отдельные вопросы были рассмотрены в публикациях исследователей. Особый интерес представляет работа политолога главного редактора журнала «Центральная Азия и Кавказ» М. Эсенова «Внешняя политика Туркменистана и ее влияние на систему региональной безопасности» [1]. В ней автор анализирует условия, в которых оказался Туркменистан после распада СССР: притязания

Туркменистана на приграничные территории Ташаузской и Чарджоуской областей (на которых проживают этнические узбеки), политическая нестабильность, характерная для многих стран СНГ в постсоветский период, наличие углеводородного сырья и многие другие внутренние и внешние факторы. По мнению М. Эсенова, комплекс этих факторов привел руководство страны к необходимости принятия неординарных решений, которые вылились в принятие Ашхабадом статуса нейтрального государства.

Отдельное внимание следует уделить монографии американской исследовательницы М. Б. Олкотт «Второй шанс Центральной Азии» [2]. В ней автор уделяет большое внимание ситуации, которая сложилась в странах Центральной Азии после событий 11 сентября 2001 г. в США и начала гуманитарной интервенции союзников в Афганистан. В частности, политическая ситуация в регионе рассматривается М. Б. Олкотт в контексте проводимой операции Международных сил содействия безопасности (ИСАФ) в Афганистане. Автор отмечает, что именно после террористических атак в США в 2001 г. в позиции Туркменистана по отношению к движению Талибан и событиям в Афганистане наметились изменения.

Изучением внешней политики Туркменистана активно занимаются турецкие исследователи. Обращают на себя внимание работы М. Айдин [3], А. Булент [4], М. Е. Чаман [5]. В работах перечисленных авторов рассматривается внешняя политика Анкары, в том числе отмечено изменение позиций Туркменистана по различным вопросам регионального характера.

После образования временного геополитического вакуума в регионе Центральной Азии в связи с развалом СССР некоторые страны поспешили укрепить свои позиции, используя для этого различные методы. Особенно выделялось желание Турции навязать странам региона свою модель социально-экономического развития – так называемую турецкую модель. Однако в первые годы развития независимости страны Центральной Азии, в том числе и Туркменистан, находились под влиянием русского фактора, но многолетняя политическая зависимость от Москвы на протяжении 1990-х гг. постепенно уходила. Стремясь навязать свою модель развития, отмечает турецкий автор М. Айдин, Анкара использовала различные методы влияния на регион, в том числе и фактор тюркского единства [3, с. 7].

Несомненно, данный фактор оказывал влияние на принятие решений относительно выбора внешнеполитического развития страны. В этих условиях, опасаясь усиления турецкого влияния и утраты своего суверенитета, Туркменистан принял решение о проведении нейтральной внешней политики.

18 мая 1992 г. Туркменистаном была принята конституция, которая регламентировала основы государственной власти страны, установила основой конституционного строя президентализм, светскость и нейтралитет. В соответствии с Основным законом Туркменистана система государственной власти включила президентскую власть, законодательную власть – парламент (меджлис), местную представительную власть (халк маслахаты), а также исполнительную власть на местах (хякими) и систему местного самоуправления (генгеши)¹.

Таким образом, уже в Конституции 1992 г. руководство Туркменистана установило, что в основе внешней политике страны будет лежать принцип нейтралитета.

Окончательно статус нейтралитета страны был закреплен после принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН) № 50/80А «Поддержание международной безопасности». Как отмечено в резолюции, ГА ООН выразила надежду, что статус постоянного нейтралитета Туркменистана будет содействовать укреплению мира и безопасности в регионе².

С этого момента началась реализация нейтрального курса страны, который был направлен на установление крепких взаимоотношений со странами региона, основанных на добрососедстве и взаимопонимании. Уже в первый период развития внешней политики страны статусу нейтралитета Туркменистана угрожала ситуация, которая сложилась в Афганистане в связи с приходом к власти Талибана. Однако когда бывшие центральноазиатские республики и Россия приняли решение провести экстренную консультативную встречу для рассмотрения ситуации, связанной с захватом Кабула движением Тали-

¹ Конституция Туркменистана // Гос. тамож. служба Туркменистана [Электронный ресурс]. 2018. URL : <https://customs.gov.tm/ru/laws/konstitutsiya-turkmenistana> (дата обращения : 01.12.2018).

² Постоянный нейтралитет Туркменистана : Резолюция ГА ООН № 50/80, от 11 янв. 1996 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. 1996. URL : <https://undocs.org/ru/A/RES/50/80> (дата обращения : 01.12.2018).

бан, президент Туркменистана отказался от участия в данной встрече, ссылаясь на нейтральный статус страны. По замечанию С. Ниязова, ситуация, которая сложилась в Афганистане, является предметом для дискуссии исключительно афганского народа³. Таким образом, по мнению туркменского руководства, ситуация в Афганистане не представляла серьезной опасности для стабильности страны.

Вскоре после встречи стали очевидны масштабы афганской проблемы и ее влияние на региональную ситуацию: был отмечен рост массовой миграции этнических меньшинств на территорию центральноазиатских стран, назревала гуманитарная катастрофа, возрастали опасения относительно намерения Талибана проникнуть в регион Центральной Азии с целью распространения идей исламизма.

В то время как другие центральноазиатские республики опасались, что ситуация в Афганистане приведет к распространению в регионе сепаратизма, экстремизма и исламизма, руководство Туркменистана предпочитало публично не реагировать и не выступать против афганского руководства. В результате территория Туркменистана стала одним из транзитных направлений для переправки афганских наркотиков [6, с. 99].

Желание С. Ниязова сохранить отношения с афганским руководством были вызваны тем, что для Туркменистана оставался актуальным вопрос строительства газопровода по территории Афганистана. Однако с конца 1990-х гг. ситуация начала выходить из-под контроля. Как отметил М. Эсенов, в 1997 г. на территории Афганистана начались преследования туркменов. Это привело к тому, что на территорию Туркменистана устремился поток беженцев [1]. В условиях гуманитарного кризиса обсуждение вопроса о реализации совместных коммуникационных и энергетических проектов речи не шло. Однако руководство Туркменистана воздерживалось от критики афганского режима.

В июле 1999 г. Вашингтон ввел против Кабула экономические санкции в ответ на предоставление афганским руководством убежища лидеру Аль-Каиды У. бен Ладену.

³ Дунаева Е. В. Поиски решения каспийской проблемы продолжают // Ин-т Ближ. Востока [Электронный ресурс]. 2007. URL : <http://www.iimes.ru/?p=6328> (дата обращения : 01.12.2018).

В письменном заявлении американского президента Б. Клинтона говорилось о том, что подобный шаг позволит изолировать Талибан, ограничит его возможности в поддержке террористически групп и продаже наркотиков.

В контексте событий в Афганистане в 1990–2000-х гг. стоит упомянуть о возможном проникновении в регион радикальных исламистов. Как отмечает американский исследователь М. Б. Олкотт, радикальная исламская группа открыто действовала в Центральной Азии с конца 1980-х гг. [2, с. 27].

Особенно остро влияние этой ситуации на региональную стабильность стало ощущаться во время и после гражданской войны в Таджикистане. Региональную безопасность осложняли события в Афганистане. Многие оппозиционные группы Центральной Азии смогли укрыться в Афганистане.

По мнению М. Олкотт, события, которые происходили в Афганистане и Таджикистане, использовались политическим руководством центральноазиатских государств в качестве оправдания медленной либерализации политической и экономической жизни стран [2, с. 15].

Желание использовать территорию Афганистана для транспортировки энергоресурсов привело к тому, что политический нейтралитет Туркменистана оказался под угрозой: Ашхабад стал развивать отношения с сомнительными политическими и военными силами, которые воспринимались мировым сообществом как посредники международного терроризма. Долгое время политический и международный статус Талибана не был до конца определен, окончательное решение данной ситуации произошло после событий 11 сентября 2001 г. в США.

Террористические атаки в США стали доказательством серьезной угрозы, которая исходит от афганского режима во главе с Талибаном. Как отметило издание *Turkmenistan.ru*, после событий 11 сентября 2001 г.

Туркменистан заявил о поддержке создания антитеррористической коалиции, определив степень участия в ней нейтральным статусом государства. Осенью 2001 г. С. Ниязов отметил, что нейтральный статус Туркменистана позволяет стране предоставить свое воздушное пространство, наземные транзитные коридоры исключительно для

гуманитарных грузов. Также лидер страны отметил, что, выполняя свои международные обязательства, Ашхабад не будет способствовать транспортировке вооружения, и разрешил использовать свои военные базы⁴.

Как отметила М. Б. Олкотт, после изгнания Талибана из приграничных с Туркменистаном территорий резко возросли объемы переправляемых наркотиков, которые через Центральную Азию попадают в Европу [2, с. 21].

После начала формирования в Афганистане новой политической власти во главе с Х. Карзаем туркменское руководство выступило с поддержкой происходивших в стране изменений, дистанцировавшись от прежней поддержки Талибана.

Во время встречи лидеров Афганистана и Туркменистана в июле 2007 г. Г. Бердымухамедов заявил, что Ашхабад поддерживает внешнюю и внутреннюю политику Кабула. Х. Карзай отметил, что признает роль туркменской внешней политики, основанной на принципе нейтралитета, в развитии и сохранении региональной безопасности.

По итогам этой встречи лидеры обоих государств заявили о необходимости активизировать партнерство в борьбе с терроризмом, транснациональной преступностью, незаконным оборотом наркотиков⁵.

Новое значение в 2010-е гг. приобрел для Туркменистана рост исламизма в регионе. Как отметили А. Фараджирад, Д. Хансари, З. Радмехр, М. Дархор, распространение влияния исламистов в Туркменистане и Казахстане – сложное явление, так как для этих стран не характерны исламизация населения, не прекращающаяся дискриминация и религиозное преследование этнических меньшинств [9, с. 41].

Радикализации исламских групп в регионе, популярности роста ваххабизма и других форм ислама, распространению сетевых структур радикального ислама, которые осуществляли подготовку радикально настроенных мулл и мечетей радикального толка, способствовала деятельность Аль-Каиды и ИГИЛ.

⁴ В Ашхабаде все спокойно / Turkmenistan.ru [Электронный ресурс]. 2001. URL : <http://www.turkmenistan.ru/ru/node/14375> (дата обращения : 01.12.2018).

⁵ Арунова М. Р. К вопросу о развитии туркмено-афганских отношений // Ин-т Ближ. Востока [Электронный ресурс]. 2008. URL : <http://www.iimes.ru/?p=6836> (дата обращения : 01.12.2018).

Новую актуальность в вопросах поддержания нейтрального статуса Туркменистана приобрела ситуация в Афганистане в связи с выводом ИСАФ, началом новой операции и распространением влияния в регионе такой силы, как ИГИЛ.

Кризисная ситуация сложилась на границе Туркменистана и Афганистана в провинциях Бадгис, где угрозу представляют исламские группы, действующие на территории Афганистана в уездах Дарзаб и Коштеппа, расположенных рядом с туркмено-афганской границей.

Дестабилизация в самом Афганистане и на туркмено-афганской границе вела к замораживанию строительства газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия). Не менее важное значение имеет строительство энергетических коридоров для главного союзника Туркменистана – Турции, которая оказывает поддержку Ашхабаду.

Так, во время встречи в ноябре 2014 г. президент Турции Р. П. Эрдоган и лидер Туркменистана Г. Бердымухамедов отметили необходимость дальнейшего взаимодействия в вопросах региональной безопасности⁶.

Говоря о помощи Турции Туркменистану в урегулировании сложностей, связанных с событиями в Афганистане, необходимо отметить, что для Анкары на протяжении всего периода независимости Туркменистана характерна идея тесного сближения с Ашхабадом в различных направлениях, в том числе в топливно-энергетическом секторе.

Многие инициативы страны были направлены на то, чтобы усилить сотрудничество со странами региона. В частности, большое значение для турецкого руководства представляет взаимодействие с этими странами в рамках Организации экономического сотрудничества (ОЭС) [5, р. 71].

Актуальной оставалась каспийская проблема, которая, как отметила российский востоковед Е. В. Дунаева, в 1990–2000-е гг. не только охватывала вопросы использования биологических ресурсов, ох-

⁶ Кисляков М. Бойня в Афганистане : террористы рвутся на территорию СНГ // Моск. комсомолец [Электронный ресурс]. 2018. URL : <https://www.mk.ru/politics/2018/07/03/boynya-v-afganistane-terroristy-rvutsya-na-territoriyu-sng.html> (дата обращения : 01.12.2018).

раны окружающей среды, но и была связана с обеспечением безопасности, борьбой с организованной преступностью и наркотрафиком⁷.

Каспийская проблема вела к напряженности не только между странами, которые имели доступ к водам Каспия. Она вызывала тревогу и других стран (Турция, страны ЕС, США), заинтересованных в поставках энергоресурсов Каспия и сохранении региональной стабильности.

Турция пыталась усилить свое влияние в этом направлении. Как отметил канадский исследователь Р. М. Калтер, она стремилась не только реализовать свой транзитный потенциал, но и получить доступ к энергетическому потенциалу центральноазиатской страны путем строительства Транскаспийского газопровода [8, р. 21].

Стоит отметить, что вопрос использования Соединенными Штатами Каспийского моря в качестве базы для военного нападения на Иран широко обсуждался в 2000-е гг. Вся ситуация, которая складывалась вокруг Ирана и его ядерной программы, не только представляла угрозу для региональной безопасности, но также оказывала глубокое влияние на международные отношения в целом⁸.

Говоря о сложной ситуации вокруг Каспийского моря, необходимо отметить, что у туркменского руководства существовал еще один повод для беспокойства – наличие спорных месторождений с Азербайджаном.

Летом 2001 г. отношения Азербайджана и Туркменистана по вопросу принадлежности спорных месторождений вновь обострились. Ашхабад и Баку обвиняли друг друга в проведении разведывательных работ на спорных территориях. Туркменистан и Азербайджан активно привлекали иностранные компании, занимающиеся разработкой энергетических ресурсов в этот период⁹.

Урегулирование узла проблем по Каспию включало в себя решение экономических и энергетических вопросов и могло способствовать обеспечению региональной безопасности, что в свою очередь

⁷ Дунаева Е. В. Поиски решения каспийской проблемы продолжаются // Ин-т Ближ. Востока [Электронный ресурс]. 2007. URL : <http://www.iimes.ru/?p=6328> (дата обращения : 01.12.2018).

⁸ Дунаева Е. В. Поиски решения каспийской проблемы продолжаются // Ин-т Ближ. Востока [Электронный ресурс]. 2007. URL : <http://www.iimes.ru/?p=6328> (дата обращения : 01.12.2018).

⁹ Туркменистан настроен на конструктивный диалог // Turkmenistan.ru [Электронный ресурс]. 2001. URL : <http://www.turkmenistan.ru/ru/node/12909> (дата обращения : 01.12.2018).

могло гарантировать региональную стабильность, устойчивое развитие и добрососедство. Именно прибрежные государства должны были способствовать тому, что Каспий не будет использоваться другими государствами для агрессии и военных действий.

После событий 11 сентября свое влияние в регионе Каспийского моря и Центральной Азии стремилась восстановить также Россия, которая намеревалась сохранить статус сверхдержавы и противостоять в региональной борьбе США. Именно Москва подняла вопрос создания на море совместных сил обороны, что, по мнению российского руководства, могло укрепить доверие между странами региона и прибрежными государствами.

В то время как США проводили по отношению к Ирану агрессивную политику, Россия стремилась восстановить свои позиции в регионе. Все эти события привели к началу милитаризации Прикаспийского региона.

Несмотря на всю сложность складывающейся ситуации, Туркменистан продолжал проводить нейтральный вектор внешней политики¹⁰.

Как отметила Е. В. Дунаева, в 2007 г. позиция Туркменистана в вопросах выбора принципов раздела моря (озера) до конца не была определена. По мнению исследователя, именно Туркменистан, Азербайджан и Иран должны были предпринять конкретные шаги для определения своих национальных зон¹¹.

Новую актуальность в 2000-е гг. приобрел спор по вопросу принадлежности месторождения Кяпаз/Сердар. В частности, 16 июня 2008 г. после заключения договора азербайджанский военный патруль выступил с предупреждением к туркменскому судну, вступившему на спорную территорию Каспия.

Помимо этого, посол Туркменистана в Азербайджане был вызван в Министерство иностранных дел Азербайджана, где ему была вручена нота протеста. По мнению Баку, Туркменистан нарушил территориальную целостность в районе месторождения Кяпаз, а также

¹⁰ Хаитов А. Потеря глобального видения: взгляд из Туркменистана // Фергана. Информ. агентство [Электронный ресурс]. 2003. URL : <https://www.fergananews.com/articles/1559> (дата обращения : 01.12.2018).

¹¹ Дунаева Е. В. Поиски решения каспийской проблемы продолжаются // Ин-т Ближ. Востока [Электронный ресурс]. 2007. URL : <http://www.iimes.ru/?p=6328> (дата обращения : 01.12.2018).

делал попытки провести на этой территории разведывательные работы.

Со своим заявлением выступил и Ашхабад, который обвинил Азербайджан в незаконных действиях в отношении туркменского судна. По заверению туркменских властей, Ашхабад проводил сейсмологические работы на территории, не принадлежащей Азербайджану. В заявлении туркменского руководства также говорилось о том, что в случае необходимости Ашхабад может предпринять необходимые меры¹².

В 2009 г. МИД Туркменистана распространил заявление о том, что целесообразно направить обращение в Международный суд по вопросам делимитации Каспия между Баку и Ашхабадом. В 2012 г. между странами также отмечались кризисные явления, в частности, 9 июля 2012 г. министр иностранных дел Азербайджана Э. Мамедъяров заявил о том, что Ашхабад не обращался к Баку в связи с рассмотрением спора в международных арбитражных инстанциях относительно ситуации, связанной со спором вокруг месторождения Кяпаз/Сердар.

В ответ на это со своим заявлением выступила и туркменская сторона, заявив о готовности продолжить переговорный процесс на двусторонней основе. В случае невозможности такого диалога Туркменистан был готов обратиться в международные судебные и арбитражные инстанции¹³.

В этих условиях в сложной обстановке оказалась Турция, которая стремилась наладить стратегический диалог с обоими государствами, а также намеревалась стать важным звеном в формировании энергетических путей между Азией и Европой. Поэтому внешнеполитические ведомства Турции направили максимальные усилия для преодоления разногласий между Туркменистаном и Азербайджаном. Для турецкого руководства крайне важным был вопрос разрешения спора между Ашхабадом и Баку, так как именно эти страны могли стать стратегическим источником топливно-энергетического потенциала Турции [4, р. 39].

¹² Ашхабад и Баку не договорились по спорному месторождению // Радио Азалтык [Электронный ресурс]. 2016. URL : <https://rus.azathabar.com/a/28174172.html> (дата обращения : 01.12.2018).

¹³ МИД Туркменистана распространил сообщение для средств массовой информации // Turkmenistan.ru [Электронный ресурс]. 2012. URL : <http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/37552.html> (дата обращения : 01.12.2018).

Осенью 2012 г. Туркменистан впервые провел военно-морские учения «Хазар-2012» с целью проверки защиты морских границ страны. Инициирование подобных шагов туркменским руководством привело к проявлению дальнейшего недовольства со стороны Азербайджана. Кроме этого, как отмечала азербайджанский исследователь Т. Тагизаде, попытки Туркменистана провести перевооружение (ракетные катера «Молния» и вооруженные комплексы «Уран-Э» закупались еще в 2011 г.) стали свидетельством сложной обстановки вокруг решения вопроса о спорном месторождении¹⁴.

Благодаря деятельности дипломатических ведомств Турции в 2010-е гг. появились перспективы урегулирования вопроса по нефтяному месторождению Кяпаз/Сердар. Важные результаты были достигнуты лишь в 2018 г., когда 12 августа пятерка прикаспийских государств подписала международный договор – Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. В соответствии с документом основная площадь водной поверхности признается морем, а не озером. Дно и недра делятся между соседними странами в соответствии с нормами международного права¹⁵.

С 2010-х гг. Турция и Туркменистан стали разрабатывать новое направление сотрудничества. В частности, Ашхабад начал перевооружать свою армию, закупая некоторые виды оружия в Турции. В феврале 2018 г. турецкая фирма ВМС заключила с руководством Туркменистана соглашение о поставках бронированных машин «Амазон» и «Вуран». Новая техника предназначалась для пограничной заставы, расположенной вблизи поселка Серхетабат рядом с афганской границей¹⁶.

В 2003–2004 гг. усилились взаимоотношения Туркменистана с США в вопросах сохранения безопасности. В 2003 г. президент страны С. Ниязов отметил перспективы усиления связей с США в вопросах борьбы с наркобизнесом и другими международными угрозами.

¹⁴ Вооруженный конфликт между Азербайджаном и Туркменистаном? / Minval.az [Электронный ресурс]. URL : <https://minval.az/news/16429> (дата обращения : 01.12.2018).

¹⁵ Статус Каспийского моря // Риа-новости [Электронный ресурс]. 2018. URL : <https://ria.ru/spravka/20140426/1004969274.html> (дата обращения : 01.12.2018).

¹⁶ Турецкая компания ВМС поставила в Туркменистан БМ «Амазон» и «Вуран» // Центр анализа мировой торговли оружием [Электронный ресурс]. 2018. URL : <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2018/0306/131545714/detail.shtml> (дата обращения : 01.12.2018).

Проблему углубления военно-технического сотрудничества и защиты туркменских границ обсуждали политические круги Туркменистана с американским генерал-лейтенантом Дж. Абизейдом осенью 2004 г. Однако, как отметила М. Б. Олкотт, отсутствие профессионализма в вооруженных силах и силах безопасности Туркменистана, а также наличие коррупции не позволили в полной мере реализовывать сотрудничество в данном направлении [2, с. 205]. Необходимо отметить, что не только Анкара в XXI в. стремилась занять ключевые позиции в регионе. Попытки выйти на рынок Центральной Азии делала также КНР. Противоборство двух региональных держав говорило о необходимости поиска новых путей развития региона [7, р. 38].

Выводы. В постсоветский период внешняя политика Туркменистана была подвержена влиянию региональных вызовов, которые носили политический, этнополитический, территориальный и геополитический характер. Несмотря на желание Туркменистана проводить нейтральную внешнюю политику, граничащую с изоляционизмом, после 2007 г. руководство страны осознало необходимость развития и расширения своих внешнеполитических контактов.

Принятие данного решения было вызвано необходимостью расширить дипломатические и внешнеэкономические возможности страны. Для этого Туркменистан должен был принять ряд решений, связанных с дальнейшей реализацией своего нейтрального статуса. Значительное воздействие на внешнюю политику страны в этот период оказывали события в Афганистане, разногласия с Азербайджаном, рост исламизма в регионе, нестабильные политические режимы в бывших советских республиках, борьба держав за геополитические позиции в регионе. Среди ключевых решений Туркменистана можно отметить следующие: сближение с Турцией, активизация контактов по решению каспийской проблемы и пересмотр своей стратегии относительно афганского вопроса.

Библиографические ссылки

1. Эсенов М. Внешняя политика Туркменистана и ее влияние на систему региональной безопасности // Центральная Азия и Кавказ [Электронный ресурс]. 2001. URL : https://cac.org/journal/2001/journal_rus/cac-01/06.esenr.shtml (дата обращения : 01.12.2018).
2. Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии. М. : Моск. центр Карнеги, 2005. 487 с.
3. Aydin M. Foucault's pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus // Turkish Studies. 2004. Vol. 5, № 2. P. 1–22.

4. *Çaman M. E., Akyurt M. A.* Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // *Tourkish journal of international relations*. 2011. Vol. 10, № 2–3. P. 67–86.
5. *Bülent A.* Turkey's policy in the former Soviet South: assets and options // *Turkish Studies*. 2000. Vol. 1, № 1. P. 36–58.
6. *Комиссина И.* Афганистан: наркоторговля и региональная безопасность // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 6 (42). С. 95–106.
7. *Duarte P.* Turkey vis-à-vis Central Asia: a geostrategic assessment // *Turkish journal of international relations*. 2014. Vol. 13, № 3. P. 31–41.
8. *Culter R. M.* Turkey and the geopolitics of Turkmenistan's natural gas // *The review of international*. 2001. Vol. 1, № 2. P. 21–33.
9. Афганский терроризм и нестабильность в Центральной Азии / *А. Фараджирад, Д. Ханса-ри, З. Радмехр, М. Дархор* // *Центральная Азия и Кавказ*. 2011. Т. 14. Вып. 3. С. 33–46.

Дата поступления статьи: 28.09.2019.

Образец цитирования: *Худайбердиева Н. Х.* Региональные вызовы политике нейтралитета Туркменистана // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития* : сб. науч. ст. Минск, 2019. Вып. 7. С. 90–105.

Автор: Худайбердиева Нурбиби Худагулыева – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: nuriya.dzhan.09@mail.ru.

REGIONAL CHALLENGES IN TURKMENISTAN NEUTRALITY POLICY

N. Kh. Khudayberdieva

Belarusian State University Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article analyzes the impact of regional challenges on the implementation of the neutral strategy of Turkmenistan's foreign policy. The main complex of problems specific to the Central Asian region is considered in the work: the struggle of the great powers for spheres of influence in the region, the growth of separatism, extremism, Islamism and terrorism, including the crisis in Afghanistan, the difficult situation of Iran, as well as the situation related to the solution of the Caspian problem. These trends are evidence that Turkmenistan has faced regional challenges, which have become one of the reasons for the country's adoption of neutral status.

The author of the article on the basis of modern Russian and Turkish historiography systematized and described the existing challenges of the modern policy of neutrality of Turkmenistan. The system of regional international relations had a profound impact on the implementation of the country's foreign policy strategy in the 21st century. The complex of problems specific to Central Asia required the Turkmen leadership to make certain decisions. This was especially acute on the eve of the Af-

ghan company, the International Security Assistance Force (ISAF). The desire of the country's leadership to maximize their fuel and energy potential was faced with an increase in problems that could only be overcome through the adoption of certain collective decisions. The same situation was typical in overcoming disagreements related to the Caspian Sea, the solution of which could be achieved only within the framework of the negotiation process of all parties.

Key words: Turkmenistan; diplomacy; foreign policy; neutrality; security; Central Asia.

References

1. Jesenov, M. (2001). Vneshnjaja politika Turkmenistana i ee vlijanie na sistemu regional'noj bezopasnosti [Turkmenistan's foreign policy and its impact on the regional security system]. In: *Central Asia and Caucasus*. URL: https://ca-c.org/journal/2001/journal_rus/cac-01/06.esenr.shtm (accessed 01.12.2018). (In Russ.).
2. Olcott, M. B. (2005). Vtoroj shans Central'noj Azii [Central Asia's second chance]. Moscow, Carnegie Moscow center. 487 p. (In Russ.).
3. Aydin, M. (2004). Foucault's pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus. In: *Turkish Studies*, Vol. 5, No 2, p.1–22.
4. Çaman, M. E., Akyurt, M. A. (2011). Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy. In: *Turkish journal of international relations*. Vol. 10, No 2–3, p. 67–86. (In Turk.).
5. Bülent, A. (2000). Turkey's policy in the former Soviet South: assets and options. In: *Turkish Studies*, Vol.1, No 1, p. 36–58.
6. Komissina, I. (2005). Afganistan: narkotorgovlja i regional'naja bezopasnost' [Afghanistan: drug trafficking and regional security]. In: *Central Asia and Caucasus*, 6 (42), p. 95–106. (In Russ.).
7. Duarte, P. (2014). Turkey vis-à-vis Central Asia: a geostrategic assessment. In: *Turkish journal of international relations*. Vol. 13, No 3, p. 31–41. (In Turk.).
8. Culter, R.M. (2001). Turkey and the geopolitics of Turkmenistan's natural gas. In: *The review of international*. Vol. 1, No. 2, p. 21–33.
9. Faradzhirod, A., Hansari, D., Radmehr, Z., Darhor, M. (2001). Afganskij terrorizm i nestabil'nost' v Central'noj Azii [Terrorism in Afghanistan and instability in Central Asia]. In: *Central Asia and Caucasus*. Vol. 14. No 3, p. 33–46.

For citation: Khudayberdieva, N. Kh. (2019). Regional challenges in Turkmenistan neutrality policy. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 7, p. 90–105.

About author: Khudayberdieva Nurbibi Khudagulyeva – post-graduate student of the Department of international relations of the Belarusian state University (Minsk); e-mail: nuriya.dzhan.09@mail.ru.

Received: 28.09.2019.

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2019 г. В АВСТРИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

А. В. ШАРАПО

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются итоги досрочных выборов в парламент Австрийской Республики, которые состоялись 29 сентября 2019 г. и привели к убедительной победе консервативной Австрийской народной партии (АНП) во главе с канцлером С. Курцем. Автор выявил наиболее значимые предпосылки победы АНП в русле трансформации партийной системы Австрии в конце XX – начале XXI в., обозначив важнейшие ее тенденции в контексте усиления праворадикальных и популистских настроений во всех европейских государствах. В заключение представлен прогноз относительно состава новой правящей коалиции Австрийской Республики.

Проведенное исследование представляет также особый интерес в контексте изучения общеевропейских тенденций в эволюции партийной структуры, которая сложилась во второй половине XX в. и предусматривала, как правило, борьбу за власть двух основных политических партий или блоков. На примере Австрии автор показал, что двухпартийная модель постепенно сменяется многопартийной, которая подразумевает конкуренцию нескольких крупных партий. Одним из свидетельств этого процесса является участие в формировании нового правительства австрийской «Зеленых» – партии, которая приходит на смену социал-демократам и другим традиционным левым силам Австрии.

Ключевые слова: Австрия; Австрийская народная партия (АНП); парламентские выборы; правящая коалиция; популизм и правый радикализм; электоральные тенденции.

DOI: <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2019-7-106-117>.

Введение. Предысторию проведения досрочных выборов в парламент Австрии, которые состоялись 29 сентября 2019 г. и привели к новому раскладу партийных сил в этой стране, связывают с опубликованием в мае 2019 г. немецкими СМИ скандальной видеозаписи встречи лидеров Австрийской партии свободы (АПС) Х.-К. Штрахе и Й. Гуденуса с родственницей российского олигарха И. Макарова, которая якобы предлагала профинансировать некоторые партийные расходы АПС взамен на лоббирование его австрийских интересов.

Несмотря на то, что впоследствии была выяснена постановочная суть этой записи, занимавший пост вице-канцлера председатель АПС Х.-К. Штрахе был вынужден подать в отставку и уйти с поста лидера партии. Результат этого скандала – распад правящей коалиции и решение президента страны А. Ван дер Беллена провести 29 сентября 2019 г. досрочные выборы.

Цель данной статьи – выявить новые тенденции в развитии партийной системы Австрийской Республики в контексте актуальных общеевропейских электоральных тенденций.

Хронологические рамки изучаемых событий и явлений – второе десятилетие XXI в.

Актуальность проведенного исследования исходит из важности понимания электоральных процессов в Европе, связанных с усилением популизма и правого радикализма, в том числе на примере такого значимого субъекта европейской политики, как Австрия.

Методы исследования. Исследование опирается на принципы историзма. В процессе его проведения использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция) и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также структурный и системный подходы.

Объектом исследования являются электоральные процессы в европейских государствах в начале XXI в.

Предмет исследования – трансформация партийной системы Австрийской Республики во втором десятилетии нашего века.

Обзор литературы по теме. В связи с актуальностью изучаемых электоральных процессов в Австрии, которые охватывают преимущественно период мая–сентября 2019 г., эта проблематика пока не получила должного отражения в публикациях белорусских и зарубежных исследователей, которые занимаются изучением различных аспектов истории и современного развития Австрийской Республики. Это обусловило использование материалов СМИ и актуальных аналитических обзоров, посвященных недавним событиям в Австрии.

Вместе с тем необходимо отметить, что в исторической науке Российской Федерации существует признанная научная школа, которая включает таких специалистов по истории Австрийской Республики второй половины XX в., как Г. Бордюков, Е. Грицак, К. Медведе-

ва, В. Фрейдзон, И. Черников, А. Шарый, Я. Шимов, Ю. Юданов [1; 3; 4; 7; 8; 12; 13; 14; 15].

Важные тенденции в послевоенной истории Австрии были прослежены также в изданной в 2007 г. книге автора этой статьи «Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии и Швейцарии» [9]. Ряд публикаций был посвящен изменениям в электоральных предпочтениях граждан ФРГ, что позволило сравнить процессы в Германии и Австрии [10; 11].

Среди австрийских авторов, представивших наиболее полное освещение различных этапов истории этой страны, следует назвать, прежде всего, К. Воцелку, Е. Пристера, А. Райсберга, работы которых были переведены на русский язык и широко доступны современному читателю [2; 5; 6].

Результаты исследования. 29 сентября 2019 г. в Австрии прошли досрочные парламентские выборы, на которых уверенную победу одержала консервативная Австрийская народная партия, набрав 37,5 процентов голосов. Далее места распределили: Социал-демократическая партия Австрии (СДПА) – 21,2 процента, правая Австрийская партия свободы – 16,2 процента, «Зеленые» – 13,9 процента и «Новая Австрия» – 8,1 процента голосов¹.

Если сравнить нынешнюю общеполитическую обстановку в стране с той, которая была при выборах 2017 г., то можно отметить нынешний более благоприятный для всех партий фон. Напряженность избирательной кампании 2017 г. была вызвана рядом обстоятельств: подал в отставку лидер АНП Р. Миттерлейнер, которого сменил на этом посту молодой политик С. Курц; ушла со всех своих должностей председатель партии «Зеленых» Е. Главишник; большой и неприятной неожиданностью для других партий стало решение СДПА снять 30-летний запрет на коалицию с крайне правой АПС и декларировать готовность к сотрудничеству с ней².

Единственным сходством избирательных кампаний 2017 и 2019 гг. было то, что и тогда, и сейчас выборы проводились как дос-

¹ В Австрии оглашены окончательные итоги парламентских выборов // Deutsche Welle [Electronic recourse]. 2019. URL : www.dw.com/ru/в-австрии-оглашены-окончательные-итоги-парламентских-выборов/a-50693123 (дата обращения : 20.10.2019).

² Austrian Social Democrats drop ban on coalitions with far right // Reuters.com [Electronic recourse]. 2017. URL : www.reuters.com/article/uk-austria-politics-idUKKBN1951B6?il=0 (дата обращения : 20.10.2019).

рочные. Однако если тогда причиной для такого решения был распад правительственной коалиции с участием социал-демократов и крайне правой АПС, то сейчас наряду с правыми в правительстве находилась Австрийская народная партия С. Курца. Как видим, выбор правых в качестве партнера по коалиции становится в Австрии характерной и показательной традицией.

Оценивая их результаты для своей партии, лидер АНП С. Курц заявил: «Мы безумно благодарны. Это невероятный успех. Мы чрезмерно счастливы и сделаем все, чтобы с уважением отнестись к этому доверию избирателей. Мы сделаем все то, что обещали. Мы пытаемся добиться взаимоуважительного сотрудничества всех партий, чтобы работать во благо Австрии»³. Если отбросить всю понятную для такой обстановки эмоциональную сторону этой фразы, то можно обратить внимание лишь на последние слова о готовности сотрудничества со всеми партиями. Ряд австрийских аналитиков, комментируя это поствыборное заявление С. Курца, от себя добавляли: «Курц готов сотрудничать со всеми партиями, ... в том числе и с Австрийской партией свободы».

Кстати, эту же мысль председатель АНП повторил и после вручения ему президентом Австрии А. Ван дер Белленом мандата на формирование нового правительства, дав понять, что не исключает повторения коалиции крайне правыми.

Хотя сама по себе тема такого сотрудничества для Австрии далеко не нова, в ходе каждой избирательной кампании она выходит на передний край электоральной борьбы. Более того, эта проблема во многом определяет политический климат в стране, настроение избирателей и в конечном счете итоги выборов. При всем кажущемся официальном отторжении идеологии крайне правых именно Народная партия не раз избирала АПС в качестве своего партнера по коалиции. Конечно, во многом это объяснялось несговорчивостью более близкого идеологического партнера – Социал-демократической партии Австрии. Занимая, как правило, вторую строчку в итоговой таблице, СДПА при обсуждении возможности коалиции с АНП предъявляла порой такие требования при распределении министерских порт-

³ Курц признал победу своей партии на выборах в Австрии // Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://www.sb.by/articles/kurts-priznal-pobedu-svoey-partii-na-vyborah-v-avstrii.html> (дата обращения : 20.10.2019).

фелей, на которые народники согласиться не могли, и предпочитали зачастую соглашение с АПС.

Тема о месте крайне правых в политической системе Австрии уже долгое время занимает в аналитических материалах приоритетные места.

Даже сейчас, после фактического поражения АПС на сентябрьских выборах (2017 г. – 27,4 процента, второе место; 2019 г. – 16,2 процента, третье место) никто не исключает торга с этой партией при формировании коалиции. И это не случайно. Как бы там ни было, но правые идеи в Австрии еще живы; они подпитываются чувствами «исторической гордости». Как известно, в свою бытность ее бывший лидер Й. Хайдер оправдывал нацистское прошлое Австрии и ее участие во Второй мировой войне на стороне Германии. Сейчас по понятным причинам эти лозунги уже не используются, они трансформировались в ксенофобию по отношению к иммигрантам, призывам ставить австрийские интересы превыше всего и т. п. Вот почему списывать АПС с австрийского политического поля представляется преждевременным.

Об этом говорит и история националистического движения в Европе, в котором Австрия зачастую называется его «родоначальницей» в XXI в., своеобразным реставратором крайне правых идей прошлого. Вот почему можно сказать, что корни современной правой тенденции в Европе во многом берут свое начало в Австрии. Вспомним начало XXI в., когда в ряде европейских государств отмечались вылазки неонацистов, а в некоторых странах даже образовывались неонацистские партии.

Однако в отличие от Австрии, где в 2000 г. Австрийская партия свободы сумела войти в состав правительственной коалиции с СДПА, ни одно европейское государство не решилось пойти на подобный шаг. Тогдашний лидер АПС Й. Хайдер, «будучи во власти» получил широкую возможность для пропаганды своих идей. Заметим, что тогда такой сговор с крайне правыми совершила Социал-демократическая партия Австрии как победительница выборов 1999 г.⁴ Она сделала это в пику социалистам других европейских стран, категорически отвергавших возможность союзных коалиций с неонаци-

⁴ Человек, рвущийся к власти в Австрии // Лехаим [Электронный ресурс]. 2000. URL : lechaim.ru/ARHIV/94/hider.htm (дата обращения : 20.10.2019).

тами. Не стал возражать против такой коалиции и тогдашний президент Австрии от АНП Т. Клейстер.

Такое попустительство дало свои плоды. На президентских выборах 2016 г. кандидат от АПС Н. Хофер сумел не только выйти во второй тур с наилучшим результатом (36,4 процента), но и составить своему сопернику А. Ван дер Беллену (независимый кандидат, поддерживаемый партией «Зеленых») довольно сильную конкуренцию, завоевав 49,6 процента голосов⁵.

По своей активности и электоральным результатам крайне правые Австрии намного превосходили своих адептов из Франции, ФРГ, Нидерландов, Великобритании и других европейских стран. Однако постепенно свой лидерский статус на общеевропейском сегменте правых сил Австрийская партия свободы все же стала уступать другим крайне правым партиям. Если пик популярности АПС пришелся на начало XXI в. и сейчас колеблется в пределах статистических 15–20 процентов, то для европейского электорального пространства крен вправо стал очевидно заметен со второго десятилетия века.

Характерна в этом плане смена парадигмы восприятия правого крена официальными кругами Евросоюза. Если в начале XXI в. сама возможность нахождения крайне правых в правительственных коалициях вызывала в высших кругах ЕС нескрываемое отторжение, то сейчас такой вариант видится ими приемлемым и при определенных обстоятельствах оправданным. Если в 2000 г. реакцией руководства Евросоюза на допуск АПС к правительственной коалиции Австрии было введение против нее экономических санкций, а со стороны ряда государств – отзыв своих послов, то сейчас (и в 2017, и в 2019 г.) «союз» АПС при формировании правительства не вызвал в Европе никакого протеста⁶. Да по-другому и быть не могло: в ФРГ уверенно набирает очки правая «Альтернатива для Германии», во Франции – «Национальное объединение» Ле Пен, в Италии – партия М. Сальвини и т. д.).

Европейские правые, имея уже немалый опыт политической борьбы, демонстрируют завидное чутье электоральных настроений.

⁵ Кандидат от правой партии Хофер признал поражение на выборах в Австрии // РБК [Электронный ресурс]. 2016. URL : www.rbc.ru/politics/04/12/2016/584159249a7947d12cb25c41 (дата обращения : 20.10.2019).

⁶ Правый сдвиг в Австрии // Иносми.ру [Электронный ресурс]. 2017. URL : inosmi.ru/politic/20171016/240526961.html (дата обращения : 20.10.2019).

Лозунги эпохи крайне правого Й. Хайдера с их открытым националистическим характером сначала уступили место более мягким призывам отстаивать интересы прежде всего своего государства (даже путем выхода из Евросоюза), а затем свелись к требованиям ужесточения миграционного законодательства и защите своих интересов в европейских структурах. Характерно, что в избирательной программе АПС 2019 г. положения о выходе Австрии из ЕС уже не было. Следует отметить, что большинство партий евроскептиков в ходе последних избирательных кампаний также старались избегать призывов о выходе из Евросоюза, заменяя их лозунгами о необходимости общеевропейского объединения правых сил и невмешательстве Брюсселя во внутреннюю политику своих государств.

Например, даже такие одиозные фигуры крайне правого сектора, каких сейчас по новой терминологии именуют как «новые правые», М. Ле Пен и М. Сальвини в ходе избирательной кампании 2019 г. в Европарламент убеждали избирателей «не разрушать Евросоюз, а изменять его на основании здравого смысла. Результат такой трансформации в идеологии правых дал свои результаты.

Наибольшего успеха во Франции на этих выборах от правых сил добилось «Национальное объединение» М. Ле Пен, обойдя новую партию Э. Макрона «Ренессанс» и вместе с итальянской партией М. Сальвини образовав свою фракцию в Европарламенте «Европа наций и свобод» (в ее состав вошли 58 депутатов).

Другая фракция «Европа свободы и прямой демократии» (итальянские «Пять звезд», британская партия Н. Фараджа «Брекзит») получила 54 места⁷.

Хотя надежды правых на более полное представительство в Европарламенте не оправдались, они, по оценке аналитиков, в его работе будут играть существенную роль. Что касается австрийского представительства в этом органе, то по результатам и распределению мест оно напоминает итоги сентябрьских выборов: АНП набрала 35 процентов голосов и получила 7 мест в Европарламенте, СДПА – 23,6 процента (5 мест), АПС – 18 процентов (3 места)⁸. Опять-таки следу-

⁷ Главное о результатах выборов в Европарламент // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. 2019. URL : www.dw.com/ru/главное-о-результатах-выборов-в-европарламент/a-48892941 (дата обращения : 20.10.2019).

⁸ Партия Курца побеждает на выборах в Европарламент в Австрии // ria.ru [Электронный ресурс]. 2019. URL : <https://ria.ru/20190527/1554935143.html> (дата обращения : 20.10.2019).

ет обратить внимание на третье место партии Свободы с 18 процентами голосов и тремя евродепутатами – представительство для такой не очень многочисленной партии вполне удовлетворительное.

Возвращаясь к итогам сентябрьских выборов, следует обратить внимание на результаты партий второго эшелона: «Зеленые» – 13,9 процента, «Новая Австрия» – 8,1 процента голосов; в сумме – 22 процента.

Этот успех малых партий подтверждает еще одну общеевропейскую тенденцию: на электоральном поле Европы все больший вес начинают приобретать партии, программы которых лишены традиционных и привычных лозунгов центристов и отвечают на злободневные, актуальные проблемы простых избирателей (экология, климат, социальное законодательство и т. п.).

Во многом эти лозунги позволили, например «Зеленым» в ФРГ, набрать 20 процентов голосов при выборах в Европарламент, обойдя СДПГ и заняв второе место после ХДС/ХСС. В целом «Европейский свободный альянс» («Зеленые» и либералы) получили в этом органе 155 мест (для сравнения, лидер – Европейская народная партия получила 180 мест)⁹.

Характерно, что рост популярности малых партий в Австрии происходит при одновременном падении доверия к право- и левоцентристским идеям. Это, в свою очередь, провоцирует отток избирателей от СДПА и частично от АНП.

Если два года назад партия «Зеленых», не преодолев четырехпроцентный барьер, даже не вошла в парламент, то сейчас к ней относятся как к одной из сильных в перспективе оппозиционных партий, способной претендовать на место в правительственной коалиции.

По словам лидеров этой партии, пятью требованиями «Зеленых» остаются: защита климата посредством развития альтернативной энергетики; равенство мужчин и женщин; образование; борьба с бедностью; интеграция иммигрантов в австрийское общество¹⁰.

⁹ Итоги выборов в Европарламент : усиление фрагментарности и неопределенности // Eadaily.com [Электронный ресурс]. 2019. URL : eadaily.com/ru/news/2019/06/04/itogi-vyborov-v-evroparlament-usilenie-fragmentarnosti-i-neopredelennosti (дата обращения : 20.10.2019).

¹⁰ Зеленые главная оппозиционная партия Австрии // Новости политических партий России и стран СНГ [Электронный ресурс]. 2007. URL : http://www.qwas.ru/ukraine/greenparty/id_48108/ (дата обращения : 20.10.2019).

Что касается внешней политики, то «Зеленые» Австрии во многом примыкают к требованиям ряда европейских партий популистского толка, в частности, по России – об ужесточении экономических санкций, пересмотре контрактов по газопроводу «Северный поток-2» и т. д.

На таких же внешнеполитических позициях стоит и партия «Новая Австрия», возглавляемая Б. Майнль-Райзинтер, однако, что касается возможности вхождения в коалицию с АНП, то на встрече с С. Курцем она такую вероятность категорически отвергла, обвинив его в несоблюдении фундаментальных прав человека.

Обсуждение результатов. Основные итоги и результаты проведенного исследования были изложены автором статьи в докладе «Парламентские выборы в Австрии как отражение общеевропейских электоральных тенденций» в ходе 18-й международной научной конференции «Беларусь в современном мире», проходившей на факультете международных отношений БГУ 30 октября 2019 г.

Выводы. Учитывая принципиально новую электоральную ситуацию, которая сложилась в Австрийской Республике после выборов 29 сентября 2019 г., наиболее вероятной выглядит будущая коалиция АНП с партией «Зеленых», что будет означать формирование первого в истории Австрии правительства с участием консерваторов и «Зеленых», которое в значительной степени реформирует традиционную партийную систему Австрийской Республики.

Характеризуя итоги сентябрьских парламентских выборов в Австрии и первые заявления партийных лидеров, можно сделать вывод о сохранении этим государством своего внешнеполитического курса и внутренней политики, проводимой лидером Австрийской народной партии С. Курцем. Возможные небольшие поправки могут быть связаны с требованиями возможного партнера АНП по коалиции, колебаниями в электоральных настроениях, а также влиянием общей политики Евросоюза.

Библиографические ссылки

1. *Бордюгов Г.* (ред.). Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. : сб. док. М. : АИРО-XXI; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 656 с.
2. *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика. М. : Весь мир, 2007. 504 с.
3. *Грицак Е. Н.* Тироль и Зальцбург. М. : Вече, 2007. 224 с.

4. *Медведева К. Т.* Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века. М. : Индрик, 2004. 280 с.
5. *Пристер Е.* Краткая история Австрии. М. : Изд-во иностр. лит., 1952. 534 с.
6. *Райсберг А.* Австрия, февраль 1934. Причины и следствия. М. : Прогресс, 1975. 324 с.
7. Освободительные движения народов Австрийской империи : период утверждения капитализма / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М. : Наука, 1981. 464 с.
8. *Черников И. И.* Гибель империи. М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. 640 с.
9. *Шарапо А. В.* Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии и Швейцарии: учеб. пособие. Минск : БГУ, 2007. 231 с.
10. *Шарапо А. В.* ФРГ на рубеже веков: сб. ст. Минск : БГУ, 2014. 111 с.
11. *Шарапо А. В.* Избирательная кампания 2017 г. в Германии: особенности межпартийной борьбы и проблемы формирования правительства : учеб. материалы для студентов. Минск : БГУ, 2018. 95 с.
12. *Шарый А., Шимов Я.* Австро-Венгрия: судьба империи. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 448 с.
13. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М. : Эксмо, 2003. 609 с.
14. *Шимов Я.* Австрия и Венгрия: идентичность на развалинах // Россия в глобальной политике. 2005. URL : https://globalaffairs.ru/number/n_5966 (дата обращения : 20.10.2019).
15. *Юданов Ю.* Австрия и Евросоюз : противостояние // МЭиМО. 2001. № 2. С. 82–91.

Дата поступления статьи: 19.09.2019.

Образец цитирования: *Шарапо А. В.* Итоги парламентских выборов 2019 г. в Австрии в контексте общеевропейских тенденций // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2019. Вып. 7. С. 106–117.

Автор: Шарапо Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: sharapa@bsu.by.

RESULTS OF THE 2019 PARLIAMENTARY ELECTIONS IN AUSTRIA IN THE CONTEXT OF PAN-EUROPEAN TRENDS

A. V. Sharapa

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article discusses the results of the early parliamentary elections in the Austrian Republic, which took place on September 29, 2019 and led to a convincing victory for the conservative Austrian People's Party (ANP), headed by Chancellor S. Kurtz. The author identified the most significant prerequisites for the victory of the ANP in line with the transformation of the Austrian party system in the late 20th and early 21st centuries, outlining its most important trends in the context of strengthening right wing and populist moods in all European states.

In conclusion, a forecast is presented on the configuration of the new ruling coalition of the Republic of Austria. This research is also of particular interest in the context of the study of pan-European trends in the evolution of party structure, which took shape in the second half of the XX century. It provided as a rule a struggle for power of two main political parties or blocs. On the example of Austria, the author showed that a multi partisan model, which implies the competition of several large parties, replaces gradually the former bipartisan model. One of the evidence of this process is a participation of the Greens – a party that is replacing the Social Democrats and other traditional leftist forces of Austria in the formation of the new Austrian government.

Key words: Austria; Austrian People's Party (ANP); parliamentary elections; ruling coalition; populism and right-wing radicalism; electoral trends.

References

1. Bordyugov, G. (Ed.). (2006). Sovetskaja politika v Avstrii. 1945–1955 gg.: sb. dok [The Soviet politics in Austria. 1945–1955: Collection of documents]. Moscow, AIRO-XXI; St. Petersburg, "Dmitry Bulanin", 656 p. (In Russ.).
2. Vozelka, K. (2007). Istorija Avstrii. Kul'tura, obshhestvo, politika [History of Austria. Culture, society, politics]. Moscow. Wes' Mir, 504 p. (In Russ.).
3. Gritsak, E. N. (2007). Tirol' i Zal'cburg [Tyrol and Salzburg]. Moscow, Veche, 224 p. (In Russ.).
4. Medvedeva, K. T. (2004). Avstrijskie Gabsburgi i soslovija v nachale XVII veka [Austrian Habsburgs and estates at the beginning of the XVII century]. Moscow, Indrik, 280 p. (In Russ.).
5. Prister, E. (1952). Kratkaja istorija Avstrii [A Brief History of Austria]. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 534 p. (In Russ.).
6. Raisberg, A. (1975). Avstrija, fevral' 1934. Prichiny i sledstviya [Austria, February 1934. Causes and effects]. Moscow, Progress, 324 p. (In Russ.).
7. Freidzon, V. I. (Ed.). (1981). Osvoboditel'nye dvizhenija narodov Avstrijskoj imperii: Period utverzhenija kapitalizma [Liberation movements of the nations of the Austrian Empire: The period of the establishment of capitalism]. Moscow, Nauka, 464 p. (In Russ.).
8. Chernikov, I. I. (2002). Gibel' imperii [The death of the empire]. Moscow, ACT; St. Petersburg, Terra Fantastica, 640 p. (In Russ.).
9. Sharapo, A. V. (2007). Politicheskie sistemy i vneshnjaja politika Germanii, Avstrii i Shvejcarii: ucheb. posobie [Political systems and foreign policy of Germany, Austria and Switzerland: reader for students]. Minsk, BSU, 231 p. (In Russ.).
10. Sharapo, A. V. (2014). FRG na rubezhe vekov: sb. st. [Germany at the turn of the century: Collection of papers]. Minsk, BSU, 111 p. (In Russ.).
11. Sharapo, A. V. (2018). Izbiratel'naja kampanija 2017 g. v Germanii: osobennosti mezhpartinnoj bor'by i problemy formirovanija pravitel'stva: ucheb. materialy dlja studentov [The 2017 election campaign in Germany: features of the inter-party struggle and the problems of government formation: reader for students]. Minsk, BSU, 95 p. (In Russ.).
12. Shary, A., Shimov, J. (2015). Avstro-Vengrija: sud'ba imperii [Austro-Hungary: the fate of the empire]. Moscow, Kolibri, ABC-Atticus, 448 p. (In Russ.).
13. Shimov, J. (2003). Avstro-Vengerskaja imperija [Austro-Hungarian Empire]. Moscow, Eksmo, 609 p. (In Russ.).

14. Shimov, J. (2005). Avstrija i Vengrija: identichnost' na razvalinah [Austria and Hungary: identity on the ruins]. In: *Russia in global politics*. № 6. URL : https://globalaffairs.ru/number/n_5966 (accessed 20.10.2019). (In Russ.).
15. Yudanov, Y. (2001). Avstrija i Evrosojuz: protivostojanie [Austria and the European Union: confrontation]. In: MEiMO. № 2, p. 82–91. (In Russ.). (In Russ.).

For citation: Sharapa, A. V. (2019). Results of the 2019 parliamentary elections in Austria in the context of pan-European trends. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 7, p. 106–117.

About author: Sharapa Aliaksandr Viktaravich – Doctor of Sciences in History (Dr. Hab.), Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: sharapa@bsu.by.

Received: 19.09.2019.

IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL HEALTH POLICY IN PRC (1981–2017)

HUANG KUNPENG

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Since the founding of the People's Republic of China, China's national health and sanitation industry has achieved remarkable achievements. Before the liberation, the Chinese people suffered from hunger, famine and infectious diseases. The average life expectancy was only 35 years old. In the early days of the founding of New China, under the condition that the national strength was extremely weak and there was a serious shortage of medical treatment and medicine, the state adopted a «prevention-based» medical and health strategy to mobilize social resources and effectively curb prevention measures such as changing people's bad habits and vaccination. The serious threat to the spread of human's infectious diseases in China has greatly improved the people's health. Since the reform and opening up, with the rapid development of the economy, people's material living standards have become increasingly rich, but new challenges have been generated in the health field.

Faced with new challenges in the health field, the Chinese medical community conducted a comprehensive analysis and discussion. Based on the summary of relevant experiences of the World Health Organization (WHO), combined with China's national conditions, it put forward countermeasures for the health of the whole people and provided suggestions for deepening the reform of China's medical and health system.

Key words: China; World Health Organization; national health care; international health cooperation; health care reform in the PRC; the «Chinese dream».

DOI: <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2019-7-118-131>.

Introduction. The overall strategy of China's construction, adhere to the people-centered development thinking, firmly establish and implement the development concept of innovation, coordination, green growth, openness, and sharing, adhere to the grassroots focus, reform and innovation as the driving force, prevention-oriented, Chinese and Western emphasis on the integration of health into all policies, the people build a shared health and health work policy, with the core of improving people's health. Emphasis is placed on: first, prevention is the mainstay, promoting healthy lifestyles, reducing disease occurrence, promoting resource sinking, and achieving affordable and sustainable development.

Second, adjusting and optimizing the health service system, strengthening early diagnosis, early treatment, early rehabilitation, on the basis of strengthening the grassroots level, promote the development of health industry and better meet the health needs of the people; the third is to regard «building and sharing the health of all people» as a strategic theme, adhere to the government's leadership, mobilize the participation of the whole society, and promote social sharing. People are self-disciplined and achieve the health of the whole people.

Build a healthy China, actively strengthen interaction with the World Health Organization (WHO), popularize healthy living, optimize health services, improve health protection, build a healthy environment, and develop a healthy industry.

Literature review. Traditional public health governance is subject to what German philosopher Ulrich Beck puts it: «Methodological Nationalism» [1, p. 286]. Rudolph Virchow said: «Medical science is a social science, and politics is nothing else but medicine on a large scale». Interestingly, in the West, the differences in the use of concepts are related to the user's country and research interests. Hedley Bull, a famous British international political theorist, pointed out that British scholars have studied the international issues with a deep-rooted «empire» thinking tradition [2]. «Only by combining the theoretical framework of the system with the theory of foreign policy decision-making can we accurately explain the specific behavior of the state» [3, p. 64].

As a new subject, at the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, due to the threat of new and recurrent infectious diseases, the study of global health issues in the international relations community warmed up: in 1997, Meri Koivusalo of Finland co-published with other scholars «Making a Healthy World: Agencies, Actors & Policies in International Health», starting with the organization of the World Health Organization (WHO) and international mechanisms related to global health policy, analyzes its characteristics, policies and practices, which is a comprehensive explain the academic work of the international mechanisms involved in the international health strategy.

Since the 21st century, due to the impact of infectious diseases on the international community, Andrew T. Price-Smith of the United States in 2001 «Plagues and Politics: Infectious Disease and International Policy» is based on the theory of international relations and describes the impact of

the public health crisis on global health security [4]. In 2003, David P. Fidler of Indiana University from the United States in «SARS, Governance and the Globalization of Disease» notes that the SARS crisis is an example of how to deal with the effects of the post-Westphalian system. A total of health issues, and explored China's global role in combating SARS. In 2007, Andrew F. Cooper of Canada from the role of World Health Organization (WHO) in the book «Governing Global Health: Challenge, Response, Innovation» to show the International organizations analyze the public health issues in the era of globalization, highlight the importance and challenges of global public health governance in the 21st century, and call for innovation. In 2012, Ellen Roskam and Ilona Kickbusch published «Negotiating and Navigating Global Health: Case Studies in Global Health», which adds an overview of how to conduct negotiations in the global health arena, presenting the typical characteristics of health diplomacy in the 21st century.

Scholars Theodore Brown, Marcos Cueto and Elizabeth Fee in «The World Health Organization and the Transition From «International» to «Global» Public Health» with the connotation of the two concepts of international health and global health, for the World Health Organization's history and its role in the transformation of the two concepts are traced back [5].

Research on the World Health Organization from the perspective of sociopolitics, such as Walter R. Sharp's «The New World Health Organization» published in «The American Journal of International Law», on the role of political and economic factors in the early days of the establishment of the World Health Organization; in 1995, Wegman's «World Health and World Politics: The World Health Organization and UN system» put the World Health Organization in an international political and economic context to sort out the development and controversy of various issues [6].

In summary of the research results abroad, most scholars have explored the issue of global health governance from multiple angles, and analyzed the causes of global public health governance issues. The theory is strong, but generally mentions that developed countries have to bear for global health governance.

Related responsibilities, but more calls for developing countries and non-state actors in the international community to share global public health governance.

Research methods.

1. Qualitative analysis: the analysis of the concepts involved in health diplomacy uses qualitative analysis, which can not only deficiencies, but also propose corresponding improvement measures.

2. Quantitative analysis: this article describes China's health diplomacy, through the statistics of relevant departments and World Health Organization (WHO) statistics, trying to objectively and accurately describe the problem and analyze the reasons.

3. Historical analysis: health diplomacy as a new subject, but practical activities have a corresponding historical process in the international and national countries. This paper sorts out the history of international and national health diplomacy, and compares them vertically and horizontally. Analyze the problems and reveal the laws.

Results of the research.

1. China's interaction with the World Health Organization

In 1981, WHO established a representative office in Beijing. In 1991, Chinese Minister of Health Chen Minzhang was awarded the World Health Organization's National Health Gold Award. He is the first health minister in the world to receive this honor.

To date, China and the World Health Organization have held more than 20 coordination and organizational meetings on technical cooperation; WHO has provided more than \$100 million in assistance to our country.

In response to Taiwan's participation in the World Health Organization (WHO) needs and aspirations, and considering the exchange of information and coordination between relevant actors on both sides of the Taiwan Strait, the Chinese government agrees that Taiwan will join the World Health Organization. Chinese Taipei is an observer. In April 2009, WHO Director-General Chen Fengfuzhen (Chen Feng Fuzhen) issued an official invitation to the Chinese Taipei Ministry of Health to attend the 62nd as an observer in Geneva from May 18th to 27th World Health Organization Conference.

In China, there are 69 World Health Organization (WHO) Collaboration Centers – more than any other country in the Pacific Ocean that belongs to the World Health Organization. They hired professionals from more than 30 different medical professions. As a «show» to showcase cooperation between China and the World Health Organization in the field of

medical technology, the WHO Collaborating Centre has played an active role in promoting health technology exchange and staff training at the international and national levels.

Medical modernization has become one of our top priorities, with the goal of providing health care for all. President Xi Jinping visited the United Nations Headquarters in Geneva and the World Health Organization on January 18 this year. Xi Jinping became the first Chinese leader to visit the World Health Organization in history. This visit fully reflects the importance that Chinese leaders attach to the principle of multilateral relations. During the visit, President Xi Jinping delivered a keynote speech at the UN headquarters in Geneva.

The delegation met with the President of the UN General Assembly, the UN Secretary-General and the Director-General of the World Health Organization, and witnessed the cooperation document signed by China and the World Health Organization on the Mutual Cooperation on Mutual Cooperation in Health (the Silk Road) [7].

Li Baodong, Vice Minister of Foreign Affairs of China, pointed out: «At present, all countries in the world are increasingly interdependent. We share a common destiny and interests. At the same time, the international situation remains complex and unstable due to increasing global challenges. China and other relevant parties have promoted wisdom by promoting in-depth exchanges on issues such as promoting peace and development, strengthening global governance, promoting international health initiatives, and jointly addressing global issues. The visit of senior Chinese officials has promoted China and the world's health. Organized pragmatic cooperation» [8].

After 35 years of unprecedented economic growth, China has lifted 500 million people out of poverty and become one of the middle- and high-income countries, entering a more difficult stage of development. China will focus on a more equitable distribution of material prosperity as a result of the country's development and prosperity, and will place greater emphasis on human development (especially in health).

Today's China is different from the country 50 years ago, both in terms of technology and population. China's life expectancy (76,3 years) [8] has made unprecedented progress in achieving the Millennium Development Goals (MDGs), covering almost all basic health insurance (95 % of the population) and overall medical expenditures over the past 20 years

40 times, reaching 5,6 % of GDP. Chinese people live longer and healthier than they did 50 years ago.

Despite these achievements, there are still some differences in health indicators and per capita health expenditures between urban and rural areas, between different populations and between different regions. High costs are a major factor hindering fair access to health care. There are still 70 million people living below the poverty line, and about 40 % of them are experiencing health problems.

Rapid development has also brought new challenges. By 2053, the elderly population in China will reach 487 million, accounting for 35 % of the total population [9] (13,7 % in 2011) [10], with more than 70 % of the population living in cities (54 % in 2014). Large-scale urbanization and increased happiness have led to lifestyle changes.

The environmental degradation caused by the aging of the population, as well as past and present economic growth patterns, rely mainly on industry, exacerbating the shift from disease spectrum to non-communicable diseases (NCD). Non-communicable diseases currently account for 85 % of China's total mortality. Although the proportion of infectious diseases in general disease levels is currently small, the issue of drug resistance (including MDR-TB), the epidemic of viral hepatitis B and hepatitis C is on the agenda of the Millennium Development Goals and AIDS. The issue of comprehensive coverage of reproductive health services and services will not lose its value as part of efforts to maintain public health.

In addition, in the recently announced Sustainable Development Goals, the ambitious development goals of the health sector and other non-relevant sectors up to 2030 require early cross-sectoral planning. Reforms in the health care system and health care system are currently underway. However, providing better and more affordable health care to 1,3 billion people remains a daunting task.

An active and free market economy has led to the emergence of new players in the food, pharmaceutical and healthcare sectors, which fills many gaps in the public sector, but also means more regulation and compliance.

With a huge Internet «population», in 2014, China's Internet users reached 6,49 million, and the Internet penetration rate was 47,9 %. 90 % of Internet users have social media accounts; SMS, voice messages and

Weibo are very popular, leading to changes in the way information is exchanged in real time. The public is increasingly concerned about health issues. It seems reasonable to allocate more funds for health material support and cooperation strategies between China and the World Health Organization (2016–2020), which will create opportunities for improving public health knowledge. China is not primarily a recipient of development assistance, but is a development partner of other developing countries based on its own technical and financial capabilities.

As a member of the United Nations and the World Health Organization, China has demonstrated its activities on existing multilateral platforms (United Nations and World Health Organization); in addition, it is the home country of new organizations and initiatives in the region and around the world.

For China's changing role, it is necessary for the World Health Organization to respond to new directions and guide future cooperation. Taking into account the current analysis of China's current health care situation and the experience of implementing the previous version of the «National Cooperation Strategy», the new version of the China-WHO Cooperation Strategy Document is in the «Basic Provisions of the National Health System Development Plan» (2016-China) (proposed the Chinese government's proposal, 2020), UN China Development Assistance Framework: China (2016–2020), the 12th WHO Master Plan of Work (2014–2019) Sustainable Development Goals. The identified priorities also take into account China's commitments as a member of WHO and existing agreements between WHO and China.

2016–2020 WHO – The six strategic priorities for China's cooperation are:

1. Strengthen the health care system to achieve universal health coverage.
2. Reduce morbidity and mortality caused by major diseases, as well as threats to public health.
3. Improve the safety of food, hygiene products and related technologies.
4. Promote urban health campaigns to achieve the commitment of all parties in this regard.
5. Consider the impact of climate change on health and the environment.

6. Expand China's contribution to global health.

By supporting policy initiatives and laws, WHO can best leverage its comparative advantage and maximize its value; WHO can help build evidence-based policy changes, engage in high-level dialogue on important health issues; and use your reputation and prestige. In particular, it can use the Internet, event reporting in social networks, and changes in people's attitudes toward health care spending to guide the spread of health information [10].

China will work with WHO to promote the health of all citizens. The latter plays an increasingly important role in China's general health care system.

2. The history of cooperation between China and WHO

The history of global health includes the period of medical conferences, the period of global cooperation in global health, and the period of globalization and multilateral cooperation in this field. The various periods of our diplomacy and the characteristics of international cooperation can be divided into three phases:

1948–1977 – China's legal status in the World Health Organization is occupied by the Taiwan authorities, China and the relationship between WHO has been largely broken. China participates in major conferences of the World Health Organization and pays membership fees without any rights.

At this stage, China's health diplomacy mainly presents two main lines. First, China conducts unilateral health diplomacy to third world countries, mainly as medical assistance. Second, it begins to cooperate with a professional international organization, the World Health Organization.

This is an important step in the integration of the international system. Before that, China mistakenly cooperated with the World Health Organization and enjoyed the rights and interests that it deserves as a member state. It was regarded as being aided, refused to accept such technical cooperation, and only paid the dues. Without enjoying the rights.

1978–2002 – Start and work diversified with the World Health Organization. Coordination meetings, joint projects, technical cooperation, conferences, cooperation centers and other forms of cooperation.

China entered a new stage of development from the late 1970s. It is not only a new stage of China's domestic political, economic, and social

development, but also a new stage of rapid development of relations between China and the world. Deng Xiaoping proposed that «peace» and «development» are the themes of today's world, officially proclaiming a non-aligned and independent foreign policy of peace. In the 1990s, it was a global adaptation period, and China quickly entered the process of economic globalization.

In terms of health diplomacy, China has made full use of the stage of international organizations, actively carried out multilateral diplomacy, supported third world countries, and supported the global strategic goal of «Health for All for the Year 2000» proposed by the World Health Organization.

China actively participated in the discussion of the major conferences of the World Health Organization, and actively and targetedly spoke. In response to the new situations that occurred at the meeting, we analyzed and studied in a timely manner and proposed countermeasures. From the 1970s to the beginning of this century, the cooperation between China and the World Health Organization has developed smoothly: in the work of the World Health Organization, in planning budgets, setting priorities for planning, and on some political issues, our representatives implement national guidelines and policies.

To make it more conducive to third world countries; in technical cooperation, vigorously develop and expand technical cooperation with the World Health Organization, and introduce funds, technology, information, and talents for the development of China's health industry; opportunity to expand the impact.

2003 to 2017 – a continuation of initial joint projects, conferences, cooperation centers and other activities, the country's cooperation has risen to a strategic level. China plays an important role in the development of the World Health Organization.

From passive assistance to active activities. China participates in the activities of the World Health Organization in interactive games between the two countries and member states. Benefits and values, the direction of management, the global political and economic environment, development issues and health issues, the establishment of aid agencies, partnerships and financial support have become a means of influencing our cooperation with the World Health Organization. In the future, China will work with the World Health Organization to meet our own health needs and health

needs in terms of social security and social determinants, building health systems, disseminating knowledge, building capacity, technology development and support, and strengthening cooperation and sharing of experiences. With WHO priorities.

During this period, China's global influence and external relations continued to develop and quickly became a global power. China's multi-lateral diplomacy and big country diplomacy have both innovations and breakthroughs, such as holding a large-scale and influential Beijing Summit of China-Africa Cooperation Forum, establishing bilateral strategic cooperation and dialogue with the United States, Russia, Japan, and the European Union, enriching and strengthening China. The channels and influence of diplomacy.

During this period, Chinese diplomacy also increased its investment in international obligations and responsibilities. China actively participated in various activities of the World Health Organization. In 2006, after Ms. Chen Fengfuzhen was elected as the Director-General of the World Health Organization, China's cooperation with the World Health Organization was further strengthened. China also took the lead in achieving the goal of eradicating smallpox and polio.

Significant achievements have been made in areas such as infectious disease prevention and treatment in traditional medicine, such as primary health care, and the World Health Organization has also given strong support and useful experience. China has also worked with the World Health Organization to develop the World Health Organization's National Cooperation Strategy in China: Strategic Priorities for 2004–2008 [11]. In 2009, Chinese Health Minister Chen Hao made it clear at the 62nd World Health Assembly that China is willing to strengthen cooperation with countries and international organizations to jointly address the challenges facing human public health security.

From «health for one» to «health for all», China formulates health strategies according to its national conditions, strengthens interaction with the World Health Organization, and assumes the corresponding international responsibilities and obligations of the world's largest developing countries in the health field, and exerts international influence. To promote global health and improve the health of all people.

3. Drawing on the experience of the World Health Organization to build a healthy China

The social economy is constantly evolving and the concept of health is constantly updated. The latest definition of health in the World Health Organization is: «Health is a state of complete physical, mental and social well-being and not merely the absence of disease or infirmity». Health is the basic right of human beings, the inevitable need to promote the all-round development of human beings, the basis for the overall development of individuals, the enjoyment of life, study, work and caring for others. It is the resource, motivation and guarantee for social and economic development and innovation, an important symbol of national prosperity. The Director-General of the World Health Organization, Dr. Margaret Chan, said: «Beginning in the 19th century, improvements in hygiene and living conditions were followed by vast improvements in health status and life-expectancy.

These environmental improvements aided the control of infectious diseases, totally vanquishing many major killers from modern societies. Today, the tables are turned. Instead of diseases vanishing as living conditions improve, socioeconomic progress is actually creating the conditions that favour the rise of noncommunicable diseases. Economic growth, modernization, and urbanization have opened wide the entry point for the spread of unhealthy lifestyles».

China's national health undertakings are also facing enormous the challenge is that in the process of cooperation between the World Health Organization, China continues to draw on the World Health Organization's excellent experience in global health governance.

At the National Health and Wellness Conference held in August 2016, General Secretary Xi Jinping once again stressed the need to put people's health in the strategic position of priority development, this is the first time at the national level to explicitly propose to shift the focus of China's medical and health care to the promotion of universal health.

China strengthens the strategic planning of medical research from the national level, integrates resources, and builds basic research and technology product development, industry promotion, technology services, etc. The tightly integrated full chain research system is the common practice of the World Health Organization.

China draws on the experience of the World Health Organization, and needs to speed up the introduction of the «Health Promotion Law», improve the medical insurance related system, greatly improve the use ef-

iciency of medical insurance, and design incentives. Encourage people to strengthen their health management and improve their health.

Discussion of the results. Therefore, as a «Chinese Dream» for the great rejuvenation of the Chinese nation, «Healthy China» re-examines and plans the promotion of national health and strengthens the national consciousness and system building for the promotion of citizen health. All the people can participate consciously and learn internationally. WHO's excellent experience and active integration into the global health governance system are important.

Conclusion. To sum up: the national health policy in China is a part of the «Chinese Dream». It must be highly valued from the survival of the nation and must be important to the concept, the legal system, the system, and the education. Reform, strengthen cooperation with the World Health Organization, and use international advanced health concepts to continuously improve China's health care system. The national health policy will also promote the development of China's sustainable development strategy.

References

1. Beck, U. (2007). The Cosmopolitan Condition: Why Methodological Nationalism Fails. In: *Theory, Culture & Society*, December 1, Vol. 24 (7–8), p. 286–290.
2. Bull, H. (1995). The Theory of International Politics, 1919–1969 [1972]. In: *International Theory: Critical Investigations*, ed. J. Der Derian. London, Palgrave Macmillan, p. 181–209.
3. Gao Shangtao (2009). Foundations of International Relations Theory [Guojiguanxi lilun jichu]. Beijing, Current Affairs Press, 299 p.
4. Price-Smith, A. T. (Ed.). (2001). Plagues and Politics: Infectious Disease and International Policy. New York, Palgrave Macmillan, 293 p.
5. Brown, T., Cueto, M., Fee, E. (2006). The World Health Organization and the Transition From “International” to “Global” Public Health. In: *American Journal of Public Health*. January, Vol. 96, 1, p. 62–72.
6. Wegman, M. E. (1998). World Health and World Politics: The World Health Organization and the UN System. In: *Journal of Public Health Policy*, 19 (1), p. 106–110.
7. Health News Chinese and the establishment of WHO. (2011). URL: <http://www.jkb.com.cn/medicalHumanities/2011/1014/133945.html> (accessed 11.04.2018). (In Chin.).
8. Su Jingjing, Zhang Daqing (2011). Health Diplomacy in the Process of Globalization. In: *Research on Dialectics of Nature*, 27 (10), p. 60–65.
9. Wendt, A. (2000). Social Theory of International Politics, translated by Qin Yaqing. Shanghai People's Publishing House, p.82.
10. Li Chunguang (2002). Overview of the United Nations and its specialized agencies. In: *China Statistics Press*, p. 123–129.

11. Launch of WHO–China country cooperation strategy 2008–2013. (2008). URL: <http://www.wpro.who.int/china/mediacentre/releases/2008/20080520/en/> (accessed 24.10.2019).

Received: 10.10.2019.

For citation: Huang Kunpeng (2019). Implementation of the national health policy in PRC (1981–2017). In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 7, p. 118–131.

About author: Huang Kunpeng – post-graduate student of the Department of international relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: hkp19851121@gmail.com.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КНР (1981–2017)

ХУАН КУНЬПЭН

Белорусский государственный университет

Минск, Республика Беларусь

Со времени основания Китайской Народной Республики национальная индустрия здравоохранения и санитарии Китая достигла замечательных результатов. До образования КНР китайский народ страдал от голода и массовых инфекционных заболеваний. Средняя продолжительность жизни была всего 35 лет. В первые дни основания Нового Китая, когда национальная мощь была чрезвычайно слабой и существовала нехватка медицинской помощи и лекарств, государство приняло основанную на профилактике медицинскую стратегию и стратегию здравоохранения для мобилизации социальных ресурсов, способную эффективно обеспечить профилактические меры, такие как изменение вредных привычек людей и вакцинация.

Серьезная борьба с угрозой распространения инфекционных заболеваний в Китае значительно улучшила здоровье людей. После реформ и введения политики открытости, с быстрым развитием экономики материальный уровень жизни людей становился все более высоким, однако в области здравоохранения это породило возникновение новых проблем.

Столкнувшись с новыми проблемами в области здравоохранения, китайское медицинское сообщество провело их всесторонний анализ и обсуждение. Основываясь на соответствующем опыте Всемирной организации здравоохранения в сочетании с национальными условиями Китая, были выдвинуты контрмеры для обеспечения здоровья всего народа и представлены предложения по углублению реформы системы здравоохранения.

Ключевые слова: Китай; Всемирная организация здравоохранения; национальное здравоохранение; международное сотрудничество в области здравоохранения; реформа в области здравоохранения в КНР; «китайская мечта».

Дата поступления статьи: 10.10.2019.

Образец цитирования: *Huang Kunpeng*. Implementation of the national health policy in PRC (1981–2017) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2019. Вып. 7. С. 118–131.

Автор: Хуан Куньпэн – аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: hkp19851121@gmail.com.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Сборник научных статей

Выпуск 7

В авторской редакции

Редактор Л. С. Большедворова.

Подписано в печать 30.12.19. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 6,9. Уч.-изд. л. 7,67.

Тираж 100 экз. Заказ 349.

Издатель и полиграфическое исполнение

УП «Бестпринт». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/160 от 27.01.2014.

Ул. Филатова, 9. к. 1. 220026, г. Минск.